

Екатерина II, Императрица.

Портретъ работы Д Севицкаго.

*Водственность кн. Барятинскаго, въ имѣннн „Ивановское“,
Бурской гуд.*

К. Валишевскій.

Романъ Одной Императрицы.

Екатерина Вторая,

по ея запискамъ, письмамъ и неизданнымъ документамъ государственныхъ архивовъ.

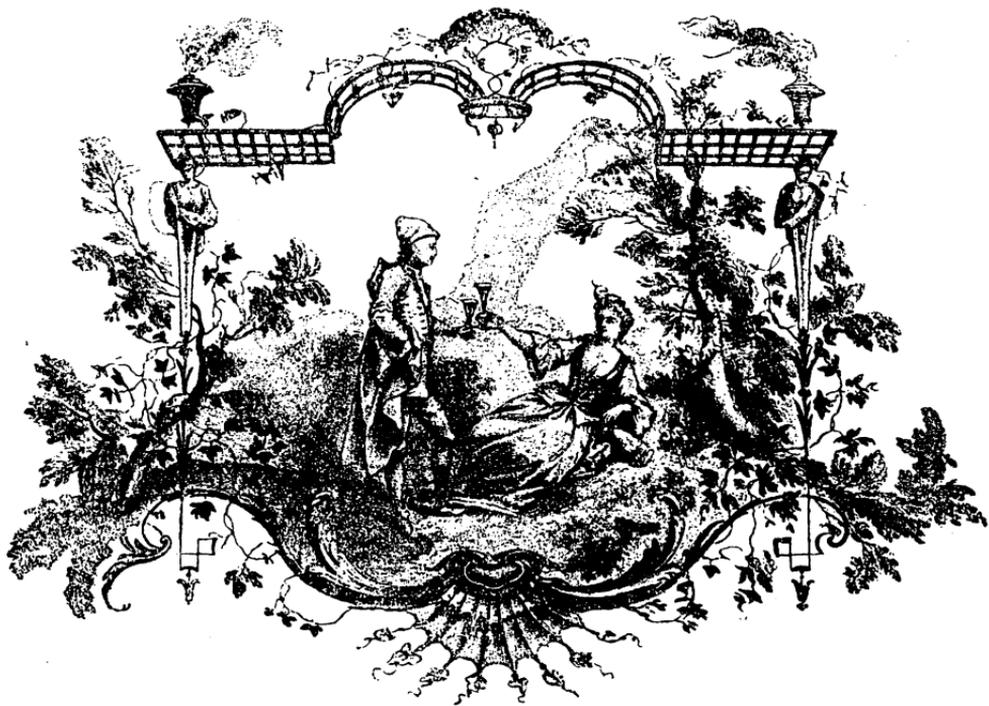
Съ пятью фототипическими портретами.

Московское Книгоиздательское Товарищество
„ОБРАЗОВАНИЕ“.

МОСКВА.—1908.

Типо-литогр. Русскаго Товарищества печатн. и издател. дѣла.
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. д. Телефоны 18-35 и 53-95

Перевоспитаніе Екатерины.

Несмотря на раннее развитіе своего ума, Екатерина была все же еще только ребенокъ и несмотря на свое православное имя и официальное положеніе—считалась иностранкой, которую случай призвалъ въ Россію занять въ ней такой возвышенный постъ и которая имѣла всѣ данныя для того, чтобы достигнуть этого высокаго положенія. Если она о томъ и забывала минутами, что и было, кажется, до извѣстной степени, то кто-то обязанъ былъ стараться напоминать ей объ этомъ и даже въ довольно строгой формѣ.

Кажется, что разъ, достигнувъ цѣли,—выйдя замужъ, воспитанница m-elle Кардель почти совсѣмъ забыла ту выправку, которая до тѣхъ поръ доставляла ей единодушныя похвалы.

Даже «пріятныя инструкции» Христіана Августа, казалось, отсутствовали въ ея памяти. Вскорѣ ей пришлось получить другія, но уже менѣе отеческія.

10 или 11 мая 1746 года, слѣдовательно менѣе, чѣмъ черезъ девять мѣсяцевъ послѣ свадьбы императрицѣ Елизаветѣ были

доставлены для ея подписи два документа, близко касавшіеся великаго князя и княгини.

Ихъ очевидная цѣль была установить выборъ и опредѣлить поведеніе двухъ «достоинныхъ особъ», которыхъ предполагали назначить къ ихъ императорскимъ высочествамъ въ качествѣ гофмейстера и гофмейстерины.

Ихъ настоящая же цѣль была совершенно иная. Подъ предлогомъ назначенія должностей имъ навязали двухъ настоящихъ наставниковъ и надзирателей.

Екатерина и ея супругъ, такъ сказать, снова были отданы въ школу; подъ видомъ опредѣленія программы этого дополнительнаго воспитанія былъ составленъ настоящій обвинительный актъ противъ молодыхъ супруговъ, поведеніе которыхъ вызвало необходимость примѣненія подобной мѣры. Авторъ требовательнаго акта, редакторъ обоихъ документовъ былъ самъ Бестужевъ.

Трудъ канцлера сохранился до нашихъ дней. Онъ изобилуетъ открытіями поистинѣ необычайными, до того необычайными, что они способны бы вызвать наше недоумѣніе, если бы мы не могли въ свою очередь провѣрить по *запискамъ* самой Екатерины. То, что Бестужевъ говоритъ о поступкахъ и жестахъ Екатерины и ея супруга и ихъ совмѣстной жизни, авторъ *записокъ* повторяетъ приблизительно то же самое, даже въ тѣхъ же выраженіяхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перо Екатерины превзошло даже канцлеровское и отъ нея же узнаемъ объ ея самой наиболѣе интимныя подробности.

Посмотримъ въ самомъ дѣлѣ: «знатная особа», призванная поддерживать компанію съ великимъ княземъ, занимается, читаемъ мы въ инструкціи, исправленіемъ нѣкоторыхъ непристойныхъ привычекъ его императорскаго высочества, какъ на примѣръ: выливать за столомъ содержимое изъ своего стакана на голову слугѣ, говорить грубо и съ неприличными шутками со всѣми, кто удостоивался приблизиться къ нему до принятыхъ ко двору иностранныхъ особъ включительно, искажать себя публично гримасами и постоянными кривляніями всѣхъ частей тѣла...

«Великій князь, читаемъ мы въ *запискахъ*, проводилъ свое время въ дѣтскихъ забавахъ, не соотвѣтствующихъ его возрасту. Въ своей комнатѣ онъ велѣлъ устроить театръ маріонетокъ. Это была величайшая пошлость на свѣтѣ... Великій князь проводилъ все время буквально въ обществѣ лакеевъ... Великій князь сформировалъ полкъ изъ всей своей свиты: придворные слуги,

егеря, садовники—всѣ имѣли мушкетъ за плечомъ. Коридоръ въ домѣ служилъ ему гауптвахтой... Великій князь очень бранилъ меня за чрезмѣрную набожность, которой я, по его мнѣнію предалась, но, не имѣя никого болѣе, съ кѣмъ бы могъ разговаривать во время обѣдни, онъ пересталъ на меня дуться. Когда великій князь узналъ, что я продолжала поститься, онъ меня очень бранилъ»... 1). Тотъ же силуэтъ ребенка, дурно воспитаннаго и невѣжливаго, съ порочными инстинктами является въ томъ и другомъ описаніи, только съ нѣкоторыми выпуклыми чертами во второмъ. Посмотримъ теперь, что говорится относительно самой Екатерины. Три главныя жалобы на нее изложены канцлеромъ по пунктамъ: небрежное отношеніе къ православной религіи на практикѣ; запретное вмѣшательство въ дѣлахъ государственныхъ какъ въ имперіи, такъ и герцогствѣ Голштиніи; чрезвычайная фамиллярность съ молодыми вельможами, посѣщающими дворъ, съ камеръ-юнкерами, даже съ пажами и лакеями.

Этотъ послѣдній пунктъ, очевидно, представляетъ наибольшую важность. О немъ же высказалась сама Екатерина въ своихъ *запискахъ* самымъ яснымъ образомъ, и эти объясненія не оставляютъ никакого сомнѣнія на счетъ фамиллярности (чтобы не сказать больше) отношеній, установившихся съ этого времени между нею и, по меньшей мѣрѣ, съ тремя молодыми людьми, посѣщавшими дворъ:—тремя братьями Чернышевыми; всѣ рослые, хорошо сложенные, и пользовавшіеся особенной благосклонностію великаго князя. Старшій—Андрей, самый блестящій кавалеръ изъ трехъ, былъ любимцемъ Петра и скоро сдѣлался имъ и у Екатерины. Она нѣжно называла его своимъ «сыночкомъ»; онъ прозвалъ ее «матушкой»—словомъ въ большомъ употребленіи въ Россіи и не имѣющемъ само по себѣ никакого двусмысленнаго значенія; однако же происходившая отъ этого интимность могла казаться менѣе невинной.

Петръ не только допускаялъ ее, но поощрялъ и наталкивалъ на крайности до забвенія самой элементарной благопристойности. Онъ любилъ излишества во всемъ и мало заботился о томъ, чтобы не быть неприличнымъ или чтобы окружающіе не были таковыми. Когда Екатерина называлась еще только его невѣстой, Андрей долженъ былъ ему напомнить, что дочь принцессы Цербстской назначена называться великой княгиней Россіи, а не мадамъ

1) Стр. 44, 47, 73.

Чернышевой. Петръ надрывался со смѣху, услыхавъ это замѣчаніе, которое ему показалось чрезвычайно забавнымъ, и оно имѣло послѣдствіемъ прозваніе Андрея «женихомъ Екатерины». «Вашъ женихъ», говорилъ онъ ей, относительно молодого человѣка. Екатерина со своей стороны признается, что ей пришлось позволить предостеречь себя по этому поводу простому слугѣ, ея камердинеру Тимофею Евреинову, считавшему своимъ долгомъ предупредить ее объ опасности, которой она подвергалась. Она утверждаетъ, что поступала совершенно невинно, не подозрѣвая ни бѣды, ни опасности. Тимофей предостерегъ точно также и Чернышева, который по его совѣту сдѣлался больнымъ въ теченіе нѣкотораго времени. Это происходило на масленицѣ въ 1746 году.

Во время обычнаго переѣзда Двора изъ Зимняго дворца въ Лѣтній. Чернышевъ снова появился и вскорѣ онъ пытается даже проникнуть въ комнату Екатерины. Она загораживаетъ ему дорогу, не намѣреваясь однако закрыть свою дверь, что, разумѣется, было бы благоразумнѣе. Она держитъ дверь полуотворенной и продолжаетъ разговоръ, который находитъ безъ сомнѣнія интереснымъ. Внезапно появляется графъ Девьеръ, одинъ изъ героевъ семилѣтней войны, занимавшій въ то время при Дворѣ должность камергера и, какъ кажется, — шпиона. Онъ извѣщаетъ великую княгиню, что ее спрашиваетъ великій князь. На слѣдующій день Чернышевы удалены отъ Двора и тогда же появляется «знатная дама», которой поручено надзирать за поведеніемъ Екатерины.

Совпаденіе знаменательно! Елизавета, впрочемъ, не удовлетворилась этимъ. Она предписываетъ самой Екатеринѣ и Петру нѣчто въ родѣ уединенія, въ теченіе котораго Симеону Тодорскому, ревностному архимандриту, ставшему потомъ епископомъ Псковскимъ, поручено было разспросить ихъ объ отношеніяхъ къ Чернышевымъ; тѣ, посаженные подъ арестъ, безъ сомнѣнія, тоже вынесли допросъ, болѣе настоятельный и, быть можетъ, менѣе мягкій. Съ той и другой стороны ни въ чемъ не сознались.

Однако, Екатерина говоритъ о перепискѣ, для которой она нашла способъ вести съ Андреемъ Чернышевымъ даже во время его пребыванія въ тюрьмѣ. Она писала ему, онъ отвѣчалъ ей. Она давала ему порученія, которыя онъ исполнялъ. Положимъ, что она поступала еще невинно; мы еще найдемъ случаи быть менѣе снисходительными къ ней. Къ тому же упреки Ека-

теринѣ, изложенные Бестужевымъ по этому щекотливому вопросу стояли въ связи съ другой областью, гдѣ онъ желалъ главнымъ образомъ, указать на ея отвѣтственность. Девять мѣсяцевъ прошло, какъ помнится, съ тѣхъ поръ, когда великая княгиня впервые возлегла на пышное брачное ложе, такъ самовольно описанное ея матерью, а престолонаслѣдіе не было еще обезпечено. Въ этомъ отношеніи не было подано даже ни малѣйшей надежды тѣмъ умамъ, которые заботились о будущемъ государства.

Кого слѣдовало обвинять въ этомъ? Инструкции, составленныя Бестужевымъ для будущей гувернантки Екатерины, ясно обнаруживали его взглядъ на этотъ вопросъ.

Въ виду обезпеченія престолонаслѣдія—гласить она—«великой княгинѣ должно быть предложено примѣняться болѣе покорно, чѣмъ прежде, ко вкусамъ своего мужа, казаться услужливой, пріятной, влюбленной, пылкой даже въ случаѣ надобности, употреблять, наконецъ, всѣ свои посильныя средства, чтобы добиться нѣжности своего супруга и выполнить свой долгъ...» Екатерина въ своихъ *запискахъ* энергично возстаетъ противъ этого обвиненія.

«Если бы великій князь пожелалъ быть любимымъ, то для меня это было бы дѣломъ не труднымъ: я отъ природы склонна и пріучена выполнять свои обязанности...»

Ея природныя наклонности, дѣйствительно, въ послѣдствіи обнаружались и несомнѣнны.

Но и Петръ со своей стороны, вопреки странностямъ своего характера и темперамента, не обнаруживалъ въ этомъ отношеніи отвращенія къ правильному порядку вещей. Едва пріѣхавъ въ Россію, 14 лѣтъ отъ роду, онъ, какъ мы видимъ, уже увлеченъ фрейлиной Лопухиной. Позднѣ другая фрейлина, m-elle Карръ привязываетъ его къ себѣ, и Екатеринѣ снова приходится выслушивать новыя сообщенія о пылкой страсти къ этой особѣ.

Въ 1756 году онъ поссорился съ дѣвицей Шафировой, ссорился съ весьма знаменитой Воронцовой, съ которой, впрочемъ, опять помирился—и влюбился въ Теплову. Кромѣ того, къ нему приводятъ ужинать одну нѣмецкую пѣвичку. Между дѣломъ онъ волочится за мадамъ Садрапарре, за принцессой курляндской и за другими различными красавицами. Задача, такимъ образомъ, остается нерѣшенной.

Слѣдуетъ ли въ этомъ случаѣ искать ея разрѣшенія въ очень интересномъ документѣ, опубликованномъ совѣмъ недавно, въ

которомъ удалось подтвердить прежнія показанія, подлежавшія сомнѣнью?

«Великій князь, не подозрѣвая этого, — пишетъ де-Шампо, въ своемъ донесеніи, написанномъ для Версальскаго Двора, — былъ не способенъ имѣть дѣтей отъ препятствія, устраняемаго у восточныхъ народовъ обрѣзаніемъ, но которое онъ считалъ неизлѣчимымъ. Великая княгиня, которой онъ опротивѣлъ, и не чувствующая еще потребности имѣть наследниковъ; не очень огорчалась этимъ злоключеніемъ...»

Кастера писалъ съ своей стороны: «Стыдъ этого несчастія, которое его удручало, былъ таковъ, что онъ (великій князь) не имѣлъ даже храбрости признаться въ немъ, а великой княгинѣ, принимавшей его ласки лишь съ отвращеніемъ и опытной не болѣе его, и въ голову не приходило ни утѣшить его, ни заставить искать средства, которыя возвратили бы великаго князя въ ея объятія».

Будущее, надо сказать, постаралось оправдать Екатерину и ея защитниковъ. Она имѣла дѣтей, имѣла ихъ, какъ казалось, даже отъ мужа. И надо сказать, что средства, придуманныя канцлеромъ для достиженія этого результата, не играли здѣсь никакой роли. Хотя заслуги и способности этого государственнаго человѣка и велики, но на этотъ разъ онъ не выказалъ достаточно мудрости. Быть можетъ, онъ чувствовалъ себя болѣе способнымъ управлять великой имперіей, чѣмъ молодыми супругами. Его собственный выборъ гувернантки, призванной замѣстить при Екатеринѣ кроткую Кардель, былъ неудаченъ. Марія Семеновна Чоглокова, рожденная Гендрикова, которая удостоилась этой чести, имѣла только 24 года отъ роду. Будучи хорошенькой, она оставалась благоразумной. Она любила мужа и имѣла дѣтей. Это-то и вызвало, безъ сомнѣнія, довѣріе къ ней императрицы и ея канцлера. Дѣло было въ томъ, чтобы выставить въ глазахъ великокняжеской четы христіанскій примѣръ, созданный добродѣтельно-любящими супругами. Увы! примѣръ принялъ дурной оборотъ! Чоглокова была добродѣтельна, но ей недоставало опытности. Она достигла очень скоро того, что ее невзлюбили. Она не сумѣла ни заставить уважать свой авторитетъ, ни производить дѣйствительный надзоръ за княгиней. Скоро стало забавой сбивать ее съ толку и заниматься въ поискахъ запретныхъ удовольствій. Это было еще не все.

Супругъ Марьи Семеновны былъ въ Вѣнѣ посланникомъ, когда его жену призвали занимать свою новую должность. Онъ возвра-

шается только для того, чтобы безумно влюбиться въ одну изъ фрейлинъ великой княгини, дѣвицу Кошелеву. Влюбленнымъ онъ былъ вдвойнѣ слѣпъ — приравниваясь въ этомъ къ своей супругѣ... Итакъ передъ глазами послѣдней графъ Кириллъ Разумовскій, — братъ фаворита императрицы могъ, сколько хотѣлъ, ухаживать за великой княгиней, если и не очень смѣло, то все же очень усердно. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ стало еще хуже. Мужъ гувернантки, бросивъ хорошенькую фрейлину, самъ воспылалъ страстію къ той, за которой его женѣ поручено было надзирать. И когда великій князь со своей стороны бѣгалъ за всѣми подругами Кошелевой, то не могло быть и рѣчи о томъ сближеніи, о которомъ Чоглокова призвана была заботиться и ея задача встрѣчала лишь затрудненія.

При всемъ томъ идея обращенія съ замужней особой и великой княгиней Россіи какъ съ маленькой дѣвочкой была, оказалось въ послѣдствіи, необыкновенной и неудачной. Екатеринѣ было строго запрещено писать прямо и лично кому бы то ни было, даже своему отцу и матери. Она должна была довольствоваться только своею подписью въ письмахъ, сочиняемыхъ для нея въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, т.-е. въ канцеляріи Бестужева. Это было равносильно побудить Екатерину къ тайной перепискѣ, весьма распространенной въ то время. Екатерина не отказалась отъ этого приглашенія. Въ то же самое время прибылъ въ Петербургъ ко Двору одинъ итальянскій вельможа по имени Сакромозо, мальтійскій рыцарь.

Въ Россіи довольно давно не видали рыцарей мальтійскаго ордена. Этому оказали большой почетъ всякими празднествами, официальными и интимными приѣмами. Однажды, цѣлуя руку великой княгинѣ, онъ незамѣтно вложилъ ей въ руку записку: «это отъ вашей матери», прошепталъ онъ такъ, чтобы не быть ни кѣмъ услышаннымъ. Въ то же время онъ указалъ ей на одного музыканта изъ оркестра великаго князя, своего соотечественника, по имени Д'ололіо, какъ на человѣка, которому поручено передать ему отвѣтъ. Екатерина проворно всунула записку въ свою перчатку. Это безъ сомнѣнія былъ не первый ея дебютъ. Сакромозо между тѣмъ не обманулъ ее: ей писала, правда, ея мать. Написавъ свой отвѣтъ, она въ первый разъ со вниманіемъ стала слѣдить за концертами великаго князя. Она не любила музыки. Человѣкъ, который былъ ей указанъ, увидавъ ея приближеніе, вытащилъ безъ всякаго притворства свой носовой платокъ такъ, чтобы оставить раскрытымъ карманъ сво-

его камзола. Екатерина бросила свое письмо въ этотъ импровизованный ящикъ—и переписка была установлена. Она продолжалась во все время пребыванія Сакромозо въ Петербургѣ.

Такъ разрушается мудрость государственныхъ людей и могущество императрицъ, когда они не считаются съ другимъ могуществомъ—молодостью и другой мудростью, совѣтующей не злоупотреблять своею властію.

II.

Приставивъ къ Екатеринѣ гувернантку, старались также постепенно удалять отъ нея всѣхъ лицъ, составлявшихъ часть ея постоянного общества или ея интимнаго круга. Правда, она безъ сожалѣнія проводила голштинца Бруммера, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ гофмаршалъ великаго князя, былъ замѣненъ княземъ Рѣпнинымъ. «Однимъ изъ самыхъ любезныхъ русскихъ, которыхъ я знавалъ; одна изъ наилучшихъ головъ этой страны», — писалъ Д'альонъ. Сама Екатерина очень цѣнила его. Онъ внушалъ ей наибольшее довѣріе. Не успѣлъ онъ занять, къ несчастію, этотъ постъ, какъ былъ уже замѣненъ мужемъ гувернантки, пылкимъ, но мало любезнымъ Чоглоковымъ. Екатерина возненавидѣла также и его и не позволила обезоружить себя его любовными преслѣдованіями. Скоро всѣ слуги великой княгини исчезли одинъ за другимъ. Отъ нея взяли даже ея горничную-финку, которую она любила. Потомъ настала очередь самого вѣрнаго Тимофея Евреинова, который однако давалъ ей довольно дѣльные совѣты. Правда, что онъ оказывалъ ей услуги, могущія показать его менѣе разумнымъ; какъ, на примѣръ, передавалъ ей письмо Андрея Чернышева, проѣзжавшаго черезъ Москву въ Сибирь; самъ Тимофей былъ сосланъ въ Казань; тамъ онъ сдѣлался префектомъ полиціи и полковникомъ.

Вотъ какія дѣла происходили тогда въ Россіи!

Онъ остался честнымъ человѣкомъ и не разбогатѣлъ на своемъ посту, такъ какъ шестнадцать лѣтъ позднѣе, вскорѣ по своемъ восшествіи на престолъ Екатерина писала Олсуфьеву: «Я поручаю вамъ позаботиться приисканіемъ мѣста или чтобы сказать все однимъ словомъ, дать кусокъ хлѣба Андрею Чернышеву, генераль-адъютанту покойнаго императора и отставному полковнику Тимофею Евреинову. Ради Бога избавьте меня отъ ихъ просьбы. Они раньше пострадали за меня, а я оставляю ихъ обивать мостовыя, не зная, что съ ними дѣлать».

Но въ особенности напалъ Бестужевъ на иностранцевъ, преданныхъ особѣ великаго князя и княгини, или пользовавшихся ихъ довѣріемъ. 29 апрѣля 1747 года Д'альонъ извѣщалъ объ отъѣздѣ въ Германію г-на Бредаля, оберъ-егермейстера Его Высочества, въ бытность его еще Голштинскимъ герцогомъ. Дюлешинкера, его камергера, племянника Бруммера, сира Грама, его камердинера, преданнаго великому князю со временъ его самаго ранняго дѣтства, сира Штелина, его учителя исторіи, сира Шарибера, его купца, сира Бастьена, его егеря. «При дворѣ не остается ни одного иностранца», замѣчаетъ онъ, кромѣ фельдмаршала Миниха, не пользующагося ни чьимъ довѣріемъ и Лестока «чей ланцетъ, нѣкоторыя опасенія, которыя легко угадать, и знаніе безконечнаго числа анекдотовъ поддерживаютъ его еще немного» 1).

Пустота увеличивалась вокругъ Екатерины.

Въ іюнѣ 1746 года посланникъ Фридриха, другъ и повѣренный ея матери, Мардфельдъ вынужденъ былъ сложить съ себя свою должность. Два года спустя, на придворномъ балу, когда Екатерина подходила къ «человѣку съ ланцетомъ», послѣднему представителю французскаго вліянія, то Лестокъ сдѣлалъ видъ, что избѣгаетъ разговора. «Не подходите ко мнѣ,—пробормоталъ онъ,—я подѣ подозрѣніемъ». Онъ опять повторилъ: «Не подходите ко мнѣ!» У него было красное лицо и свирѣпыя глаза, Екатерина полагала, что онъ пьянъ. Это происходило 11-го ноября 1748 г. въ пятницу. Раньше, въ среду, арестовали одного француза, по имени Шапуро, родственника Лестока и ингерманландскаго полка капитана.

Два дня спустя Лестока постигла та же участь. Онъ былъ обвиненъ въ томъ, что поддерживалъ «тайныя и предосудительныя для Россіи сношенія съ французскимъ, прусскимъ и шведскимъ дворами». Онъ былъ представленъ къ допросу и храбро вынесъ ужасныя пытки, ни въ чемъ не сознавшись и никого не выдавъ. Онъ остался на годъ въ тюрьмѣ и, наконецъ, былъ высланъ въ Угличъ на Волгѣ.

Эта катастрофа окончательно установила взглядъ Екатерины на значеніе политическихъ задатковъ, которые были оставлены ей ея матерью въ наслѣдство, и на шаткость ихъ точки опоры. Итакъ, она поспѣшила съ дѣломъ своего перерожденія и асси-

1) Русскій Архивъ 1863. 94.

1) Архивъ м-ства иностр. дѣлъ въ Парижѣ, Россія.

миляціи, въ которой невѣста Петра была инстинктивно расположена, изучая языкъ своего новаго отечества и обратясь къ духовному посредничеству архимандрита Годорскаго.

Одинъ русскій писатель открылъ характерный признакъ быстрыхъ успѣховъ, достигнутыхъ великой княгиней на этомъ поприщѣ, поясняя по-своему одинъ отрывокъ изъ *записокъ*, относящійся къ этому времени. Когда замѣститель Тимофея Евреина, нѣкто по имени Шкуринъ, вздумалъ играть роль доносчика въ ушербъ Екатерины, та пошла, отыскала его въ одной изъ пріемныхъ, гдѣ онъ обыкновенно находился, и дала ему сильную пощечину, прибавивъ, что вышвырнетъ его за порогъ. «Это значить, — говоритъ онъ, — дѣйствовать, какъ истинно русской высшей пробы; нѣмецкая принцесса никогда не рѣшится на подобный поступокъ».

Разумѣется мы оставимъ на отвѣтственности автора (г. Бильбасова), такое объясненіе.

Съ другой стороны, производимое вокругъ Екатерины такого рода перемѣщеніе лицъ помогло ей познакомиться со множествомъ людей, дало ей возможность изучать большое количество человѣческихъ «образцовъ», заставило ее измѣнять передъ различными натурами, положеніями и комбинаціями и свой собственный образъ дѣйствій. Если это ученіе и не дало ей знанія людей, котораго она никогда не имѣла, то частью, всё же она ему обязана удивительной гибкостью, ровностью характера — качества, которыя она и доказала позднѣе искусствомъ, не менѣе удивительнымъ, извлекать пользу изъ людей хорошихъ и дурныхъ, которые попадались ей подъ руку (такъ какъ она не умѣла никогда ихъ выбирать) и заставлять ихъ дать все то, на что они были способны.

Между тѣмъ перемѣны, къ которымъ ее обязывали, не всѣ были ей неприятны или наложго обезпачивали ее. Шкуринъ оказался въ послѣдствіи вѣрнымъ и скрытнымъ, а перемѣнивъ нѣмку Крузе, свою первую горничную на русскую Прасковью Никитишну Владиславову, Екатерина сдѣлала выгодное и драгоцѣнное пріобрѣтеніе. Прасковья была не только преданная слуга, но болѣе чѣмъ кто-либо, посвятила будущую царицу въ тайны той жизни, которая должна была сдѣлаться въ послѣдствіи и ея жизнью; даже въ тайны дружбы великаго народа, которымъ она была призвана править. Она знала все изъ этой жизни темной и во многихъ отношеніяхъ недоступной, какъ закрытая книга: — *прошлое*, включая мельчайшую подробность анекдотовъ; *настоя-*

щее, включая малѣйшую новость города и Двора. Въ каждомъ семействѣ она помнила четыре или пять поколѣній и рассказы-вала безошибочно все, что знала про родню, отца, мать, предковъ, двоюродныхъ братьевъ отцовой и материной линіи, восходящей и нисходящей. Мы еще встрѣтимъ ее за работой. Она-то и сдѣлала послѣ Кардель болѣе всѣхъ для воспитанія Екатерины. Одна приготовила будущаго друга философъ, а другая—*матушку-тосударыню*, матушку, любезную русскимъ сердцамъ. Но повторимъ, что настоящей воспитательницей великой государыни было въ ту пору—уединеніе, гдѣ покинутая мужемъ и постепенно отдаляемая отъ своихъ естественныхъ поддержекъ, она отдѣлилась отъ центра Двора, который не вдругъ предоставилъ ей пріятное существованіе и подъ блестящей внѣшностью не замедлилъ познакомиться со всякаго рода лишеніями.

Пора намъ бросить бѣглый взглядъ на ту среду, гдѣ должны были протечь для нея долгіе годы испытаній, ожиданій и борьбы, храбро выдержанной ею до конца.

III.

Россія XVIII вѣка представляла зданіе съ однимъ только переднимъ фасадомъ. Это была театральная декорация. Петръ I заставилъ Дворъ стать на европейскую ногу, и его преемники поддерживали въ этомъ отношеніи и развили его начинаніе. Въ Петербургѣ, какъ и въ Москвѣ, какъ мы уже видѣли, Елизавета окружена всею роскошью и великолѣпіемъ по примѣру другихъ цивилизованныхъ странъ. Она имѣетъ дворцы, гдѣ тянутся безконечныя амфилады салоновъ со стѣнами, покрытыми высочайшими зеркалами, съ мозаичными паркетами, съ потолками, расписанными извѣстными художниками. Она задаетъ балы, гдѣ тѣснятся толпы царедворцевъ, одѣтыя въ бархатъ и шелкъ, украшенныя галунами, сіяющія брилліантовыми звѣздами, гдѣ дамы ея круга появляются разодѣтыя по послѣдней модѣ, съ пудрой на волосахъ, румянами на щекахъ и мушкой, приклеенной къ углу губъ; обладаетъ домашнимъ штатомъ, свитой камергеровъ, статсъ-дамъ, придворныхъ офицеровъ и слугъ, которые по числу и по роскоши мундировъ не имѣютъ, быть можетъ, себѣ подобной во всей Европѣ. По нѣкоторымъ современнымъ свидѣтельствамъ того времени, которымъ, какъ думается, не совсѣмъ довѣряютъ новѣйшіе русскіе писатели, императорская резиденція въ Петергофѣ превосходила своимъ ве-

ликолѣпіемъ Версаль. Чтобы судить объ этомъ, слѣдуетъ поближе познакомиться со всей этой роскошью.

Прежде всего она имѣетъ по большей части непрочную эфемерную сторону, отнимавшую у нея большую часть ея цѣнности. Дворцы Ея Величества, какъ самые роскошные ея подданныхъ, почти всѣ деревянные; когда они горятъ, что случается съ ними довольно часто, то всѣ богатства, собранные тамъ во множествѣ, драгоценная мебель и предметы искусства—все исчезаетъ въ пламени. Когда ихъ возстанавливаютъ, то всегда поспѣшно, не заботясь о прочности зданія и безъ малѣйшаго старанія. Московскій дворецъ, имѣвшій три съ половиною километра въ окружности, сгораетъ на глазахъ Екатерины въ три часа! Елизавета приказываетъ его выстроить заново въ полтора мѣсяца, и ей повинуются.

Можно себѣ вообразить, чего стоитъ эта постройка! Двери не затворяются, въ окна дуетъ, каминны дымать. Въ Москвѣ, архіерейскій домъ, гдѣ Екатерина находитъ пріютъ послѣ пожара дворца, три раза загорался во время ея пребыванія въ немъ.

Вмѣстѣ съ этимъ ни малѣйшей идеи о комфортѣ или благоустройствѣ во всѣхъ этихъ жилищахъ съ показною внѣшностью. Повсюду пышныя пріемныя залы, великолѣпныя галлерей для баловъ и торжественныхъ обѣдовъ—и чуть не уголокъ для жизни: нѣсколько узенькихъ комнатокъ, лишенныхъ свѣта и воздуха. Флигель Лѣтняго Дворца, гдѣ помѣщается Екатерина, выходитъ съ одной стороны на Фонтанку, которая тогда была грязной зловонной лужей; съ другой стороны—на дворъ нѣсколько квадратныхъ футовъ.

Въ Москвѣ еще хуже: «насъ помѣстили,—пишетъ Екатерина,—въ деревянномъ флигелѣ, заново отстроенномъ осенью, такъ что вода просачивалась черезъ карнизы и всѣ комнаты были страшно сыры. Этотъ флигель заключалъ два ряда по пяти-шести большихъ комнатъ, изъ которыхъ—выходившія на улицу были для меня, а другія—для великаго князя. Въ той комнатѣ, которая должна была служить для меня уборной, помѣстили моихъ горничныхъ съ ихъ прислугой, такъ что семнадцать дѣвушекъ и женщинъ было помѣщено въ одной комнатѣ, которая, правда была съ тремя большими окнами, но не имѣла другого выхода, кромѣ моей спальни, черезъ которую онѣ вынуждены были проходить за всякаго рода надобностью... Кромѣ того ихъ столовой служила одна изъ моихъ переднихъ. Кончили тѣмъ, что для обихода этого женскаго персонала устроили другое сообще-

ніе со дворомъ посредствомъ простой доски, приставленной къ одному изъ оконъ помѣщенія, которая и служила лѣстницей... Какъ видно, это далеко еще до Версаля!

Екатерина по временамъ начинала сожалѣть о своемъ скромномъ жилищѣ былаго времени, по сосѣдству съ колокольной въ Штеттинѣ, или съ восхищеніемъ мечтала о замкѣ своего дяди Иоганна въ Цербстѣ, о замкѣ своей бабушки въ Гамбургѣ—о грубыхъ, но солидныхъ и обширныхъ постройкахъ изъ тесаннаго камня, сооруженныхъ въ XVI вѣкѣ. Въ отместку за всѣ неудобства, которыя ее преслѣдовали сквозь декоративную внѣшность новыхъ помѣщеній русской великой княгини, она сочинила слѣдующіе стихи, которые нашли въ ея бумагахъ:

Jean bâtit une maison,
Qui n'a ni rime, ni raison.
L'hiver on y géle tout roide,
L'été ne la rend pas froide,
Il y oublia l'escalier,
Puis le bâtit en espalier... 1)

Если дворцы Елизаветы были выстроены изъ рукъ вонъ плохо, то и обмѣблированы они были не лучше, и по слѣдующей причинѣ: оставлять какую-либо подвижность въ опредѣленномъ жилищѣ—было вещью незнакомой въ Россіи. Мебель была связана съ личностью и слѣдовала за ней въ ея переѣздахъ. Такимъ образомъ какъ бы продолжался кочевой образъ жизни восточныхъ народовъ. Обивка стѣнъ, зеркала, кровати, столы, и стулья, предметы роскоши и необходимости—все слѣдовало за Дворомъ при переѣздахъ изъ Зимняго Дворца въ Лѣтній, изъ Петергофа, иногда, и въ Москву. Само собою разумѣется, что часть этихъ предметовъ повреждалась или терялась дорогою. Получалось такимъ образомъ странное смѣшеніе роскоши съ нищетою. Кушали изъ золотой посуды поставленной, на качающіеся столы съ затерянными гдѣ-то ножками. Посреди произведеній изъ краснаго дерева французскаго или англійскаго мебельнаго искусства, не на чемъ было сидѣть. Въ домѣ Чоглоковыхъ, который Екатеринѣ пришлось занимать нѣкоторое вре-

1) Иванъ выстроилъ домъ
Безъ смысла и толку:
Зимой тамъ коченѣють отъ стужи,
Лѣто не дѣлаетъ его холоднымъ.
Онъ забылъ въ немъ сдѣлать лѣстницу,
Потомъ срубилъ ее изъ шпалеры.

мя въ Москвѣ, она совсѣмъ не нашла мебели. Сама Елизавета была частенько не лучше надѣлена. Но она всегда обходилась одной чашкой, которую Румянцевъ привезъ ей изъ Константинополя по ея приказанію и стоившей 8000 дукатовъ. Такому матеріальному беспорядку и такому роду постоянного уничтоженія, гдѣ разрушалось величіе внѣшней декораціи, соответствовало въ нравственномъ отношеніи нѣчто въ родѣ и внутренняя разнузданность и разобщенность, гдѣ несмотря на чрезмѣрную роскошь и утонченный этикетъ ежеминутно затмѣвалось величіе самого трона. Объ этомъ можно себѣ составить понятіе по слѣдующему анекдоту, о которомъ рассказываетъ намъ Екатерина въ своихъ *запискахъ*.

Нѣсколько раньше вмѣшательства Бестужева, произведшаго перемѣны въ кругу Екатерины и ея супруга, о которыхъ мы говорили выше, Петръ провинился въ поступкѣ, который легко могъ если и не вызвать, то по меньшей мѣрѣ оправдать строгость канцлера и склонить императрицу къ ихъ одобренію. Одна изъ комнатъ великаго князя, гдѣ онъ помѣстилъ своихъ маріонетокъ, сообщалась дверью, заколоченною со времени поселенія молодого Двора, съ однимъ изъ салоновъ императрицы. Елизавета велѣла поставить туда столъ и тамъ иногда обѣдала съ нѣкоторыми лицами. Это были интимные обѣды. Столъ былъ механическій, такъ что можно было обходиться безъ слугъ. Однажды Петръ, услыжавъ шумъ въ этомъ салонѣ, веселый смѣхъ оживленныхъ голосовъ, и радостный звонъ чокающихся стакановъ, придумалъ просверлить нѣсколько дырочекъ въ двери. Посмотрѣвъ въ это отверстіе, онъ увидалъ за столомъ императрицу съ оберъ-егермейстеромъ Разумовскимъ, своимъ фаворитомъ, одѣтымъ въ простой шлафрокъ, дюжина царедворцевъ поддерживала компанію съ этой интимной четой. Петръ чрезвычайно забавлялся этимъ зрѣлищемъ и, не довольствуясь своимъ личнымъ наслажденіемъ, поспѣшилъ пригласить Екатерину принять въ этомъ участіе. Получившая хорошій совѣтъ, великая княгиня отклонила приглашеніе. Она даже дала понять мужу неприличіе и опасность подобнаго рода развлеченія. Онъ не остерегся и за ея отказомъ привелъ дамъ общества, заставивъ ихъ встать на стулья и скамьи, чтобы помочь имъ лучше видѣть, устроилъ настоящій амфитеатръ передъ дверью, за которой выставлялся напоказъ позоръ его благодѣтельница. Приключеніе не замедлило быть открытымъ. Гнѣвъ Елизаветы былъ чрезмѣренъ. Она дошла до того, что напомнила даже

своему племяннику, что Петръ I имѣлъ тоже неблагодарнаго сына. Это значило сказать ему, что его голова была не болѣе прочной на своихъ плечахъ, чѣмъ и у несчастнаго сына Алексѣя.

Но всѣ придворные узнали объ этомъ инцидентѣ и много забавлялись имъ въ свою очередь. Что касается Екатерины, то, безъ сомнѣнія, она извлекла изъ этого себѣ урокъ, если и не нравоученія, то все же практической мудрости. Если она въ послѣдствіи и имѣла возлѣ себя фаворитовъ въ шлафрокахъ, то устраивалась такъ, чтобы нельзя было на нихъ глядѣть сквозь дверную скважину. Она ихъ скрывала или внушала къ нимъ уваженіе толпы обаяніемъ величественной обстановки. Но въ то время она получила отъ Елизаветы еще другія драгоцѣнныя наставленія. Если она отказывалась нарушать банкеты при закрытыхъ дверяхъ, гдѣ императрица позволяла себѣ забывать свое величіе, то она конечно присутствовала вскорѣ по отъѣздѣ Цербстской принцессы, 25 ноября на торжественномъ пиршествѣ, установленномъ для ежегоднаго празднованія памяти дня восшествія на престолъ дочери Петра Великаго. Въ большой залѣ Зимняго дворца столъ былъ сервированъ для трехсотъ тридцати унтеръ-офицеровъ и солдатъ того полка, который въ тотъ день сопровождалъ Елизавету завоевывать свою корону. Императрица, одѣтая въ мундиръ капитана, въ ботфортахъ со шпагою на боку и перомъ на шляпѣ садилась посреди своихъ «товарищей». Придворные сановники, высшіе офицеры и иностранные министры сидѣли за столомъ въ сосѣдней залѣ. Безъ сомнѣнія, видя съ раннихъ поръ и обдумавъ подобныя зрѣлища, Екатерина сумѣла въ наступившій моментъ нарядиться съ граціозной развязностью въ военный мундиръ и возбудить въ свою очередь энтузіазмъ и содѣйствіе этихъ самыхъ гренадеровъ, приготовленныхъ уроками прошлаго къ рѣшительному и смѣлому предпріятію.

Занятый чаще всего на сторонѣ своими удовольствіями и флиртомъ, великій князь все же иногда начиналъ изъ-за каприза ухаживать за своей женой. Эти минуты были не изъ лучшихъ. Въ теченіе цѣлой зимы онъ говорилъ Екатеринѣ только о составленномъ имъ проектѣ построить позади своей дачи домъ для отдыха и удовольствій, который походилъ бы на капуцинскій монастырь. Она должна была, чтобы сдѣлать ему пріятное, сто разъ рисовать безпрестанно измѣняемый планъ этого учрежденія. Но это испытаніе было не изъ самыхъ жестокихъ. Присутствіе великаго князя связано было съ другими повин-

ностями; какъ напимѣрь, постоянное сосѣдство цѣлой своры собакъ, помѣщенныхъ въ супружескихъ апартаментяхъ и заражавшихъ ихъ невыносимымъ запахомъ. Получивъ приказъ императрицы изгнать этого рода развлеченіе, Петръ придумалъ скрыть свою конуру въ общемъ альковѣ, гдѣ ночи для Екатерины вскорѣ сдѣлались настоящей пыткой. Днемъ лай или пронзительный визгъ животныхъ, постоянно избиваемыхъ палками, не давали ей ни минуты покоя. Свора молчала — Петръ схватывалъ скрипку и прогуливалъ ее изъ комнаты въ комнату, ничѣмъ не занимаясь, какъ только извлекая изъ инструмента какъ можно больше шума. Онъ любилъ производить содомъ. Ему везло въ этомъ, а въ особенности въ пьянствѣ. Въ исходѣ 1753 года онъ напивался «почти ежедневно». И въ этомъ отношеніи Елизавета не была въ состояніи употребить дѣйствительныя репрессіи. Время отъ времени великій князь возвращался къ своимъ маріонеткамъ. Однажды Екатерина нашла его въ парадной формѣ, въ ботфортахъ со шпорами, со шпагою наголо передъ крысою, повѣшенною посреди комнаты. По наведеннымъ справкамъ оказалась, что дѣло шло о военной экзекуціи. Несчастную крысу, рѣшившуюся проглотить часоваго изъ крахмала, поставленнаго передъ картонною крѣпостью, военный судъ, правильно составленный, приговорилъ къ смертной казни.

Вѣроятно Екатерина со своею энергичною молодостью и пылкимъ темпераментомъ не перенесла бы испытаній такъ сложившейся жизни, если бы она не нашла предлогъ, въ силу извѣстныхъ своихъ привычекъ, отдохнуть отъ нея, удаляясь отъ этой жалкой семейной жизни. Лѣтомъ, во время своего пребыванія въ Ораніенбаумѣ, вставъ на зарѣ и одѣвшись на скорую руку въ мужской костюмъ, она отправлялась на охоту въ сопровожденіи стараго слуги. «Совсѣмъ близъ берега моря», — рассказываетъ она, — «находился рыболовный челнъ; мы проходили пѣшкомъ черезъ садъ, съ ружьемъ за плечами, садились — я, онъ, охотничья собака и рыбакъ въ этотъ челнъ — и я бѣжала стрѣлять по уткамъ въ камыши, окаймлявшіе ораніенбаумскій каналъ съ обѣихъ сторонъ».

Послѣ охоты верховая ѣзда служила предлогомъ для частыхъ отлучекъ. Сама Елизавета была страстная наѣздница. Одно время однако она считала долгомъ сократить увеличивающуюся въ Екатеринѣ страсть къ такому роду упражненіямъ. Послушная желаніямъ, присущимъ мужскому полу, случавшимся у нея довольно часто, великая княгиня очень любила ѣздить верхомъ, по-

мужски, на плоскомъ сѣдлѣ съ двумя стременами. Царица думала найти въ этомъ одну изъ причинъ, мѣшавшихъ Екатеринѣ имѣть дѣтей. Тогда та придумала сѣдло съ обѣихъ сторонъ снабженное специальнымъ механизмомъ, которое позволяло ей въ присутствіи Елизаветы садиться на него по-дамски, чтобы потомъ принять опять свое излюбленное положеніе, лишь только галопъ лошади скрывалъ ее изъ виду. Юбка, раздѣленная во всю длину на двое, облегчала такое превращеніе. Она брала уроки у нѣмецкаго наѣздника, наставника въ кадетскомъ корпусѣ, и быстрые успѣхи удостоили ее серебряныхъ шпоръ.

Она любила также танцы. Однажды вечеромъ на одномъ изъ частыхъ баловъ, которыми Елизаветѣ, увлеченной движеніемъ и шумомъ, нравилось веселить свой Дворъ, великая княгиня предложила пари мадамъ Арнгеймъ, женѣ саксонскаго министра, кто изъ нихъ скорѣе устанетъ. Она была въ выигрышѣ. Всѣ эти развлечения однако были недостаточными для нея, чтобы заполнить пустоту долгихъ зимнихъ вечеровъ.

IV.

Графъ Гюлленборгъ рекомендовалъ ей читать Плутарха и Монтескьё; въ запискахъ, оставшихся неизданными, графиня Головина просить будущую императрицу о чести пригласить это Лестока на чтеніе, вручивъ ей словарь Бейля. Мало вѣроятно, чтобы Екатерина начинала свое чтеніе этими книгами такого серьезнаго жанра. Она сама впрочемъ освѣдомляетъ насъ на этотъ счетъ. Мое первое чтеніе было «Бѣлый Тиранъ».

Она начала романами, которые, конечно, составляли обычное чтеніе лицъ ея круга, и казалось, прочла ихъ большое количество. Она не перечисляетъ другихъ заглавій, но говоритъ, что ей скоро они наскучили своими длиннотами. Можно вывести изъ этого заключеніе такъ же, какъ сдѣлалъ это Бильбасовъ, что она читала Лакальпренеда, m-elle Скюдери, быть можетъ «Астрею» и вѣроятно «Пастушескую любовь Дафны и Хлои». Чувственныя описанія, которыя она тамъ нашла и распушенность, непревзойденная въ наши дни, не благопріятствовали ли они въ ней развитію извѣстныхъ наклонностей, чей настоятельный импульсъ ей пришлось испытать въ послѣдствіи. Это вѣроятно. Она знала уроки, данныя Ликсоніей, сострадательной сосѣдкой несвѣдующему Дафнису и сообщенныя имъ невинной Хлоѣ. «Какъ Дофнисъ сѣлъ около нея, ее поцѣловалъ и легъ. Ликсо-

нія, найдя его готовымъ, приподняла его немного и скользнула подъ него...» Переводъ, сдѣланный Амьо съ сочиненія Лонга, имѣлъ въ то время успѣхъ, чему свидѣтельствуется количество его изданій, а мѣста въ немъ такого жанра, какъ мы сейчасъ приводили, не напугали и самыхъ «порядочныхъ дамъ». Романъ m-elle Скюдери былъ какъ разъ въ ея время протестомъ противъ слишкомъ грубаго реализма такой литературы до той минуты, пока вызванное ею реакціонное движеніе не изнемогло въ свою очередь подъ тяжестью скуки.

Итакъ, исторія литературной эволюціи въ общемъ ходѣ чело-вѣчества является лишь вѣчнымъ начинаніемъ сызнова. Если Екатерина и не могла похвалиться уроками, почерпнутыми изъ этого волнующагося источника, то все же она извлекала изъ него большое благодѣяніе: страсть къ чтенію вообще. Когда она бросила романы отъ усталости или отвращенія, то начала учиться читать и уже читала другое. Въ свободные часы она много читала безъ разбора и первоначальнаго руководства, на-обумъ, всѣ книги, попадавшіяся ей подъ руку. Такимъ образомъ она познакомилась съ «Письмами мадамъ Де-Севинь». Она была восхищена ими и «поглощала» ихъ по ея собственному выраженію, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что отсюда и ея вкусъ къ эпистолярному жанру такъ же, какъ и фамильярный тонъ и стиль писать черезъ пятое на десятое, которые она употребляетъ въ большей части своихъ писемъ, не достигнувъ, конечно, ни въ какой степени изящной граціи своего образца. Она всегда была только нѣмецкой де-Севинь, вкладывая въ самые свободные размахи своего пера немного германскаго тяжеловѣсія, отъ котораго Гейне и Бёрнъ могли очиститься, безъ сомнѣнія, лишь благодаря особому смѣшенію расъ.

Послѣ писемъ де-Севинь настала очередь Вольтера. Семнадцать лѣтъ спустя Екатерина писала фернейскому патриарху: «Могу васъ увѣрить, милостивый государь, что съ 1746 года, какъ я располагаю своимъ временемъ, я болѣе всего одолжена Вами: До этого времени я читала только романы, но случайно Ваши работы попались мнѣ подъ руки. Съ того времени я не переставала ихъ читать и не желала уже другихъ, хуже написанныхъ».

Память императрицы измѣнила ей, когда она писала эти слова, т. к. ея *записки* упоминаютъ только объ «одномъ трудѣ» Вольтера, прочитанномъ ею въ то время, даже названія котораго она не могла припомнить. Кромѣ того, она не слишкомъ льстила великому философу, сказавъ ему о другихъ книгахъ, и

находя ихъ *такъ же хорошо написанными*, какъ и его. Какія же то были книги? «Исторія Генриха Великаго» — Перефинкса, «Исторія германской имперіи» Бара, а такъ же и въ особенности — т. к. Екатерина не выказываетъ никакого замѣшательства, сознавая, что она нашла въ нихъ особенное удовольствіе — сочиненія Брантома. Вольтеру не слишкомъ приходилось гордиться такимъ сравненіемъ тѣмъ болѣе, что вліяніе Перефинкса въ нѣкоторомъ отношеніи легко могло посоперничать съ нимъ въ умѣ царственной читательницы. Генрихъ IV остался навсегда для Екатерины несравненнымъ героемъ, великимъ королемъ по преимуществу, образцовымъ государемъ. Она заказала Фальконету его бюстъ. Она выражала нѣсколько разъ, даже въ письмахъ къ патриарху сожалѣніе, что не встрѣтила здѣсь на землѣ такого достойнаго монарха. По крайней мѣрѣ она надѣялась наслаждаться его обществомъ на томъ свѣтѣ. Въ моментъ революціи она прибѣгла бы все же къ политикѣ Великаго Генриха, чтобы спасти Францію и Монархію. Не обязана ли она этимъ восхищеніемъ такъ же немного своей снисходительности къ извѣстнымъ слабостямъ и заблужденіямъ, къ которымъ былъ такъ склоненъ любовникъ прекрасной Габріэли, и своей спокойной увѣренности, съ которой она считала ихъ совмѣстными съ саномъ государя и главнымъ направленіемъ великаго царствованія. Безъ сомнѣнія суровыя разсужденія по этому предмету самого Перефинкса показались ей недостаточно убѣдительными. Она, конечно, читала: «желательно было бы къ чести его памяти, чтобы у него былъ одинъ только недостатокъ: игра; но эта постоянная слабость къ красивымъ женщинамъ была другимъ болѣе достойнымъ порицанія недостаткомъ въ христіанскомъ государѣ». Она удовольствовалась безъ сомнѣнія однимъ примѣромъ, оставивъ нравоученіе въ сторонѣ.

Чтеніе Брантома, который ее «такъ заинтересовалъ», какъ она наивно признается, произвелъ быть можетъ еще болѣе непосредственное, болѣе проникновенное дѣйствіе на развитіе ея идей. Она не пожелала упустить порицанія Монгамери, «который былъ самый нерадивый къ своимъ обязанностямъ и мало объ этомъ заботился, что было весьма возможно, т. к. онъ слишкомъ любилъ вино, игру и женщинъ. Но верхомъ на конѣ — это былъ самый храбрый и старательный капитанъ, какаго только можно было видѣть».

И портретъ Иоанны II неаполитанской и странная комментаріи автора: «эта королева оставила за собой репутацію распут-

ной женщины, невоздержанной, такой, о которой говорили, что она была всегда въ кого-нибудь влюблена и услаждала своимъ тѣломъ многихъ различными способами, но въ этомъ отношеніи менѣе всего можно порицать этотъ порокъ въ королевѣ, великой государынѣ и красавицѣ... Красавицы, знатныя дамы и государыни должны походить на солнце, которое разливаетъ свой свѣтъ и лучи на всѣхъ и каждаго такъ хорошо, что каждый это чувствуетъ. То же самое должны дѣлать эти великія и красивыя, расточая свою красоту и прелести тѣмъ, кто къ нимъ пылаетъ страстью. Прекрасныя и великія дамы, могущія удовлетворять множество людей либо своей нѣжностью, либо словами, либо прекраснымъ лицомъ, либо обхожденіями, либо безконечно прекрасными доказательствами и знаками, либо прекрасными дѣйствіями, что болѣе всего желательно, не должны отнюдь останавливаться на одной любви, но на многихъ, и подобныя непостоянства для нихъ позволительны и прекрасны».

Наконецъ, въ біографіи жены Людовика XII, Жанны французской, она могла собрать типическіе совѣты въ пріемахъ, употребляемыхъ съ мужьями «неловкими и неспособными».

Послѣ Брантома *Всеобщая исторія Германіи* Барра должна была показаться Екатеринѣ немного неудобоваримой. Она говоритъ въ своихъ *запискахъ*, что читала его по одному тому въ недѣлю. Она какъ бы признается, что у ней не хватило храбрости довести чтеніе до конца, т. к. говорить только о девяти томахъ, впитанныхъ ею такимъ образомъ, а трудъ состоялъ изъ одиннадцати. На столько же мало вѣроятно, чтобы это чтеніе что-либо значило, какъ это увѣряли, въ ея дальнѣйшихъ предубѣжденіяхъ относительно Фридриха Великаго и Прусской политики. Именно Фридрихъ Великій и его политика появляются на сцену только въ двухъ послѣднихъ томахъ отца Барра. Къ тому же знакомство Екатерины съ этимъ трудомъ произошло въ 1749 году, немного спустя послѣ его выхода въ свѣтъ; ея предубѣжденія, если бы она ихъ почерпнула изъ этого источника, установили бы время своего расцвѣта и проявленія. Въ 1771 году въ эпоху перваго раздѣла Польши время это еще не наступало. Болѣе вѣроятно, что отцу Барру Екатерина обязана своими первыми понятіями о положеніи вещей въ Германіи, тогдашнихъ силахъ и интересахъ въ конфликтѣ великой германской арміи. Такъ какъ ея пребыванія въ Штеттинѣ или Цербстѣ оставили ей въ этомъ отношеніи довольно смутныя и неполныя понятія.

Что касается до словаря Бейля, то довольно трудно себѣ представить, какой смыслъ и впечатлѣніе изъ подобнаго чтенія могли быть у читательницы двадцати двухъ или двадцати трехъ лѣтняго возраста, т. к. она приступаетъ къ первому тому въ 1751 году, хотя какъ бы насъ и не увѣряла Екатерина, что она прочла все отъ А до Z всѣ четыре громадные фолианта, въ которыхъ этотъ предтеча всѣхъ энциклопедистовъ претендовалъ повторять вкратцѣ все интеллектуальное развитіе своей эпохи. Вѣрно то, что не зная ни греческаго, ни латинскаго, она должна была выпускать цитаты, которыми Бейль испещрилъ свой текстъ и составляющія добрую половину его работы. Прибавимъ еще одну четвертую на религіозныя пренія и на философскія диссертации, въ которыхъ она съ трудомъ могла что-либо понять. Она, безъ сомнѣнія, пробѣжала остальное словаря, такъ какъ трудно читать словарь въ привычномъ смыслѣ этого слова. Она могла почерпнуть въ немъ тамъ и сямъ нѣкоторыя воззрѣнія, которыми, охотно можно думать, она воспользовалась въ послѣдствіи. Сама доктрина самодержавія такъ смѣло выставленная авторомъ, казалось, въ нѣкоторомъ отношеніи повліяла на ея сужденія, хотя бы и скоропроходящимъ образомъ и внушила ей первыя попытки законодательства, хотя не безъ того чтобы согласиться вмѣстѣ съ Бейлемъ, что «короли—великіе мошенники». Но, конечно, она была сильнѣе поражена той идеей, что «правила искусства царствовать противны дѣйствительной честности». Наконецъ, одна должна была проникнуться разсужденіемъ, что ни религіозная этика, ни ходячая мораль, ни катехизисъ Лютера и катехизисъ Симеона Тодорскаго, уроки мудрости *m-e-lle* Кардель, какъ и суровые принципы Христіана-Августа—все это не выносило ни холодной критики такого философа, какъ Бейль, ни горделивой оцѣнки мужа опытнаго, каковъ Брантомъ и что въ глазахъ какъ одного, такъ и другого не было ни вѣчныхъ истинъ, ни абсолютныхъ принциповъ. Она была полна размышленіями подобнаго рода въ 1754 году, когда событіе, такъ давно ожидаемое, прервало ея чтеніе, перевернуло вверхъ дномъ ея привычную и довольно однообразную жизнь и внесло въ нее значительное измѣненіе. Она стала матерью.

V.

Какъ случилось это событіе? Вопросъ можетъ казаться страннымъ. Между тѣмъ во всей біографіи Екатерины не было ни одного случая, который подлежалъ бы такимъ спорамъ, какъ

этотъ. Надо вспомнить, что десять лѣтъ протекло со времени замужества великой княгини; десять лѣтъ, въ теченіе которыхъ ея союзъ съ Петромъ оставался безплоднымъ, въ то же время и отношенія обоихъ супруговъ становились все болѣе и болѣе холодными. Письмо ¹⁾ великаго князя своей женѣ, изданное вслѣдъ за русскимъ переводомъ *записокъ* Екатерины, и относящееся къ 1746 году, кажется уже рѣзко указываетъ на полный разрывъ.

Мадамъ

прошу Васъ больше не беспокоиться спать со мной, т. к. теперь не время меня обманывать. Постель покажется слишкомъ узкой послѣ двухнедѣльной разлуки съ Вами.

Сегодня послѣ полудня.

Вашъ очень несчастный мужъ, котораго Вы не удастаете этимъ именемъ.

Петръ.

Въ то же время и вопреки своей уединенной жизни и окружающаго ея надзора Екатерина подвергалась многочисленнымъ искушеніямъ, преслѣдованіямъ, гдѣ ея добродѣтель подвергалась постоянной опасности и, она какъ бы была погружена, по выраженію одного русскаго историка, въ любовную атмосферу. Такъ что, какъ она сама говоритъ въ своихъ запискахъ, совсѣмъ будучи некрасивой, она нравилась: въ томъ была ея сила. Она вызвала любовь и распространяла ее вокругъ себя. Мы видѣли, какъ самъ мужъ ея гувернантки сдѣлался жертвой этой заразы. Правда, она избѣгла первой опасности; не отняла у Маріи Семеновны нѣжности ея мужа и не имѣла въ этомъ заслуги: она нашла его некрасивымъ и глупымъ, настолько же тяжелымъ умомъ, какъ и тѣломъ. Она смертельно скучала въ теченіе лѣта 1749 года, часть котораго должна была провести въ Раевѣ, помѣстьѣ, принадлежащемъ Чоглоковымъ, тамъ она видала приблизительно каждый день молодого графа Разумовскаго, который, живя по сосѣдству, приходилъ обѣдать и ужинать и возвращался въ свой дворецъ въ Покровское, дѣлая такимъ образомъ всякій разъ около шестидесяти километровъ. Двадцать лѣтъ спустя, Екатеринѣ пришла мысль спросить, что могло побуждать его приходить каждодневно раздѣлять скуку великокняжескаго двора, тогда какъ въ его собственномъ домѣ онъ собиралъ по своему вкусу наилучшее московское общество? «Любовь», отвѣтилъ онъ,

¹⁾ Это письмо было перехвачено и не попало въ руки Екатерины.

не колеблясь ни минуты. — «Любовь, но кого вы могли найти въ Раевѣ, чтобы въ него влюбиться?» — «Вась!» — Она захохотала. Она и не догадывалась объ этомъ.

Но не все же было такъ. Чоглоковъ былъ некрасивъ, Разумовскій слишкомъ скретенъ. Явились другіе, не имѣвшіе недостатка одного, ни качества другого. Въ данномъ случаѣ былъ одинъ изъ трехъ сосланныхъ въ 1745 году, Захарь Чернышевъ, который вновь появился при дворѣ въ 1751 году; онъ находить, что Екатерина похорошѣла и не воздержался сказать ей это. Она слушаетъ его съ удовольствіемъ. Онъ пользуется баломъ, гдѣ по недавно вошедшей модѣ мѣняются девизами—маленькими бумажными полосками, содержащими стихи болѣе или менѣе удачными, смотря по остроумію кондитера,—чтобы передать ей любовную записку, полную страстныхъ признаній. Она находить игру прелестной и охотно соглашается ее продолжать. Онъ хочетъ силою войти въ ея комнату, рѣшившись переодѣться лакеемъ, чтобы достигнуть этого. Она ограничивается тѣмъ, что доказываетъ ему опасность предпріятія. Послѣ чего они возвращаются къ корреспонденціи девизовъ.

Часть этой корреспонденціи намъ извѣстна; она была опубликована ¹⁾ безъ имени автора, какъ образецъ стиля, употребленнаго дамой высшаго круга восемнадцатаго столѣтія, чтобы написать своему любовнику. Содержаніе, кажется не допускаетъ никакого сомнѣнія, что Захарь Чернышевъ имѣлъ права на подобный титулъ. Послѣ Чернышевыхъ идутъ Салтыковы; было два брата этой фамиліи среди камергеровъ великокняжескаго двора; фамилія считалась одной изъ самыхъ старинныхъ и знатныхъ въ Россіи. Отецъ имѣлъ чинъ генерала-адъютанта, мать, рожденная княжна Голицына оказала Елизаветѣ въ 1740 г. услуги, о которыхъ принцесса Цербстская имѣла особенныя свѣдѣнія:

«Мадамъ Салтыкова оканчивала плѣнять цѣлыя семейства... Она была Голицына, сказать больше — была красавицей и дѣйствовала особеннымъ способомъ, который не долженъ повторяться потомствомъ. Она ходила со своими женщинами въ казармы гвардейскаго полка, отдаваясь, пьянствовала, играла, проигрывала, давала имъ выигрывать; она имѣла любовниками триста гренадеровъ, которые сопровождали Ея Величество».

Старшій изъ братьевъ, Петръ былъ отъ природы неуклюжъ, могущій, говоря, какъ Екатерина, соперничать умомъ и красотой

¹⁾ Русскій Архивъ 1881 г. I. 390 и слѣд.

съ несчастнымъ Чоглоковымъ. Младшій, Сергѣй—былъ «прекрасенъ, какъ день». Въ 1752 году онъ имѣлъ двадцать лѣтъ, былъ женатъ уже два года на фрейлинѣ императрицы, Матренѣ Павловнѣ Балкъ. Бракъ былъ по любви. Въ это время Екатерина замѣтила, что онъ за ней ухаживаетъ. Она почти ежедневно посѣщала Чоглокову, которая, будучи въ интересномъ положеніи и больной, сидѣла дома. Встрѣчая тамъ неизмѣнно прекраснаго Сергѣя, она усомнилась, чтобы онъ приходилъ къ хозяйкѣ дома. Екатерина приобрѣла, какъ видно, опытность. Вскорѣ Сергѣй постарался выяснитъ все окончательно. Надзоръ мадамъ Чоглоковой производился въ то время слабѣе, чѣмъ обыкновенно.

Онъ уладилъ дѣло такъ, что отдалилъ надзоръ Чоглокова, который, влюбленный самъ въ великую княгиню, могъ ихъ очень стѣснять. Салтыковъ открылъ въ немъ необычайный талантъ къ поэзіи. Простоватый Чоглоковъ, польщенный этимъ открытіемъ, усаживался въ уголъ кропать стихи на заданныя рѣмы и темы, которыми не переставали его снабжать. Въ это время свободно разговаривали. Красавецъ Сергѣй былъ не только самымъ красивымъ мужчиной при Дворѣ, но и человѣкомъ весьма находчивымъ «настоящій демонъ интриги» какъ сказала сама Екатерина. Она, молча, выслушала его первыя признанія, безъ сомнѣнія, не рассчитывая прекратить ихъ: Продолжая, такимъ образомъ, молчать, она спросила, чего онъ отъ нея желаетъ. Ему не стоило труда описать самыми яркими красками то счастье, на которое онъ рассчитывалъ. «А ваша жена?» — спросила тогда она. Это значило почти уже дать согласіе, ослабить до минимума то хрупкое препятствіе, которое ихъ еще раздѣляло. Онъ ни мало не смутился этимъ, смѣло выбросилъ Матрену Павловну за бортъ говорилъ о заблужденіи молодости, о томъ, что ошибся въ выборѣ и о томъ, какъ быстро это золото превратилось въ дрянной свинецъ.

Екатерина увѣряетъ, однако, что употребляла всѣ усилія, чтобы отклонить его отъ этого преслѣдованія, намекая даже на то, что онъ является слишкомъ поздно. «Почему вы знаете, можетъ быть мое сердце уже занято». Средство это было выбрано довольно неудачно. Правда, и она соглашается съ этимъ, что затрудненіе избавиться отъ прекраснаго соблазнителя происходило особенно отъ того, что онъ ей сильно нравился. Однажды Чоглоковымъ была устроена охота, гдѣ представился случай, давно ожидаемый Сергѣемъ. Они были одни. Уединеніе продолжалось полтора часа, и, чтобы положить ему конецъ, Ека-

терина вынуждена была прибѣгнуть къ героическимъ мѣрамъ. Прелестную сцену описываетъ Екатерина въ своихъ запискахъ: прежде чѣмъ удалиться, Салтыковъ желалъ принудить ее сказать ему, что онъ ей не противенъ. Она пролепетала наконецъ: «да, да, но ступайте!»—«Хорошо, я запомню ваши слова!»—вскричалъ молодой человѣкъ, пришпоривъ лошадь. Ей хотѣлось вернуть обратно роковое слово и она закричала ему во слѣдъ: «нѣтъ, нѣтъ!» Онъ отвѣчалъ удаляясь... да! да! Такимъ образомъ они разстались, чтобы, конечно, опять скоро сойтись.

Правда, вскорѣ послѣ этого Сергѣй Салтыковъ долженъ былъ покинуть Дворъ. Распространившійся слухъ о его весьма возможныхъ отношеніяхъ съ великой княгиней вызвалъ вмѣшательство Елизаветы. Она разбранила Чоглоковыхъ, а прекрасный Сергѣй получилъ отпускъ на одинъ мѣсяцъ съ приказаніемъ навѣстить въ имѣніи свое семейство. Заболѣвъ, онъ вернулся ко Двору только въ февралѣ 1753 года и тотчасъ же снова примкнулъ къ небольшому интимному кружку, образовавшемуся около Екатерины, гдѣ молодые люди занимали первыя мѣста и гдѣ съ нѣкоторыхъ поръ выдѣлялся своимъ громкимъ именемъ и предварительной осанкой другой ухаживатель—Левъ Нарышкинъ, играющій уже роль придворнаго шута, которую ему суждено было продолжать и въ счастливые дни будущаго царствованія, не ограничивая впрочемъ въ данный моментъ этимъ своего честолюбія.

Екатерина была теперь въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Чоглоковыми. Она сумѣла сдѣлаться другомъ мадамъ Чоглоковой, доказывая ей этимъ, что отталкивала ухаживанія ея мужа, и дѣлала изъ него своего раба, дипломатично поддерживая его надежды. Она располагала довѣріемъ и осторожностію обоихъ супруговъ.

Прекрасный Сергѣй или изъ осторожности или, всего вѣрнѣе, изъ-за врожденнаго непостоянства, казался теперь болѣе сдержаннымъ—роли перемѣнились и Екатерина вынуждена была упрекать его въ равнодушіи. Но вскорѣ вторичное вмѣшательство высшей власти, совершенно неожиданное, придало второй части этого уже устарѣлаго романа совершенно новый оборотъ. Дѣло это неудобно рассказывать и еще неудобнѣ выдавать его за фактъ, не будь свидѣтельства къ тому самой Екатерины. Вотъ, что она рассказываетъ въ своихъ запискахъ. Сергѣй и она—одинъ призванный къ Бестужеву, другая приглашенная на конфиденціальный разговоръ съ Чоглоковой—получили касательно

того предмета, въ которомъ были заинтересованы, удивившія ихъ предложенія. Говоря, весьма возможно, отъ имени императрицы, гувернантка и хранительница добродѣтели великой княгини и чести ея супруга объяснила молодой женщинѣ, что бывають случаи, когда государственныя причины обязываютъ отрѣшиться отъ другихъ соображеній, даже отъ законнаго желанія супруги оставаться вѣрной своему мужу, если этотъ оказывался неспособнымъ обезпечить спокойствіе государства надеждой на престолонаслѣдіе.

Въ заключеніе отъ Екатерины прямо потребовали сдѣлать выборъ между Сергѣемъ Салтыковымъ и Львомъ Нарышкинымъ, при чемъ Чоглокова была увѣрена, что Екатерина предпочтетъ послѣдняго. Та протестовала. «Тогда, пусть будетъ другой!» объявила гувернантка. Екатерина хранила молчаніе. Съ большею осторожностію Бестужевъ со своей стороны говорилъ красавцу Сергѣю въ томъ же духѣ.

Между тѣмъ, Екатерина дѣлалась беременной до трехъ разъ сряду и послѣ двухъ выкидышей произвела на свѣтъ сына. Кто былъ отцомъ этого ребенка? Понятно, что теперь умѣстно сдѣлать такой вопросъ, и вотъ какъ онъ рѣшенъ въ документѣ, гдѣ существенныя мѣста, намекающія на этотъ пунктъ въ исторіи оставались ненапечатанными до сего времени: это—упомянутыя нами записки Шампо.

«Княгиня, увлеченная тайнымъ желаніемъ, слушала его (Салтыкова) и убѣждала его преодолѣть свою страсть. Она совѣтовала ему взять себя въ руки. Однажды разговоръ былъ очень оживленъ Салтыковъ говорилъ ей со всею страстію, которой онъ былъ возбужденъ; она отвѣчала ему пылко, разгорячилась, была тронута и, покидая его, продекламировала слова Максимы, обращенныя къ Зифару:

...Et méritez les pleurs que vous m'allez couter ¹⁾.

«Дворъ отправился въ Петергофъ. Великій князь и великая княгиня слѣдовали за императрицей. Часто устраивались охоты. Великая княгиня, ссылаясь на нездоровье въ большинствѣ случаевъ, не принимала въ нихъ участія. Салтыковъ подъ благовиднымъ предлогомъ заручился позволеніемъ великаго князя не сопровождать его. Онъ проводилъ все свободное время съ великой княгиней, обладая искусствомъ пользоваться счастливыми расположеніями, которыя ему давали замѣтить. Салтыковъ,

¹⁾ И заслуживаете рыданій, которыхъ будете мнѣ стоить.

чувствующій себя въ первое время на седьмомъ небѣ, такъ какъ обладалъ предметомъ, которымъ былъ занятъ, рѣшилъ, что было бы надежнѣе раздѣлить его съ великимъ княземъ, чью болѣзнь онъ считалъ вполне излѣчимой. Но было опасно дѣйствовать въ подобныхъ обстоятельствахъ безъ особаго на то согласія императрицы. Случай придалъ дѣлу желанный оборотъ. Весь Дворъ былъ на большомъ балу. Императрица, проходя мимо Нарышкиной, Belle soeur Салтыкова, (бывшей тогда беременной), разговаривавшей съ Салтыковымъ, сказала ей, что не мѣшало бы той подѣлиться немного своей добродѣтелью съ великой княгиней. Нарышкина отвѣтила, что это было бы не такъ неудобноисполнимо, и если бы государыня пожелала дать ей и Салтыкову разрѣшеніе дѣйствовать въ этомъ направленіи, то она осмѣливается увѣрить ее въ ожидаемомъ успѣхѣ. Императрица спросила поясненій. Тогда Нарышкина освѣдомила ее о состояніи великаго князя и о средствѣ, которымъ можно было бы помочь въ этомъ. Она прибавила, что Салтыковъ, пользовавшійся у нея довѣріемъ, могъ бы склонить великаго князя къ этому.

Императрица не только согласилась, но дала даже понять, что этимъ они окажутъ ей большую услугу.

Салтыковъ тотчасъ же началъ искать средства побудить великаго князя сдѣлать все необходимое, чтобы дать наследниковъ. Онъ познакомилъ его со всѣми политическими причинами, обязавшими его къ тому. Онъ навелъ его на мысль о неизвѣданномъ еще удовольствіи и добился того, что, не познакомивъ великаго князя со своимъ планомъ, сдѣлалъ ему сюрпризъ. Онъ устроилъ ужинъ съ особами, которыя очень нравились великому князю и въ минуту веселья всѣ соединились для того, что бы получить отъ князя согласіе. Въ то же время вошелъ Бургавъ съ хирургомъ — и въ минуту операція была сдѣлана вполне удачно. Салтыковъ получилъ отъ императрицы по этому случаю великолѣпный брилліантъ. Это происшествіе, которымъ Салтыковъ надѣялся обезпечить свои удовольствія и фаворъ, навлекло на него бѣду, угрожавшую ему гибелью. Много гово-

рили о его связи съ великой княгиней. Ухватились за этотъ инцидентъ, чтобы погубить Салтыкова и внушали императрицѣ, что эта операція была только хитростью, употребленной съ тѣмъ, чтобы замаскировать событіе, авторомъ котораго желали бы видѣть великаго князя. Эти злые толки сильно подѣйствовали на императрицу. Думали, что тогда она вспомнить о томъ влеченіи, которое она питала къ Салтыкову и что онъ не замѣчалъ этого. Его враги сдѣлали еще хуже: они обратились къ великому князю и возбудили въ немъ тѣ же подозрѣнія».

Далѣе въ запискахъ де-Шампо слѣдуютъ рассказы о различныхъ запутанныхъ интригахъ, въ теченіе которыхъ императрица и великій князь мѣняли неоднократно свое мнѣніе и впечатлѣнія и кончили тѣмъ, что дали одержать верхъ счастливому любовнику. Сама Екатерина одно время была вовлечена въ эту исторію. Въ первое время своего неудовольствія противъ Салтыкова, императрица, вмѣсто того, чтобы пощадить великую княгиню, не постѣснилась высказаться передъ нѣкоторыми лицами, что она знала все, что происходило до сей минуты и что какъ только великій князь выздоровѣлъ настолько, чтобы жить со своей женой — она желаетъ видѣть доказательства того состоянія, въ которомъ великая княгиня должна была оставаться до сего времени. Увѣдомленная неустанными друзьями, Екатерина вознегодовала, и этимъ убѣдила Елизавету, а позднѣе и великій князь взялся оправдать свою супругу вѣрными доказательствами.

«Между тѣмъ наступило то время, когда великій князь могъ жить съ великой княгиней. И, такъ какъ будучи задѣтъ словами императрицы, онъ пожелалъ удовлетворить ея любопытство въ интересовавшихъ ее обстоятельствахъ — и утромъ послѣ брачной ночи отослалъ государынѣ въ собственноручно запечатанномъ ларцѣ доказательства благоразумія великой княгини, которыя Елизавета желала видѣть».

«...Связь между великой княгиней и Салтыковымъ не разстроилась этимъ приключеніемъ и она продолжалась еще восемь лѣтъ во всемъ своемъ оживленіи».

Записки Шампо были присланы въ ноябрѣ 1758 года изъ Версаля въ С.-Петербургъ, чтобы послужить дополненіемъ къ инструкціи маркизу Опиталю, и вотъ какъ посланникъ оцѣниваетъ этотъ документъ:

«Я читалъ со вниманіемъ первый томъ исторіи или романа трагикомическаго брака и приключеній великой княгини. Въ

В. В. Балтыковъ.

*Миниатюра, принадлежащая
А. А. Васильчикову.*

основаніи его лежитъ истина; стиль ее прикрашиваетъ; но вблизи герои и героини теряютъ ту цѣну, которую ихъ имена придаютъ этимъ событіямъ. Салтыковъ — человѣкъ пустой, русскій фатъ, т. е. невѣжественный и недостойный человѣкъ. Великая княгиня его терпѣть не можетъ, и все, что говорятъ про ея переписку съ Салтыковымъ—бахвальство и фальшь».

Правда, что въ эту эпоху Екатерина познакомилась съ Понятовскимъ и, какъ говорить объ этомъ Опиталь — узнала разницу между тѣмъ и другимъ.

Разсказъ французскаго дипломата противорѣчитъ однако въ кое-какихъ подробностяхъ разсказу изъ *записокъ* Екатерины и все, что мы знаемъ извнѣ объ этомъ шекотливомъ предметѣ, сходится на томъ, что придаетъ ему неясное и дерзкое толкованіе. Физически и въ особенности нравственно Павелъ походилъ на своего законнаго отца. Однако, почти никто изъ современниковъ не допускалъ гипотезы этого родительства. Въ то время были выставлены другія предположенія.

«Этотъ ребенокъ»,—писалъ однажды маркизь Опиталь, — говорятъ, былъ сыномъ самой императрицы (Елизаветы), которая его подмѣнила на сына великой княгини. Въ одной заграничной депешѣ маркизь, увѣрявшій въ своей компетентности, на этотъ счетъ сомнѣвался въ правдоподобности послѣдней версіи. Но Елизавета постаралась сама распространить ее и ея поведеніе въ моментъ родовъ великой княгини послужило подтвержденіемъ распространившихся слуховъ. Едва ребенокъ увидалъ свѣтъ и послѣ того, какъ его вымыли и дали молитву, императрица приказала его унести и исчезла вслѣдъ за нимъ.

Екатерина снова увидѣла своего сына только черезъ шесть недѣль. Ее оставили на попеченіе горничной, не позаботясь даже о самомъ необходимомъ уходѣ. Казалось, что она стала для всего свѣта существомъ ничтожнымъ, ничего не стоящимъ. Постель, на которой она родила, находилась между дверью и двумя громадными окнами, изъ которыхъ дулъ ледяной вѣтеръ. Вслѣдствіе сильной испарины она хотѣла вернуться въ свою обычную постель. Владислава не посмѣла взять на себя отвѣтственность исполнить ея желаніе. Екатерина попросила пить. Тотъ же отвѣтъ. Наконецъ, по прошествіи трехъ часовъ, появилась графиня Щувалова и подала ей нѣкоторую помощь. Это было все. Она не видала болѣе никого ни въ тотъ день, ни въ послѣдующій. Великій князь пировалъ со своими друзьями въ сосѣдней комнатѣ. Послѣ торжественныхъ крестинъ ребенка, его матери при-

несли на золотомъ подносѣ указъ императрицы, которая дарила 100,000 рублей и нѣкоторыя драгоценности. Ей платили за ея муки. Драгоценности были посредственной стоимости. Екатерина увѣряетъ, что ей стыдно было бы сдѣлать подобный подарокъ своей горничной. Деньги доставили ей удовольствие: у ней было теперь много долговъ.

Но ея радость была кратковременной. Спустя нѣсколько дней казначей ея величества, секретарь ея кабинета, баронъ Черкасовъ, слѣдую официальному указанію, явился упросить ее отказаться отъ этой суммы. Императрица приказала вторично выдать подобную сумму—и въ кассѣ не осталось *ни копейки*. Она догадалась, что это была очередь мужа. Узнавъ, что она получила сто тысячъ рублей, Петръ пришелъ въ ярость: ему ничего не дали, тогда какъ онъ претендовалъ имѣть по меньшей мѣрѣ одинаковыя права на императорскую щедрость. Чтобы успокоить его, Елизавета, которой ничего не стоило дѣлать подписи, приказала вынуть изъ казны и для него такую же сумму, не заботясь о затрудненіи казначея. По прошествіи шести недѣль праздновали съ большою пышностью «очищеніе» великой княгини; ей оказали милость по этому случаю, показавъ ея ребенка. Она нашла его прекраснымъ. Ей оставили его въ продолженіе всего обряда, затѣмъ опять унесли.

Тогда же она узнала, что Сергѣй Салтыковъ отосланъ въ Швецію съ оповѣщеніемъ о рожденіи великаго князя.

Въ то время для вельможи, занимавшаго при русскомъ Дворѣ такое привилегированное положеніе, какое было у прекраснаго Сергѣя, подобнаго рода перемѣщеніе рѣдко считалось милостію; это было въ большинствѣ случаевъ высшей полицейской мѣрой, если не опалой или наказаніемъ. Съ этой точки зрѣнія отъѣздъ молодого камергера является весьма краснорѣчивымъ.

Мы не будемъ болѣе останавливаться на этомъ. Эта историческая тяжба, вращающаяся на спорномъ вопросѣ о правахъ отца, имѣетъ въ нашихъ глазахъ второстепенную важность. Что же касается Екатерины, единственный и дѣйствительно важный пунктъ для исторіи интеллектуальнаго и нравственнаго развитія ея личности, т.-е. для изученія ея, которое мы преслѣдуемъ здѣсь—это несомнѣнное присутствіе при колыбели ея перваго ребенка красавца Сергѣя, Льва Нарышкина, Захара Чернышева и быть можетъ другихъ лицъ, затмѣвающихъ сущность дѣла. Передъ нами ея неполное материнство, такъ грубо оскорбленное подозрѣніемъ общества, такъ жестоко надломленное зло-

употребленіемъ власти, похожимъ на похищеніе, и гдѣ что-то подозрительное прячется подъ личиной этикета, попирая самыя естественныя права и обязанности. Наконецъ эта заброшенность и уединеніе болѣе сильныя, чѣмъ когда-нибудь, вслѣдствіе которыхъ молодая мать падаетъ между пустою колыбелью и нераздѣляемымъ съ давнихъ поръ супружескимъ ложемъ.

VI.

Если бы Екатерина была заурядной женщиной, то подобнаго рода существованіе имѣло результатомъ одну или нѣсколько лишннихъ страницъ, прибавленныхъ къ любовной хроникѣ XVIII столѣтія. Сергѣй Салтыковъ имѣлъ бы пріемника, великій князь — новыя причины сомнѣваться въ добродѣтели своей супруги. Другого вывода нельзя изъ этого сдѣлать. Но Екатерина была необыкновенной женщиной. Она съ избыткомъ доказала это въ послѣдствіи, тѣмъ болѣе она не принадлежала къ числу такъ называемыхъ мученицъ или вѣрныхъ супруговъ хотя бы у семейнаго очага. Она замѣстила прекраснаго Сергѣя другими, даже окончательно и безповоротно окунулась въ такую жизнь, которая должна была привести къ самому колоссальному и циничному проявленію сладострастія, память о которомъ сохранена современной исторіей. Но она не погрязла въ ней вся. Жертвуя своимъ тѣломъ, честью и добродѣтелью ради постоянно возобновляемыхъ развлеченій и изысканныхъ съ возрастающей страстію наслажденій, она не погрязла сама, не забыла совсѣмъ своего положенія, пробудившагося честолюбія и превосходства, которому суждено блестѣть въ будущемъ. Она не отрекалась, напротивъ, окрѣпла, ушла въ себя и занялась развитіемъ своего «я», приспособленіемъ своего ума и характера къ той смутно предвидѣнной судьбѣ, начало которой намъ уже удалось отмѣтить.

Въ то же время мы видимъ ее дѣятельно занимающуюся изученіемъ русскаго языка и русской литературы. Она читаетъ всѣ русскія книги, которыя ей удастся достать. Онѣ, безъ сомнѣнія знакомятъ ее со своимъ довольно низкимъ уровнемъ умственнаго развитія. Она не можетъ вспомнить заглавій прочитанныхъ ею книгъ, исключая русскаго перевода двухъ томовъ Бароніуса. Она извлекаетъ изъ этого чтенія убѣжденіе, которое ее никогда не покидаетъ и придаетъ ея будущему царствованію ясно очерченный характеръ, поможетъ сдѣлать изъ него продолженіе царствованія Петра Великаго, убѣжденіе это — необходимость для ея второго отечества учиться у Запада, чтобы

уничтожить разницу, отдѣляющую ихъ и встать на высоту ново-пріобрѣтеннаго положенія въ Европѣ.

Въ то же время она усердно и на этотъ разъ съ пользою начинаетъ читать серьезныя книги.

Несмотря на совѣты графа Гюлленберга и вниманіе, которое она посвятила имъ, она не прочла «Причины возвышенія и упадка римской Имперіи». Она познакомилась теперь съ Монтескьё, читая «Духъ Закона», съ которымъ разстается только для «Анналовъ» Тацита и «Всеобщей исторіи», какъ онъ говорить, а вѣрнѣе «Опытъ надъ нравами и умомъ націй» Вольтера.

Тацитъ плѣняетъ ее живостью картинъ, которая развертывается въ ея воображеніи и поразительной аналогіей, которую она съ удовольствіемъ отмѣчаетъ, съ окружающими ея людьми и ихъ поступками. Черезъ огромное разстояніе временъ и обстоятельствъ она чувствуетъ неизмѣнное тождество нѣкоторыхъ типовъ и нѣкоторыхъ законовъ, изъ которыхъ образуется и которымъ повинуются человѣческая природа. Она видитъ повтореніе тѣхъ же чертъ характера, тѣхъ же инстинктовъ страстей, комбинацій въ интересахъ, тѣхъ же формулъ правленія, влекущихъ тѣ же послѣдствія. Она научается разгадывать игру этихъ началъ, такъ разнообразно сплетенныхъ и при всемъ томъ неизмѣнныхъ; вникать въ ихъ механизмъ и оцѣнивать ихъ. Ея умъ сухой и холодный—философскій—по опредѣленію одного шведскаго дипломата превосходно принаравливается ко всѣмъ этимъ отвлеченностямъ, къ объективному сужденію римскаго историка о событіяхъ и ихъ причинахъ, къ его манерѣ парить по-орлиному надъ человѣчествомъ, которое онъ имѣетъ право, благодаря своему развитію наблюдать, какъ посторонній зритель.

Монтескьё, однако ее болѣе привлекаетъ и лучше удовлетворяетъ. Онъ не довольствуется представлять ей факты, а извлекаетъ оттуда теоретическое значеніе ихъ; онъ снабдилъ ее всѣми готовыми рецептами; она хватается это съ жадностью и составляетъ свой «требникъ», по ея живописному выраженію, пользуется имъ сама и объявляетъ въ послѣдствіи, что книга «Духъ Закона» должна быть «требникомъ» для всѣхъ государей, одаренныхъ здравымъ смысломъ.

Впрочемъ это еще не значитъ, чтобы она ее понимала.

Во всю половину 18-го столѣтія Монтескьё читался болѣе всѣхъ и менѣе всѣхъ былъ понятъ. Безъ сомнѣнія отъ него позаимствовались идеями и теоріями, Екатерина болѣе всѣхъ. Даже доходили до того, что примѣняли ихъ въ отдѣльности,

но, мало было умовъ, способныхъ понять себѣ всю доктрину въ цѣльности и никого—кто бы могъ усвоить ее и примѣнить ее «блокомъ» (по выраженію, недавно вошедшему въ употребленіе). Дѣйствительно это бы повело, чего быть можетъ не предвидѣлъ и самъ авторъ «Духа Законовъ», къ полному разрушенію политическаго и соціальнаго строя, къ болѣе современной революціи, чѣмъ та, которой закончился восемнадцатый вѣкъ. Его доктрина напала на принципъ недостатковъ, разбираемыхъ имъ въ организациіи человѣческихъ обществъ, отмѣченныхъ имъ злоупотребленій и предвидѣнныхъ катастрофъ. А упразднить принципъ—значило не только упразднить то или другое установленіе, тотъ или другой способъ правленія—но даже—устранить самую идею, господствующую, правящую міромъ и предназначенную управлять имъ вѣчно. Это значило замѣнить идеальнымъ равновѣсіемъ, быть можетъ, даже неосуществимымъ природными силами, неровную и продолжительную борьбу интересовъ и страстей—что составляетъ во все время человѣческую жизнь, которая быть можетъ—сама жизнь.

До всего этого Екатерина не додумалась; но ей понравилось присвоить себѣ «республиканскую душу» по примѣру Монтескьё, не заботясь слишкомъ узнать, чему подобное состояніе души соотвѣтствовало во мнѣніи знаменитаго автора; не давая себѣ также отчета въ томъ, какое значеніе она имѣла въ ней самой. Идея ей нравилась, какъ она нравилась тогда большинству; она принимала ее, какъ цвѣтокъ или перо, вошедшее въ моду. Къ нѣкоторому предубѣжденію противъ злоупотребленій деспотизма и признанной необходимости замѣнить внушенія личнаго произвола совѣтами универсальнаго разума примѣшивался отчасти смутный либерализмъ. Въ послѣдствіи Екатеринѣ пришлось удивить весь міръ, сдѣлавшись передъ лицомъ своей страны и Европы революционеркой въ своихъ идеяхъ, изложенныхъ въ официальномъ документѣ.

Она списала ихъ съ Монтескьё и Беккарея, все же не понимая ихъ. Когда же значеніе ихъ открылось при переходѣ отъ теории къ практикѣ, она, разумѣется, отступила. Но она продолжала царствовать разумно и даже либерально до извѣстной степени. Монтескьё сдѣлалъ все-таки свое дѣло.

Она поняла сразу своимъ разсудительнымъ умомъ и безошибочнымъ здравымъ смысломъ, которыми надѣлила ее природа, что существуетъ явное и жгучее противорѣчіе между ненавистью къ деспотизму и положеніемъ деспота. Въ виду властвующихъ инстинктовъ, которые она уже носила въ себѣ, это открытіе

должно было ее стѣснять. Оно ее поссорило съ философій или по меньшей мѣрѣ съ нѣкоторыми философами. Между тѣмъ нашелся нѣкто, показавшій ей, что боязнь этого противорѣчія неосновательна, и этотъ нѣкто опять-таки философъ—Вольтеръ. Безъ сомнѣнія введеніе произвола въ управленіе человѣческими судьбами—ошибка и можетъ сдѣлаться преступленіемъ, безъ сомнѣнія разумъ долженъ править всѣмъ міромъ, но надо, чтобы кто-нибудь олицетворилъ его здѣсь на землѣ. Разъ это установлено—формула сама обнаруживается. Самодержавный образъ правленія, быть можетъ, одинъ изъ наилучшихъ управленій, даже наилучшій при условіи, чтобы онъ былъ разуменъ. Что нужно для этого? Чтобы онъ былъ *освященъ*. Вся политическая доктрина автора «философскаго дикціонера» объясняется этимъ, а такъ же и его искреннее восхищеніе (чтобы тамъ ни говорили) передъ Сѣверной Семирамидой. Екатерина осуществила формулу: она освѣтилась лучами философіи, въ особенности Вольтера. Она управляетъ разумно. Она *сама разумъ*, призванный управлять сорока милліонами людей. Это божество, прообразъ тѣхъ божествъ, которыхъ умственное убожество и извращенное воображеніе помѣстило въ послѣдствіи на алтари, поруганные революціонной оргіей.

Вотъ какимъ образомъ Вольтеръ сталъ любимымъ писателемъ Екатерины. Она нашла въ немъ именно такого человѣка, какой ей былъ нуженъ; превосходнаго учителя, руководителя ея совѣсти и мышленія; этотъ учитель, не утрущая, принаравливаетъ свои идеи съ ея страстями. вмѣстѣ съ тѣмъ у него есть отъ всѣхъ бѣдъ человѣчества, указанныхъ Монтескьё и которыя онъ оплакиваетъ вмѣстѣ съ нимъ, такія простыя средства, которыя доступны всѣмъ, легко примѣняемы—бабьи средства. Монтескьё—великій ученый, учащій общими тезисами. Слущая его, слѣдовало бы все начинать сызнава и все радикально измѣнить. Вольтеръ — гениальный эмпирикъ: онъ отыскиваетъ всѣ язвы, на человѣческомъ тѣлѣ, одну за другой и беретъ ихъ залѣчить. Здѣсь бальзамъ, тамъ Фонтанель—и язвы больше нѣтъ! Большой чувствуетъ себя превосходно! И какая чистота языка, ясность мыслей! Сколько со всѣмъ этимъ ума!

Екатерина восхищена имъ, какъ и большинство изъ ея современниковъ. Она ослѣплена, зачарована этимъ великимъ чародѣемъ искусства пера и такъ же, какъ и они, восхищена его качествами, и недостатками, послѣдними даже больше; т.-е. тѣмъ, что есть поверхностнаго въ его пониманіи вещей, легко мысленнаго иногда въ его умозаключеніи, несправедливаго въ сужде-

няхъ, еще болѣе непристойнаго антирелигіозностью и неуважительностью его нападокъ на установившіеся предразсудки, изъ которыхъ модная наклонность къ философствованію и потребность освобожденія, встряхнувшая совершенную мысль—были не изъ послѣднихъ. Если Вольтеръ и не помогъ Екатеринѣ промѣнять лютеранскую вѣру на православную, то все же въ послѣдствіи примирилъ ее съ воспоминаніями этого тяжелаго шага и избавилъ ее, если и не отъ угрызений совѣсти, то по меньшей мѣрѣ отъ неловкости. Къ тому же онъ вѣроятно успокоилъ ее относительно нѣкоторыхъ другихъ сдѣлокъ со строгой моралью всѣхъ катехизисовъ, и греческихъ и лютеранскихъ. По своей крайней интеллектуальности, каково было свободомысліе автора «Орлеанской дѣвы», онъ допускалъ оправданія разныхъ свободъ, включая и свободу современныхъ народовъ. Этимъ Вольтеръ и былъ популяренъ и нравился Екатеринѣ.

Безъ сомнѣнія, что онъ овладѣлъ ею также благодаря нѣкоторымъ болѣе благороднымъ чертамъ своего безспорнаго гения,—гуманитарными идеями, сдѣлавшими его апостоломъ вѣротерпимости, великодушными порывами, которые заставили всю Европу рукоплескать ему, какъ защитнику Каласа и Сирьена. Екатерина, разумѣется, обязана ему нѣкоторыми наилучшими идеями.

Но ему, какъ Монтескье и Тациту, она обязана въ ту эпоху нѣкоторой интеллектуальной гимнастикой, способностью легко справляться съ великими политическими и социальными задачами, однимъ словомъ, общей подготовкой къ своему будущему призванію. И въ то же время, когда ея умъ быстро созрѣвалъ въ общеніи съ этими великими умами, и когда въ той же степени развивалось и ея практическое знаніе, она принимаетъ другой вкусъ, новыя привычки, стоящія ей другихъ благотворныхъ пріобрѣтеній.

Ей начинаетъ нравиться общество нѣкоторыхъ серьезныхъ лицъ, которыя когда-то испугнули ея молодость. Она въ особенности ищетъ общества старыхъ женщинъ, бывшихъ въ немилости при такомъ Дворѣ, какъ Дворъ Елизаветы. Она вступаетъ съ ними въ долгіе разговоры и такимъ образомъ пріучается говорить по-русски. Она пополняетъ свѣдѣнія, полученныя ей отъ Владиславовой на счетъ мельчайшихъ интимностей общества, которое она изучаетъ основательно. Она привлекаетъ, наконецъ, драгоцѣнныя симпатіи и полезныя дружбы, изъ которыхъ сумѣетъ со временемъ извлечь для себя пользу.

Такъ оканчивается второе воспитаніе Екатерины Великой.

Въ погонѣ за властію.

„Молодой Дворъ“.

Давъ жизнь наслѣднику престола, Екатерина перенесла не только странныя обращенія, о которыхъ мы упоминали выше, но само рожденіе сына какъ бы отодвинуло ее на второй планъ, такъ сказать, уменьшило ее, свергнуло съ пьедестала. Она хотя и считалась особой высокаго ранга, но была ею скорѣе по виду, чѣмъ по назначенію. Она перестала быть условіемъ «sine qua non» династической программы, необходимымъ лицомъ, на которое всѣ—начиная съ императрицы и кончая послѣднимъ подданнымъ имперіи—напряженно глядѣли въ ожиданіи великаго событія.

Она исполнила свою обязанность. Вскорѣ послѣ этого рѣшающаго событія, она начинаетъ мало-по-малу играть ту роль, въ которой никогда не была ни одна великая княгиня Россіи, чѣмъ былъ такъ называемый «молодой Дворъ» Петра и Екатерины въ шестилѣтній періодъ начиная съ 1755 г. до 5 января 1762 года—смерти Елизаветы—тому ни въ исторіи другого государства, ни въ самой Россіи другой эпохи не было ничего подобнаго. Иногда дипломаты, посланные въ С.-Петербургъ, затруднялись въ выборѣ дверей, куда они должны были обращаться, и нѣкоторые изъ нихъ, не колеблясь, храбро стучали въ маленькую дверь, Геибюри Вильямсъ, англійскій посолъ былъ изъ числа послѣднихъ.

Подобное изложеніе всѣхъ фактовъ, наполнявшихъ эту эпоху, заставило бы насъ выступить изъ разъ намѣченныхъ рамокъ

нашего очерка. Мы ограничимся лишь указаніемъ самыхъ выдающихся изъ нихъ, какъ-то: вмѣшательство Екатерины въ политическую жизнь, ея связь съ Понятовскимъ и, наконецъ, сильный кризисъ, окончившійся паденіемъ всемогущаго Бестужева, въ теченіе котораго будущая императрица сыграла свою первую роль на почвѣ своихъ будущихъ триумфовъ и одержала свою первую побѣду.

Екатерина вмѣшалась въ политику черезъ любовь. Это было ея назначеніе—соединять эти два различные, повидимому, элемента; это было ея искусство или счастье извлекать для себя пользу изъ такого смѣшенія, которое было роковымъ для многихъ другихъ. Ея первымъ шагомъ изъ той узкой сферы, гдѣ Елизавета намѣревалась заключить ее навсегда—было вмѣшательство въ дѣла Польши ¹⁾. Разумѣется она и не подумала бы интересоваться ими, если бы не сдѣлала открытія, что интересуется ими, благодаря красавцу-поляку. Впрочемъ, ей нужна была помощь, чтобы дѣлать подобнаго рода открытія. Посредники и посредницы играли, къ счастью, большую роль въ ея жизни.

Въ 1755 году Англія пожелала возобновить договоръ о вспоможеніи, который съ 1742 года связывалъ Россію съ ея системой союзовъ; она заботилась такъ же обезпечить себѣ содѣйствіе русской арміи въ случаѣ разрыва съ Франціей, становившимся неизбежнымъ въ недалекомъ будущемъ, отправила въ С.-Петербургъ новаго посла. Гюй Диккенсъ, исполнявшій до него эту должность, увидалъ себя къ ней неспособнымъ. Дворъ Елизаветы былъ слишкомъ подвиженъ для его лѣтъ. Дѣла тамъ рѣшались между балами, маскарадами и комедіями.

Его заявленіе уважили и начали искать дипломата, могущаго удовлетворить всѣмъ требованіямъ этой должности. Таковъ какъ разъ былъ Карлъ Вильямсъ, котораго намѣтили. Выборъ оказался удачнымъ. Другъ и товарищъ, въ удовольствіяхъ Роберта Вальполя, новоприбывшій прошелъ хорошую школу. Дѣйствительно, онъ не пропускалъ ни одного бала, ни маскарада, но не замедлил сознаться, что это не подвинетъ дѣла. Его заискиванія у Елизаветы, казалось, очень ей нравились, но оставались безъ малѣйшаго результата относительно политики. Когда онъ хотѣлъ приступить къ рѣшительнымъ переговорамъ—государыня уклонялась. Онъ усердно искалъ императрицу, но встрѣчалъ

¹⁾ У насъ есть документъ, доказывающій наши слова. Это записка, написанная ею Бестужеву въ 1756 году. Въ ней Екатерина проситъ заступничества за Чарторыйскихъ.

лишь любезную танцовщицу минуэта, а иногда и вакханку. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ убѣдился, что Елизавета не та женщина, съ которой можно было бы говорить серьезно, и сталъ оглядываться. Отвергнутый настоящимъ онъ, подумалъ о будущемъ. Будущее это былъ: «Молодой Дворъ».

Но тамъ онъ все же еще не рѣшался при видѣ будущаго императора. Онъ понялъ съ перваго взгляда, что и здѣсь потеряетъ лишь время. Какъ представитель своей расы, онъ былъ очень проницателенъ. Вотъ тогда-то взоръ его и остановился, наконецъ, на Екатеринѣ. Быть можетъ перенесъ и онъ вліяніе другихъ разочарованій и надеждъ, ведущихъ одновременно по одному и тому же пути и направляясь къ той же точкѣ опоры. Не начиналъ ли и великій Бестужевъ отрицать свои прежнія предубѣжденія. Вильямсъ замѣтилъ знаменательные первые шаги въ сторону Екатерины, подземные ходы, ведущіе къ ней. Онъ былъ скоръ на рѣшеніе. Освѣдомленный придворными толками о любовныхъ походахъ, гдѣ фигурировалъ послѣ красиваго Чернышева, красавецъ Салтыковъ, самъ довольно предприимчивый, онъ попытался однажды пойти по этимъ романтическимъ слѣдамъ. Екатерина приняла его очень любезно, разговаривала съ нимъ обо всемъ, и даже касалась серьезныхъ предметовъ, о которыхъ Елизавета не хотѣла и слышать, но она поглядывала въ сторону. Одинъ, перехваченный изъ этихъ взглядовъ, подсказалъ Вильямсу его поведеніе. — То былъ практическій умъ. Онъ протянулъ руку одному молодому человѣку изъ его свиты, то былъ Понятовскій.

Всѣмъ извѣстно происхожденіе этого романическаго героя, котораго роковая случайность, одна изъ тѣхъ, которая готовилась порѣшить съ Польшей—впутала съ этой минуты въ исторію его родины. Вильямсъ, до своего пріѣзда въ Россію, нѣсколько лѣтъ исполнявшій обязанности резидента при Саксонскомъ дворѣ, встрѣчалъ этого сына «высочки» и племянника двухъ самыхъ могущественныхъ въ то время въ Польшѣ вельможъ Чарторыйскихъ. Онъ подружился съ нимъ и, привезя его въ С.-Петербургъ, предложилъ заняться его политическимъ образованіемъ. Чарторыйскіе со своей стороны поспѣшили воспользоваться случаемъ, чтобы дать ученику дипломата особое порученіе, а именно: защищать ихъ интересы при Сѣверномъ дворѣ и интересы ихъ отечества, понимаемые ими по-своему. Они вводили въ Польшѣ новую политику компромиссовъ, «сердечнаго согласія» съ постояннымъ своимъ врагомъ, т. е. съ Россіей, отреченія отъ тра-

диціонныхъ республиканскихъ союзниковъ, въ особенности отъ Франціи. Они отворачивались отъ Запада и держали носъ къ Сѣверу въ надеждѣ найти тамъ пристань для несчастнаго корабля, гонимаго бурей, съ течью по всѣмъ швамъ, и они намѣревались сдѣлаться его лоцманами. Эта политика превосходно согласовалась съ той программой, которую взялся преодолѣть самъ Вильямсъ.

Будущему королю польскому было тогда двадцать два года. Обладая пріятнымъ лицомъ, онъ не могъ соперничать въ красотѣ съ Салтыковымъ, но это былъ настоящій «gentilhomme» по послѣднему европейскому образцу! Онъ имѣлъ разностороннее образованіе, изысканныя привычки, космополитическіе взгляды съ оттѣнкомъ философіи. Онъ былъ совершеннымъ образцомъ подобнаго рода людей и первымъ, возбудившимъ любопытство Екатерины. Онъ олицетворялъ въ ея глазахъ ту культуру ума и тотъ свѣтскій лоскъ, къ которымъ она питала скоропроходящія симпатіи, развитыя чтеніемъ Вольтера и М. Севинье. Онъ путешествовалъ. Онъ принадлежалъ въ Парижѣ къ тому высшему кругу, блескъ котораго очаровывалъ всю Европу, какъ и королевское достоинство, которое никто еще тогда не оспаривалъ. Онъ принесъ съ собой какъ бы ароматъ того общества и обладалъ его достоинствами и недостатками. Онъ умѣлъ блестяще поддерживать разговоръ о разныхъ отвлеченностяхъ, граціозно затронуть самые щекотливыя вопросы; умѣлъ галантно ввернуть записку и вставить мадригалъ въ банальный разговоръ; обладалъ искусствомъ кстати разнѣжничаться. Онъ былъ чувствителенъ. Онъ выказывалъ наклонность къ романтизму, дающую при случаѣ авантюристическую окраску и скрывалъ подъ цвѣтами сухую и холодную натуру, невозмутимый эгоизмъ, и даже въ сущности неисчерпанный запасъ цинизма.

Все даже до нѣкотораго легкомыслія въ характерѣ, которое такъ странно всегда нравилось Екатеринѣ, благодаря какой-то таинственной связи, быть можетъ, съ ея собственной твердой и уравновѣшенной натурой—все соединялось въ немъ для того, чтобы прельстить Екатерину. И если вѣрить личнымъ признаніямъ, Понятовскій обладалъ еще болѣе важнымъ въ глазахъ женщины достоинствомъ—другого рода, довольно неожиданнымъ и почти невѣроятнымъ у молодого человѣка, пріѣхавшаго изъ Парижа.

«Сперва строгое воспитаніе»—объясняетъ онъ въ отрывкѣ изъ «записокъ» дошедшихъ до насъ—«оградило меня отъ безпутнаго знакомства, потомъ честолюбіе побуждало меня проникнуться и держаться въ такъ называемомъ высшемъ обществѣ въ особенности

въ Парижѣ; честолюбіе охраняло меня и въ путешествіяхъ и странное стеченіе обстоятельствъ всегда мѣшало мнѣ въ моихъ попыткахъ вступить въ связь за границей, у себя на родинѣ и даже въ самой Россіи и, казалось, сохраняло меня умышленно цѣльнымъ для той, которая съ той поры распологала моей судьбой».

Все тотъ же Бестужевъ постарался поощрить молодого поляка. Понятовскій колебался. Ему рассказывали о плачевной судьбѣ, которая постигала молодыхъ людей, обратившихъ на себя вниманіе императрицъ и великихъ княгинь Россіи, послѣ того, какъ они переставали имъ нравиться. Бестужевъ прибѣгнулъ къ содѣйствію Льва Нарышкина, который великодушно согласился указать тотъ путь новому фавориту, который, безъ сомнѣнія, былъ такъ хорошо ему знакомъ. Нарышкинъ былъ всегда услужливымъ человѣкомъ. Но, быть можетъ, сама Екатерина устранила послѣднія колебанія. Было достаточно одной ея красоты, помимо другихъ средствъ къ прельщенію. Вотъ какъ счастливый любовникъ говоритъ объ этомъ позднѣе: «Ей было 25 лѣтъ; она только что оправилась отъ своихъ первыхъ родовъ и была въ той порѣ красоты, которая называется расцвѣтомъ для каждой женщины, надѣленной ею. При черныхъ волосахъ, она отличалась ослѣпительной бѣлизной; брови имѣла чернаго цвѣта, очень длинныя, носъ греческій, ротъ, казалось, манилъ къ поцѣлуямъ; идеальныя руки и ноги, стройную талію, ростъ скорѣе высокій, походку чрезвычайно легкую и въ то же время весьма благородную, звукъ голоса пріятный и смѣхъ такой же веселый, какъ и характеръ, одинаково легко переходящій отъ самыхъ безумныхъ шалостей до таблицы цифръ, гдѣ физическій трудъ не пугалъ ее такъ же, какъ и содержаніе. Глядя на нее, забываешь, что есть на свѣтѣ Сибирь».

Вскорѣ окружающіе Екатерины были свидѣтелями такой сцены, которая должна была подтвердить пущенныя въ ходъ догадки. Графъ Горнъ, шведъ, во время своего пребыванія въ С.-Петербургѣ и сблизившійся съ Понятовскимъ, принадлежалъ къ интимному кружку великой княгини. Однажды, когда онъ входилъ въ ея комнату, то маленькая болонка, принадлежащая Екатеринѣ, принялась яростно лаять на него и на всѣхъ входившихъ. Вдругъ появился Понятовскій и маленькій предатель бросился къ молодому человѣку съ величайшей радостью и со всѣми проявленіями нѣжности, какъ къ своему.

«Другъ мой,—сказалъ шведъ, отводя Понятовскаго въ сторону,—нѣтъ ничего ужаснѣе болонки. Когда я любилъ какую-

нибудь женщину, то первымъ дѣломъ дарилъ ей болонку, я черезъ нее всегда узнавалъ, имѣю ли я счастливаго соперника».

Сергѣй Салтыковъ по возвращеніи изъ Швеціи не замедлилъ узнать, что у него есть преемникъ; но онъ не былъ ревнивъ. Если позднѣе Екатерина не могла похвалиться постоянствомъ, то можно смѣло сказать, что ея первые любовники подали ей въ этомъ примѣръ. Прежде, чѣмъ Понятовскій вступилъ въ фаворъ, Салтыковъ доводилъ свою наглость до того, что назначалъ своей любовницѣ свиданія, на которыя не приходилъ. Разъ ночью Екатерина прождала его напрасно до трехъ часовъ утра.

Вильямсъ имѣлъ такимъ образомъ въ своемъ распоряженіи могущественное вліяніе на великую княгиню. Онъ не пренебрегъ для своихъ цѣлей и другими средствами. Онъ не замедлилъ освѣдомиться о денежныхъ затрудненіяхъ, изъ которыхъ выбивалась Екатерина самымъ отчаяннымъ образомъ. Въ этомъ отношеніи увѣщанія Елизаветы не имѣли никакого дѣйствія. Несмотря на свою любовь къ порядку и даже на нѣкоторыя буржуазныя привычки къ бережливости, Екатерина была расточительна. Ее увлекала страсть къ тщеславію и такъ же ея взглядъ на пользу нѣкоторыхъ издержекъ, который установился вслѣдствіе корыстныхъ привычекъ ея родной страны и приобрѣтеннаго опыта въ новой средѣ, гдѣ ей суждено было жить. Вѣра во всемогущество «на чаекъ» была однимъ изъ ея постоянныхъ убѣжденій, не покидавшихъ ее во всю ея жизнь. Вильямсъ предложилъ свои услуги, и онѣ были приняты. Итогъ займа, къ которому прибѣгла Екатерина, остается для насъ неизвѣстнымъ. Онъ долженъ быть значительнымъ. Вильямсъ былъ уполномоченъ отъ своего правительства. Двѣ росписки, подписанныя великой княгиней на общую сумму около 50000 руб. помѣчены 24 іюля и 11 ноября 1751 года, а іюльскій заемъ былъ очевидно не первымъ, т. к., испрашивая его, она писала банкиру Вильямса: «Мнѣ тяжело опять обращаться къ вамъ».

Англійскому посланнику оставалось хорошенько воспользоваться вліяніемъ, приобрѣтеннымъ такимъ способомъ.

Къ тому же сближеніе, происходящее одновременно между великой княгиней и Бестужевымъ, казалось добрымъ предзнаменованіемъ.

II.

Понятовскій нравился Екатеринѣ—потому что говорилъ языкомъ Вольтера и языкомъ героевъ—М. Скъодери. Онъ приобрѣлъ благосклонность великаго князя тѣмъ, что насмѣхался надъ

польскимъ королемъ и его министромъ, оказывая такимъ образомъ честь Фридриху. Но онъ не завоевалъ себѣ другихъ симпатій въ Петербургѣ. Елизавета смотрѣла на него съ предубѣжденіемъ и высказывалась въ пользу уступокъ настояніямъ саксонскаго двора, требовавшаго удаленія Понятовскаго. Подъ какимъ титуломъ онъ участвовалъ лично въ Англійскомъ посольствѣ, не будучи ни англичаниномъ ни дипломатомъ? Почему, не занимая тамъ никакой должности, онъ претендовалъ на какую-то роль?

Доводы были ничтожны. Загадочныя личности и непопулярныя дипломатическіе агенты кишѣли въ то время при всѣхъ европейскихъ дворахъ. Петербургскій дворъ не составлялъ исключенія. Какъ только Д'Эонъ пріѣхалъ туда, Понятовскій долженъ былъ моментально ступеваться. Екатерина отпустила его, заручившись обѣщаніемъ возвратиться. Онъ пріѣхалъ черезъ три мѣсяца съ офиціальнымъ титуломъ министра польскаго короля. Настала очередь Бестужева стараться быть любезнымъ для Екатерины. Чувствуя съ даннаго времени подъ собою твердую почву, Понятовскій не колеблясь воспользоваться этимъ, чтобы энергично приняться обдѣлывать дѣла своихъ дядей Чарторыйскихъ въ ущербъ интересамъ своего государя, короля Польскаго и дѣла своего друга Вильямса въ пользу короля Прусскаго.

Частенько сама Екатерина, чтобы облегчить его происки, дѣлала приписки на письмахъ, адресованныхъ Бестужеву. Когда участіе было не явно, то оно подразумевалось и сводилось все къ тому же. Вскорѣ поднялся концертъ жалобъ со стороны австрійскаго и французскаго посланниковъ. Иногда Дугласъ, дипломатическій лейтенантъ маркиза Опиталя предусматривалъ возможность соглашенія съ «молодымъ Дворомъ», а слѣдовательно и съ Понятовскимъ. Послѣ неоднократныхъ колебаній маркизъ склонился къ этому же мнѣнію и пересталъ противиться пребыванію польскаго дипломата въ Сѣверной столицѣ. Въ то же самое время возникало сильное несогласіе между представителями французской политики и варшавской, графомъ де-Брогли; этотъ продолжалъ шумно и неотвязно требовать отсылки Понятовскаго. Увы! Сама же французская политика и ея вліяніе на Востокъ погибли такимъ образомъ въ непримиримомъ конфликтѣ противоположныхъ идей и принциповъ.

Въ сентябрѣ 1757 года Дугласъ возвратился въ Варшаву и въ послѣдующихъ конференціяхъ съ графомъ Броглемъ, принялся убѣждать его въ необходимости радикальной перемѣны во

фронтъ относительно защиты французскихъ интересовъ на Востокъ Европы. Въ его глазахъ Версальскій трактатъ, обусловивъ вступленіе Франціи въ союзъ съ Россіей и Австріей, долженъ имѣть результатомъ разрывъ прежняго союза съ Портой или съ Польшей.

Залогъ могущественной дружбы въ Петербургъ вознаграждалъ за потерю вліянія, испытываемаго въ Варшавѣ и Константинополѣ. Это значило ставить вопросъ ребромъ и, только понимая вещи такимъ образомъ, Дугласъ и Брогли могли бы обезоружить враждебность молодого Двора и заручиться содѣйствіемъ Понятовскаго. Въ тотъ моментъ, когда они выскажутся за открытое полное согласіе съ Россіей, племянникъ Чарторыйскихъ, занятый руссофильской программой его дядей, превратится въ ихъ естественнаго союзника. Но графъ Брогли совсѣмъ не былъ расположенъ раздѣлять подобные взгляды; что же касается до тѣхъ, которые должны были руководить поведеніемъ, котораго онъ обязанъ держаться—они были не въ состояніи имѣть какое-нибудь точное представленіе ни объ этомъ, ни о многихъ другихъ предметахъ.

Тѣ, которые предсѣдательствовали тогда во Франціи въ управленіяхъ внѣшней политики—мы подразумеваемъ не только анонимныхъ распорядителей сокровенной политики Людовика XV, хранителей «королевскаго секрета», но и официальныхъ министровъ, которые назывались Рулье, аббатомъ Берни или Шуазель,—намѣревались наоборотъ хотя бы до извѣстной степени согласовать самыя несогласуемыя понятія: перемѣну системы съ сохраненіемъ принциповъ, содѣйствіе русскимъ войскамъ противъ общаго врага—съ сохраненіемъ стариннаго покровительства Турціи, Польши или Швеціи; первые шаги къ смутно предвидѣнному будущему съ вѣрностью къ прошлому. Если и было различіе во мнѣніяхъ въ этомъ отношеніи между двумя правящими властями, между «министерскимъ» (какъ тогда называли), кабинетомъ и таинственною канцеляріей, гдѣ составлялись нерѣдко противорѣчащія депеши—то оно касалось только вопроса относительно мѣропріятій. Съ одной стороны, упорствовалъ взглядъ на Россію, какъ на варварскую страну, съ которой невозможно какое-либо соглашеніе и которую слѣдовало бы втиснуть въ Азію; съ другой—склонны были смотрѣть на страшную имперію, созданную Петромъ Великимъ, какъ на союзницу, если и не очень желательную, то все же возможную и по меньшей мѣрѣ необходимую въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ; могуще-

ственную во всѣхъ отношеніяхъ, съ которой надо считаться и которой надлежало сдѣлать кое-какія уступки, даже на берегахъ Вислы. Но при обоихъ взглядахъ одинаково желали ограничить эти уступки.

Прошло болѣе одного столѣтія, прежде чѣмъ цѣною цѣлаго ряда жестокихъ заблужденій бесплодныхъ усилій, бѣдствій раздѣленныхъ—увы! — этими несчастными кліентами, которыми не хотѣли пожертвовать и все-таки пожертвовали для общихъ иллюзій, выяснился, наконецъ, главный недостатокъ такого пониманія вещей и подобной программы. Между тѣмъ упорствовали въ необыкновенномъ рѣшеніи покровительствовать полякамъ, шведамъ, туркамъ противъ русскихъ, вступая въ союзъ все-таки съ той же Россіей, что же касалось графа Брогли, то онъ, послѣ долгаго пребыванія въ Польшѣ, сталъ смѣшивать интересы Франціи не только съ интересами Польши, но даже съ интересами одной изъ партій, дѣйствовавшихъ въ республикѣ, а именно эта партія и воевала съ русскимъ вліяніемъ и съ могущественною «фамиліей» Чарторыйскихъ, которые хотѣли дать восторжествовать этому вліянію, а вмѣстѣ съ нимъ восторжествовать и самимъ. Изъ этого произошло то, что королевскій посолъ въ Варшавѣ получилъ въ октябрѣ заразъ officialный и секретный указъ, настаивающій на отозваніи Понятовскаго, и онъ горячо взялся за это. Въ ноябрѣ дѣло было сдѣлано. Бриль уступилъ. «Ударъ направленъ»,—писалъ маркизъ Опиталь Аббату Бернсу— «надо его удержать». Но онъ прибавилъ, что все совершилось слишкомъ быстро и внезапно.

«Это повлечетъ за собой сильное неудовольствіе канцлера Бестужева и злопамятство великой княгини и великаго князя. Я не могу удержаться, чтобы не повѣрить вамъ, что по моему мнѣнію графъ Брогли вложилъ во все это слишкомъ много горячности и страстности. Онъ удовлетворилъ свой долгъ чести по отношенію къ своей партіи (sic) сдѣлавъ эту непріятность Понятовскому и Чарторыйскимъ». Вообще Опиталь находилъ, что графъ Брогли, привыкши первенствовать, обращался слишкомъ гордо со своимъ коллегой и поступалъ съ нимъ скорѣе какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, а не какъ посланникъ. Этотъ властный дипломатъ позволялъ себѣ также шутки, которыя его коллега считалъ совершенно неумѣстными. Онъ писалъ Д'Эону: «Вы, быть можетъ, удивитесь отозваніемъ Понятовскаго; пришлите его намъ скорѣе. Мое невыразимое желаніе—увидѣть его снова и поздравить съ успѣхомъ его переговоровъ». Но Поня-

товскій не уѣзжалъ. Онъ сдѣлался больнымъ, откладывая такимъ образомъ съ недѣли на недѣлю и съ мѣсяца на мѣсяць свой отъѣздъ.

Тѣмъ временемъ произошло событіе, которое совершенно измѣнило положеніе дѣлъ и позицій противниковъ на полѣ битвы Европы. Франція, которая наканунѣ могла говорить если и не повелительно, то все же имѣла шансы быть почтительно выслушанной какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Варшавѣ, вынуждена была вскорѣ понизить тонъ. Это событіе называется «Росбахъ» (5 ноября 1757 года). Версальскому кабинету нечего было и думать навязывать свои желанія. Великая княгиня рѣшительно дала почувствовать канцлеру Бестужеву свою власть. Этотъ посланъ на приказанія перваго министра короля польскаго, настаивающаго на отозваніи Понятовскаго. «Первый министръ готовъ лишиться куска хлѣба, чтобы сдѣлать вамъ пріятное» — возразила она рѣзко. Когда Бестужевъ высказался за необходимость беречь свою собственную должность, она, не колебаясь, отвѣтила:

«Никто васъ не тронетъ, если вы будете дѣлать то, что я хочу!» Ясно, что съ высокимъ понятіемъ о перевѣсѣ Россіи, пріобрѣтенномъ цѣной паденія Франціи, явилось у будущей императрицы и не менѣе высокое мнѣніе о своемъ собственномъ достоинствѣ. Это также было слѣдствіемъ Росбаха. И событіе взялось оправдать эту двойную оцѣнку. Бриль, саксонскій министръ, дѣйствительно лишился мѣста изъ-за уголивости канцлеру всея Россіи.

Понятовскій получилъ приказъ оставаться на своемъ посту — и дѣла приняли свое обычное теченіе. Только маркизь Опиталь отказался разъ навсегда отъ своихъ безсильныхъ попытокъ приспособляться къ положенію вещей, надъ которыми онъ не имѣлъ никакой власти. Онъ не пытался итти противъ теченія, а смотрѣлъ только «какъ текла вода». Онъ не искалъ даже поддержать какія-либо сношенія съ «молодымъ Дворомъ», который сравнивалъ съ маленькимъ бурнымъ моремъ, полнымъ подводныхъ камней. Самъ Понятовскій черезъ полгода постарался дать графу Брогли удовлетвореніе, на которое тотъ уже отчаивался рассчитывать. Послѣ того, что произошло съ Понятовскимъ, ему было довольно трудно заставить понять, что его дальнѣйшее пребываніе въ Петербургѣ невозможно; но и этого онъ достигъ.

Приключеніе было рассказано различно; мы будемъ держаться разсказа главнаго героя, который съ нѣкоторыми подробностями подтвержденъ свидѣтельствомъ самого маркиза Опиталья.

Великій князь не рѣшилъ еще окончательно относительно пребыванія польскаго дипломата въ Россіи и его связи, которую онъ тамъ имѣлъ. Правда, что онъ былъ поглощенъ новою страстью: Елизавета Воронцова, послѣдняя изъ его любовницъ, только что выступала на сцену. Вмѣшательство съ его стороны было весьма возможной, если не вѣроятной случайностью. Оно произошло въ іюль 1758 г.

Выходя рано утромъ изъ Ораніенбаумскаго дворца, Понятовскій былъ арестованъ кавалерійскимъ пикетомъ, котораго Петръ держалъ вокругъ своей резиденціи, какъ въ военное время. Понятовскій былъ переряженъ. Его безъ церемоніи схватили за шиворотъ и привели къ великому князю. Петръ настаивалъ, чтобы ему сказали правду, которая казалось, мало беспокоила бы его сама по себѣ. Онъ увѣрялъ, что «все можетъ устроиться» съ условіемъ, если ему все расскажутъ, что произошло. Молчаніе, къ которому прибѣгъ арестованный, вывело Петра изъ себя. Онъ заключилъ, что этотъ ночной посѣтитель приходилъ лично для него и считалъ или дѣлалъ видъ, что считаетъ свою жизнь въ опасности, и, если бы одинъ соотечественникъ, находившійся въ свитѣ короля Саксонскаго и недавно прибывшій въ Петербургъ, не нашелся, обнаруживъ присутствіе духа — Понятовскій рисковалъ бы дорогой цѣной поплатиться за свою неосторожность. Все же великій князь въ теченіе нѣсколькихъ дней не переставалъ поговаривать о наказаніи иностранца, пытавшагося обмануть бдительность его аванъ-постовъ. Онъ довелъ до того, что испуганная Екатерина рѣшилась на большую жертву. Елизавета Воронцова получила отъ нея такія заискиванія и любезности, о которыхъ никогда не смѣла и помышлять. Понятовскій со своей стороны усердствовалъ передъ фавориткой и умолялъ.

«Вамъ такъ легко осчастливить всѣхъ», — прошепталъ онъ ей вскользь на куртагѣ.

Елизавета не требовала большаго. Въ тотъ же день, переговоривъ съ великимъ княземъ, она неожиданно ввела Понятовскаго въ комнату Его Высочества. «Ну не дуракъ ли ты!» воскликнулъ Петръ, увидавъ его, «зачѣмъ раньше не выбралъ меня въ повѣренныя». Онъ смѣясь объяснилъ ему, что никоимъ образомъ не думаетъ о ревности. Предосторожности, принятія вокругъ Ораніенбаумскаго дворца, существовали лишь для обезпеченія его безопасности. Въ эту минуту Понятовскій вспоминаетъ, что онъ дипломатъ и разсыпается въ похвалахъ военнымъ силамъ Его Высочества, ловкость которыхъ онъ испыталъ на

самомъ себѣ. Хорошее расположеніе духа великаго князя усиливается.

«Такъ какъ мы теперь друзья, то недостаетъ еще кой-кого».

«Съ этими словами,—разсказываетъ Понятовскій (мы приводимъ дословный соотвѣтствующій отрывокъ изъ «записокъ») — онъ идетъ въ комнату своей жены, вынимаетъ ее изъ кровати, не даетъ времени надѣть ни чулки, ни башмаки, позволяетъ накинуть халатъ безъ юбокъ и въ такомъ видѣ приводитъ къ намъ, говоря ей, указывая на меня: Ну вотъ онъ; надѣюсь, что останутся довольны мною».

Ужинъ прошелъ очень весело и всѣ разошлись только въ 4 часа утра. По просьбѣ влюбленныхъ Елизавета Воронцова довела свое усердіе до того, что пыталась самолично убѣдить Бестужева, что присутствіе Понятовскаго въ Петербургѣ перестало быть неприятнымъ великому князю. Пиръ возобновлялись каждый день въ теченіе нѣсколькихъ недѣль и удивительная семейка «въ четверомъ» провела наисчастливейшіе часы въ своей жизни.

«Я часто пріѣзжалъ въ Ораніенбаумъ», пишетъ дальше Понятовскій — «приходилъ вечеромъ по потайной лѣстницѣ въ покой великой княгини и находилъ тамъ великаго князя съ его любовницей; мы ужинали вмѣстѣ, затѣмъ великій князь уводилъ свою любовницу, говоря намъ: «Итакъ, мои дѣти, теперь я вамъ больше не нуженъ»,—и я оставался, сколько хотѣлъ».

Но слухъ объ этомъ происшествіи распространился при Дворѣ; и какъ бы часто не глядѣли сквозь пальцы на такія вещи,—онъ произвелъ скандалъ. Маркизь Опиталь тотчасъ же счелъ своимъ долгомъ воспользоваться имъ, чтобы возобновить свои настоянія на счетъ отдаленія Понятовскаго. На этотъ разъ онъ выигралъ дѣло. Понятовскій долженъ былъ уѣхать. Елизавета поняла, что пустили въ ходъ репутацію ея племянника и наследника.

Два года спустя барону Бретейлю поручено было уничтожить всякое впечатлѣніе, произведенное на Екатерину такой тяжелой развязкой. Ему удалось это наполовину. Соединяя въ себѣ обязанность представителя официальной политики съ обязанностью тайнаго агента секретной политики, онъ вынужденъ былъ играть двойную роль, и, усиленно увѣряя великую княгиню, что Его Высочество, будучи большимъ христіаниномъ, не только не воспрепятствуетъ возвращенію графа Понятовскаго въ Петербургъ, но будетъ содѣйствовать успѣху тѣхъ мѣръ, которыя примутся

для убѣжденія польскаго короля снова вручить Понятовскому свои дѣла». Кромѣ этого онъ долженъ былъ также «не шокируя открыто чувствъ великой княгини, избѣгать готовности исполнять ея желанія».

Нелѣпная двойственность, къ которой прибѣгалъ французскій король, краснорѣчиво высказалась въ этой комедіи. Екатерина не была ею одурачена. Когда Бретейль не безъ труда добился частнаго разговора съ великой княгиней, ему пришлось выслушать отъ нея нѣсколько лести. «Меня воспитывали въ любви къ французамъ»,—сказала она ему—«я долго оказывала имъ предпочтеніе; ваши услуги должны мнѣ вернуть это чувство».—«Я хотѣлъ бы»,—писалъ баронъ послѣ этого свиданія,—«передать весь этотъ тонъ, всю ловкость и страстность, которая великая княгиня вложила въ этотъ разговоръ, но»—прибавилъ онъ меланхолично—«быть можетъ все это означаетъ и будетъ означать всегда лишь протестъ страсти передъ препятствіемъ».

Онъ былъ правъ. Понятовскому суждено было вернуться въ Петербургъ спустя лишь тридцать пять лѣтъ развѣнчаннымъ королемъ. Вскорѣ, поглощенная другими заботами, разсѣивающаяся другими «амурами» Екатерина сама перестала интересоваться успѣхами происковъ Бретейля и другихъ по этому предмету, но ферментъ тайнаго озлобленія противъ Франціи упорно производилъ броженіе въ ея душѣ; хотя и отказавшись видѣть своего поляка, она все же не переставала думать о немъ. Должно сознаться, что вѣрность, точнѣе нѣкоторая доля вѣрности, минутами довольно странная была, заложены въ ея натурѣ. Такъ какъ она соединяла политику съ любовью, то должна была вести свои сердечныя дѣла «въ ногу» съ другими дѣлами. Она даже умѣла иногда,—невсегда, конечно—вкладывать въ нихъ послѣдовательность и постоянство. Такимъ образомъ, мѣняя часто любовниковъ, она кончала тѣмъ, что начинала любить ихъ, несмотря на проходящее увлеченіе сердца и чувственности. Она любила ихъ тогда по-другому, спокойнѣе, *невозмутимо*, какъ говорилъ позднѣе графъ Линь. Правда, есть доля нахальства и даже немного цинизма въ рескриптѣ, данномъ своему посланнику въ Варшавѣ 1763 г. Приказывая ему высказаться за кандидатуру будущаго короля польскаго, она писала, что тотъ «во время своего пребыванія въ Петербургѣ оказалъ своему отечеству болѣе услугъ, чѣмъ какой-либо министръ республики». ¹⁾

1) Сборникъ Историческаго Общества XLVIII, 322.

Она примѣшивала нѣкоторую долю нѣжности къ мудрой предусмотрительности въ предпринимаемыхъ мѣрахъ для уплаты всѣхъ долговъ этого страннаго кандидата. Въ 1765 г. предполагаемый бракъ ея съ избранникомъ польскаго народа, соединившій такимъ образомъ оба государства, былъ всеобщимъ мнѣніемъ, т. ч. Екатерина должна была прибѣгнуть къ своей находчивости, чтобы успокоить сосѣдей, склонныхъ на волненіе. Она писала Обрѣзкову, своему посланнику въ Константинополь, приказывая ему сообщить Порту извѣстіе о воображаемыхъ переговорахъ, сдѣланныхъ Понятовскимъ въ виду брака его съ одной изъ представительницъ знатнѣйшихъ фамилій въ Польшѣ. Ея сердце интересуется все менѣе и менѣе романомъ, затянувшимся такимъ образомъ, несмотря на разстояніе времени и мѣста, не безъ того, однако, чтобы она не перестала интересоваться имъ своимъ умомъ и честолюбіемъ. Она приказала немедленно графу Кайзерлингу и князю Рѣпнину, своимъ представителямъ въ Польшѣ, сдѣлать такъ, чтобы тотчасъ же послѣ своего избранія, Понятовскій дѣйствительно женился бы на полькѣ или хотя бы выказалъ къ этому намѣреніе. Быть можетъ это сдѣлано, чтобы успокоить Порту, а также поставить непреодолимую стѣну между прошлымъ и будущимъ. Увы! недалекое будущее избавило ее отъ этой заботы и вырыло на мѣстѣ преграды бездонную пропасть. Вотъ что Понятовскій, сдѣлавшись королемъ, писалъ два года спустя своему представителю въ Петербургѣ графу Ржевскому.

«Послѣднія приказанія Рѣпнину ввести диссидентовъ даже въ законодательныя учрежденія — настоящій ударъ грома для страны и лично для меня.

«Если еще возможно, докажите императрицѣ, что корона, которую она на меня надѣла, будетъ для меня хитомомъ Несса; она сожжетъ меня, и мой конецъ будетъ ужасенъ».

Прежній любовникъ становится съ этой минуты лишь исполнителемъ ея гордой воли въ полузавоеванной странѣ. Она возразила ему собственноручной ногой, потомъ предложила этому импровизованному королю, непрочному созданію ея рукъ, оставить Рѣпнина исполнять свою обязанность, или же у императрицы останется лишь постоянное сожалѣніе о томъ, что она могла ошибиться въ дружбѣ короля, въ его образѣ мыслей и чувствъ. И когда Понятовскій все еще упорствовалъ, она отослала ему слѣдующее послѣднее зловѣщее предостереженіе, гдѣ чувствуются уже грубыя объятія Сальдерновъ, Древичей и Су-

воровыхъ—будущихъ гасильниковъ послѣднихъ протестовъ національности.

«Мнѣ остается только предоставить ходъ этого дѣла самому себѣ. Я закрываю глаза на послѣдствія, польщенная, однако, тѣмъ, что Ваше Величество не могло оставаться равнодушнымъ къ тому, что я сдѣлала для него и для его народа, что не получила упрека въ томъ, что я искала въ Польшѣ предлогъ поднять свое оружіе; но оно никогда не будетъ направлено противъ того... — здѣсь перо императрицы остановилось; она написала было: ...тѣхъ, кого я люблю... но зачеркнула эту фразу, а поставила: ...противъ тѣхъ, кому я желаю добра». Затѣмъ она закончила слѣдующей фразой, гдѣ высказалась вся ея мысль, оглушительная для несчастнаго Понятовскаго, какъ громъ барабана передъ боевымъ огнемъ: «какъ не удержу его, если буду увѣрена, что дѣйствіе его будетъ полезно».

Мы мелькомъ коснемся воспоминанія этой связи, обреченной на такой необыкновенный и трагическій конецъ; она скорѣе имѣла мѣсто не въ жизни Екатерины, а въ жизни несчастнаго народа, осужденнаго сыграть роль искупительной жертвы. Рискнувъ своей репутаціей, не опасаясь быть скомпрометированной, и своимъ вліяніемъ, оставшимся нетронутымъ, Екатерина извлекла изъ всего этого громадную выгоду. Можно было сказать, что Польша умерла изъ-за нея, если бы народы не имѣли причинъ болѣе глубокихъ для жизни и смерти. Намъ слѣдуетъ вернуться теперь къ той эпохѣ, гдѣ протекали и окончились счастливые дни любовной авантюры и къ той странной средѣ, похожей на тюрьму-гауптвахту — веселый домъ, который такъ скромно скрывалъ эту тайну.

III.

Связанная политически съ Вильямсомъ и Бестужевымъ, любовью и политически съ Понятовскимъ, Екатерина—уже не затворница, которую мы знали надзираемой полицейскими переодѣтыми въ придворныхъ офицеровъ, страдающей отъ дурного обращенія своего мужа и терроризованной Елизаветой. Агенты канцлера были одинъ за другимъ усмирены ею и онъ самъ кончилъ той же участью. Одинъ Петръ остается все тѣмъ же грубымъ, сумасброднымъ и невыносимымъ, какимъ былъ всегда. «Скотина, полная причудъ съ примѣсю безумія», по выраженію Сентъ-Бѣва. Ему случается иногда быть даже гнуснымъ. Частенько онъ ложится въ постель мертвецки пьянымъ и, икая, говоритъ своей

женѣ о своемъ любимомъ предметѣ, т.-е. о любви къ горбатой принцессѣ Курляндской и къ попорченной оспой фрейлинѣ Воронцовой. Если Екатерина притворялась спящей, то онъ кулакомъ въ бокъ и пинкомъ ноги заставлялъ ее проснуться и такъ до тѣхъ поръ пока сонъ окончательно не завладѣвалъ имъ самимъ. Онъ почти всегда пьянъ и постепенно превращался въ безумнаго.

Въ 1758 году Екатерина рождаетъ дочь, царевну Анну, отцомъ которой считали Понятовскаго. Въ то время, когда она почувствовала родовыя муки, въ два съ половиною часа утра, извѣщенный объ этомъ Петръ является одѣтый въ свой голштинскій мундиръ, въ ботфортахъ со шпорами, лентой черезъ плечо и съ огромной шпагой на боку. Когда Екатерина спросила его, что означаетъ этотъ нарядъ, онъ отвѣтилъ, что «истинные друзья познаются только въ бѣдѣ, что въ этомъ костюмѣ онъ готовъ исполнить свой долгъ, что долгъ голштинскаго офицера, присягнувшаго великокняжескому дому—защищать его отъ враговъ и т. к. онъ считалъ свою жену въ опасности, то пришелъ ей на помощь». Онъ съ трудомъ держался на ногахъ...

Однако иногда, какъ мы видѣли, онъ становился любезнѣе съ Екатериной, благодаря скоропроходящему расположенію духа и случайнымъ любезностямъ, которыя онъ преувеличивалъ изъ-за каприза своей сумасбродной натуры, изъ чего его жена извлекала себѣ выгоду. Отчасти онъ начиналъ мало-по-малу испытывать на себѣ, какъ и другіе, влияніе если и не очарованія великой княгини, то ея ума и характера. Ему часто случалось убѣждаться въ разумности ея совѣтовъ и справедливости взглядовъ. Онъ привыкъ прибѣгать къ ней во всѣхъ своихъ затрудненіяхъ и въ его затуманенномъ умѣ мало-по-малу утверждается мысль о ея превосходствѣ, которое въ одинъ прекрасный день такъ ужасно дало ему себя почувствовать.

Въ роковой моментъ эта укоренившаяся мысль парализовала его способности къ самозащитѣ.

«Великій князь,—пишетъ Екатерина въ своихъ «запискахъ»,—называлъ меня «госпожа помощь» и какъ бы онъ ни былъ на меня сердитъ, какъ бы ни дулся—но если случалась съ нимъ какая непріятность—онъ бѣжалъ ко мнѣ со всѣхъ ногъ, чтобы заручиться моимъ совѣтомъ, и какъ только получалъ его—такъ же стремительно убѣгалъ».

Что касается Елизаветы, то отъ нея осталась только одна тѣнь. Истощенная ненормальною жизнью, преслѣдуемая вообра-

жаемыми ужасами, доводящими ее до того, что она не могла проспать и двухъ ночей въ одной и той же комнатѣ,—она заставила искать по всѣмъ закоулкамъ государства человѣка, одареннаго необычайною крѣпостью, бороться со сномъ, чтобы бодрствовать у ея кровати, никогда не засыпая.

«Эта государыня,—извѣщаетъ маркизь Опиталь, — 6 января 1759 года впала въ крайнее суевѣріе: она цѣлыми часами стоитъ передъ иконою, которую особенно чтить, говоритъ, совѣтуется съ ней; ѣдетъ потомъ въ оперу въ 11 часовъ, ужинаетъ въ часъ и ложится спать въ пять часовъ. Графъ И. Шуваловъ—первое лицо. Его семейство окружило Елизавету и всѣ дѣла преданы волѣ Божіей. Этотъ новый фаворитъ, И. Шуваловъ, не боится навлечь на себя гнѣвъ и ревность императрицы, на ея глазахъ такъ усердно ухаживая за великой княгиней, что начинаетъ привлекать всеобщее вниманіе». «Онъ не отказался бы отъ этой «двойной должности»,—увѣряетъ баронъ Брейтель,—какъ бы опасна она ни была». «Такъ же, начиная съ 1757 г., маркизь Опиталь ужасается, видя какъ молодой Дворъ (т.-е. Екатерина, говоря политическимъ языкомъ), открыто идетъ наперекоръ императрицѣ, устраиваетъ партію, интриги... Увѣряютъ, что императрица отказалась обижаться на это и дала имъ волю».

Въ ту же эпоху въ разговорѣ съ королевскимъ посломъ, въ которомъ принимали участіе всѣ иностранные министры, великая княгиня, упоминая о своемъ пристрастіи къ верховой ѣздѣ, воскликнула: «нѣтъ ни одной женщины смѣлѣе меня; я полна необузданной отваги!»

Д'Эонъ, видѣвшій ее въ ту минуту, описывалъ ее такъ: Великая княгиня пылкая, страстная, романтическая натура; у нея блестящіе зачаровывающіе глаза,—глаза дикаго животнаго; лобъ высокій, и, если не ошибаюсь, на немъ начертано долгое и страшное будущее.

Она предупредительна, привѣтлива, но когда подходитъ ко мнѣ, я безотчетнымъ движеніемъ отступаю назадъ: она наводитъ на меня страхъ».

Она заставляла дѣйствительно бояться себя. Она привлекаетъ къ себѣ постепенно разрастающійся кругъ лицъ, дѣлающихся рабами ея воли, честолюбія, наконецъ ея страстей, разгоравшихся съ каждымъ днемъ. Итакъ, теперь она главенствуетъ не въ одной только политикѣ, и если съ одной стороны молодой Дворъ походилъ на «бурное море», какъ выражался маркизь Опиталь, то баронъ Брейтель, съ другой стороны, открываетъ въ

немъ сходство съ «паркомъ оленей». Вообще развращенность нравовъ была обычнымъ явленіемъ въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы. Въ мартѣ 1755 года саксонскій рецензентъ, Функэ, дѣлаетъ отчетъ о представленіи въ императорскомъ театрѣ русской оперы «Цефаль и Прокриса». Елизавета присутствуетъ на спектаклѣ, какъ и великій князь и весь Дворъ. Именно дворъ-то со своими испорченными нравами и изображался на сценѣ цѣлымъ рядомъ картинъ такого отвратительнаго реализма, что благородный Функэ былъ вынужденъ болѣе не упоминать о такой гнусности.

Къ этому же году относится слѣдующій эпизодъ изъ записокъ Екатерины, который открывалъ новый уголокъ ея интимной жизни. Это ночныя отлучки, превращающія надзоръ, все еще производившійся надъ ея особой, въ простую иллюзію. Левъ Нарышкинъ, вѣрный своимъ шутовскимъ наклонностямъ, взялъ въ привычку мяукать по-кошачьи у дверей великой княгини, чтобы увѣдомить ее о своемъ присутствіи и попросить позволенія войти. Однажды ночью онъ издалъ условный звукъ въ то время, когда Екатерина ложилась въ постель. Когда его впустили, онъ предложилъ ей итти навѣстить жену его старшаго брата, Анну Никитишну, которая заболѣла. «Когда?» — «Сегодня ночью». — «Вы съ ума сошли!» — «Нѣтъ моя голова здорова, и это очень легко». Затѣмъ онъ сталъ излагать ей свой планъ и предусмотрѣнные предосторожности: они пройдутъ черезъ покой великаго князя, который ничего не будетъ знать, ужиная съ нѣсколькими любезными прихлебателями и прихлебательницами, если не лежитъ уже подъ столомъ. Здѣсь нѣтъ никакого риска. Онъ такъ хорошо убѣдилъ Екатерину, что та болѣе не колебалась. Она даетъ Владиславовой раздѣть себя и уложить и въ то же время приказываетъ калмыку, бывшему при ней и приученному ею къ слѣпому повиновенію, приготовить мужской костюмъ. Когда Владиславова была отослана, она встаетъ—и удаляется подъ руку съ Нарышкинымъ. Они являются безпрепятственно къ Аннѣ Никитишнѣ, которую находятъ въ добромъ здоровьѣ и въ веселой компаніи. Прекрасно проводятъ время и общаются повторить его и, дѣйствительно, возобновляютъ. Понятовскій, конечно, тамъ же. Иногда возвращаются пѣшкомъ по глухимъ улицамъ Петербурга. Когда зима повернула на морозъ, придумали способъ возобновлять эти удовольствія, не подвергая великую княгиню дѣйствию этихъ холодныхъ ночей, и веселая компанія переселялась въ ея спальню, всегда про-

ходя черезъ аппартаменты великаго князя, который не сдѣлался проницательнѣе.

Послѣ своихъ вторичныхъ родовъ, Екатеринѣ было недостаточно однихъ ночей; она устраивается такъ, что принимаетъ и днемъ когда и кого ей заблагоразсудится. Она, какъ помнится, во время своей первой беременности страдала отъ холода; пользуясь этимъ предлогомъ, Екатерина устраиваетъ за своей постелью посредствомъ переборокъ экранъ, нѣчто въ родѣ интимнаго уголка, благодаря которому, увѣряла она, нашла защиту отъ сквознаго вѣтра. Когда входившіе въ ея комнату и непосвященные въ тайну этого уединеннаго мѣста спрашивали, что она тамъ скрываетъ, она отвѣчала: с удно.

Между тѣмъ Екатерина часто давала тамъ пріютъ избраннымъ посѣтителемъ, какъ-то Льву Нарышкину или графу Понятовскому. Этотъ приходилъ и уходилъ въ нахлобученномъ бѣлокурномъ парикѣ, дѣлавшимъ его неузнаваемымъ, и если его останавливали по дорогѣ и спрашивали: кто идетъ? Онъ отвѣчалъ: «Музыкантъ великаго князя». «Кабинетъ», плодъ изобрѣтательной фантазіи Екатерины такъ искусно былъ устроенъ, что Екатерина могла, не покидая своей постели, сноситься съ тѣми, кто тамъ находился, или, опустивъ одну изъ своихъ драпировокъ, могла скрыть ихъ отъ посторонняго глаза. Такъ разъ, имѣя за этой занавѣской графа Понятовскаго, обоихъ Нарышкиныхъ, Сенявина, Измайлова, и нѣкоторыхъ другихъ, она приняла Петра Шувалова, который явился къ ней отъ имени императрицы и ушелъ убѣжденнымъ, что засталъ великую княгиню одну. Когда Шуваловъ ушелъ, Екатерина, объявивъ себя страшно голодной, велѣла принести себѣ шесть блюдъ и, отославъ прислугу, угощала ужиномъ своихъ друзей. Затѣмъ снова опустила занавѣсъ и позвала прислугу, чтобы дать ей унести пустыя блюда, потѣшаясь ихъ изумленіемъ предъ такой необычной прожорливостью.

Безъ сомнѣнія, ни одна изъ ея фрейлинъ не участвовала въ такихъ удалствахъ. И онѣ хорошо дѣлали, что не беспокоили себя такимъ образомъ, такъ какъ и у нихъ не было недостатка въ денныхъ и ночныхъ визитерахъ. Чтобы достигнуть ихъ аппартаментовъ—правда, нужно было, проходить черезъ комнату ихъ надзирательницы мадамъ Шмидъ или принцессы Курляндской—ихъ почетной директриссы. Но мадамъ Шмидъ болѣла почти каждую ночь несвареніемъ желудка, который разстраивала днемъ, и оставляла поэтому обыкновенно свою комнату пустой; что же касается принцессы Курляндской, то достаточно

было быть красивымъ мужчиной и заплатить мимоходомъ дань и ей. Мы уже видѣли, какъ обстояло дѣло съ великимъ княземъ. Однако, при извѣстїи о новой беременности жены Петръ сдѣлалъ знакъ неудовольствїя. Онъ не помнилъ себя виновникомъ этого событія. «Богъ знаетъ, откуда она ихъ беретъ!—ворчалъ онъ за столомъ, полнымъ гостей.—«Я не знаю, мой ли это ребенокъ и долженъ ли я принять его на свой счетъ».

Нарышкинъ, бывъ въ числѣ присутствовавшихъ, успѣшилъ передать эти слова Екатеринѣ. Та и не показала вида, что испугалась. «Вы совершенно какъ дѣти», сказала она, пожимая плечами. «Пойдите къ нему, говорите во всеуслышанїе и требуйте отъ него клятвеннаго увѣренїя въ томъ, что онъ не спалъ уже четыре мѣсяца со своей женой. Послѣ чего вы изъявите готовность передать этотъ фактъ графу Александру Шувалову, великому инквизитору имперїи». Она назвала такъ начальника страшной тайной канцелярїи, которая была замѣнена потомъ знаменитымъ 3-мъ отдѣленїемъ. Левъ Нарышкинъ усердно исполнилъ порученїе: «Убирайтесь къ чорту!» отвѣчалъ ему, великій князь, чувствуя свою совѣсть неспокойной. Несмотря на такую самоувѣренность, которую Екатерина выказала при этомъ случаѣ, инцидентъ не переставалъ однако беспокоить ее. Она видитъ въ этомъ какъ бы предостереженїе и какъ бы начало враждебности въ окончательной борьбѣ, къ которой она стала готовиться съ нѣкоторыхъ поръ, побуждаемая наплывомъ развигравшихся аппетитовъ, удовольствїй и власти, которые обуревали ее. Но она принимаетъ вызовъ. Въ это же время, если вѣрится ей, она рѣшается слушаться *«независимаго голоса»*, и можно угадать къ какому результату приведуть эти простые слова. Паденїе и агонїя Пѣтра III въ мрачномъ дворцѣ въ Ропшѣ находились на концѣ того пути, который она избрала¹⁾.

1) Здѣсь мы пропускаемъ цѣлую часть, имѣющую своимъ предметомъ Переворотъ 1762 года, такъ какъ это событіе описано такими историками, какъ Рюльеръ и Бильбасовъ, и въ такихъ документахъ, какъ письма Петра, Орлова, которыми Валишевскій не могъ располагать. Эта книга уже есть у нашихъ читателей.

П о б ѣ д а.

Возвратившись въ Ораніенбаумъ, нашли еще новое извѣстіе, совершенно неожиданное: императрица покинула Петербургъ и во главѣ своихъ войскъ шла навстрѣчу Петру и голштинцамъ.

То было триумфальное шествіе. Верхомъ на конѣ, въ мундирѣ, взятомъ у одного офицера Семеновскаго полка, Екатерина предшествовала своимъ полкамъ. Лавровый вѣнокъ украшалъ ея шапку, опушенную соболемъ, и ея длинные волосы развѣвались по вѣтру. Рядомъ съ ней, одѣтая въ такой же мундиръ гарцовала княгиня Дашкова. Солдаты были въ восторгѣ. По общему согласію они сбросили съ себя и разорвали или продали старьевщикамъ мундиры Петра III и надѣли свою прежнюю боевую амуницію, которую Петръ I вывезъ изъ Германіи, считавшуюся потомъ за національную. Они горѣли нетерпѣніемъ помѣриться силами съ голштинцами, но не получили этого удовлетворенія; послѣ ночного похода, въ пять часовъ утра къ нимъ явился парламентаръ Петра, князь Александръ Голицынъ. Императоръ предлагалъ императрицѣ раздѣлъ власти. Екатерина пренебрегла этимъ предложеніемъ и не отвѣтила. Черезъ часъ она получила отъ своего мужа актъ отреченія отъ престола. Она остановилась въ Петергофѣ, куда былъ привезенъ и Петръ. Панинъ, которому поручено было объявить Петру послѣднюю волю государыни относительно его особы, нашелъ его въ плачевномъ состояніи. Петръ пытался поцѣловать у него руку, умоляя позволить ему не разставаться съ его любовницей. Онъ плакалъ, какъ наказанный ребенокъ. Фаворитка Петра ползала на колѣняхъ передъ посланнымъ Екатерины, она тоже просила позволенія не покидать своего любовника. Но все-таки ихъ разлучили. Воронцова была отослана въ Москву, Петръ получилъ для временнаго мѣстопробыванія домикъ въ Ропшѣ... «Мѣстность уединенная, но весьма пріятная», увѣряетъ Екатерина— въ тридцати

километрахъ отъ Петергофа, въ ожиданіи, когда ему пригото-
вятъ подходящее помѣщеніе въ Шлиссельбургской крѣпости,
этой русской Бастиліи.

На слѣдующее утро, 14 іюля, Екатерина торжественно со-
вершала свой вѣздъ въ Петербургъ. Ея пребываніе въ Петер-
гофѣ продолжалось, такимъ образомъ, не болѣе нѣсколькихъ
часовъ. Однако, тамъ произошло еще кое-что, кромѣ окончатель-
наго провала Петра III. Княгиня Дашкова сдѣлала тамъ неожиданное
открытіе, о которомъ она съ печалью вспоминаетъ въ
своихъ мемуарахъ; и эта неожиданность, поразившая ее такъ
сильно, доказываетъ, что Дашкова была слишкомъ наивна для
организатора заговора.

Войдя въ салонъ императрицы въ обѣденный часъ, она уви-
дѣла тамъ человѣка, растянушагося во всю длину на диванѣ.
Это былъ Григорій Орловъ. Передъ нимъ лежала кipa конвер-
товъ, которые онъ лѣниво собирался распечатывать.

«Что вы хотите дѣлать!»—вскричала княгиня; она узнала по
оберткѣ, что это были документы, присланные изъ государствен-
ной канцеляріи, которые она часто видала у своего дяди. «Вѣдь
это государственныя бумаги; никто не имѣетъ права дотроги-
ваться до нихъ, кромѣ императрицы и лицъ, специально назна-
ченныхъ для этого».

— Именно такъ,—возразилъ Орловъ, не мѣняя своего поло-
женія, и съ тѣмъ же видомъ пренебрежительнаго равнодушія:—
она велѣла мнѣ пересмотрѣть ихъ.

Ему казалось, очень наскучила его работа, и онъ рѣшился
отдѣлаться отъ нея какъ-нибудь. Княгиня была поражена. Ея
удивленіе этимъ не окончилось. На другомъ концѣ салона былъ
сервированъ столъ на три куверта. Явилась императрица и при-
гласила свою подругу сѣсть съ нею за столъ. Третье мѣсто было
предназначено молодому лейтенанту. Но тотъ не двигался съ
мѣста. Тогда императрица приказала перенести столъ къ дива-
ну. Она и княгиня сѣли напротивъ молодого человѣка, кото-
рый оставался лежать. Онъ, кажется, былъ раненъ въ ногу.
Такъ обнаруживалось то положеніе, которое онъ начиналъ за-
нимать возлѣ новой государыни. Это было начало фаворитизма.

Еще нѣкоторыя испытанія ожидали въ Петербургѣ Екатери-
ну. Въ ту же ночь, послѣ ея возвращенія, произошло сильное
волненіе вокругъ дворца. Солдаты Измайловскаго полка поки-
нули свои помѣщенія и требовали видѣть царицу, чтобы убѣ-
диться, что ее у нихъ не отняли. Она вынуждена была встать

съ кровати, надѣтъ опять свой мундиръ и итти ихъ успокоить.

«Я не хочу и не могу,—пишетъ она нѣсколько мѣсяцевъ спустя Понятовскому—говорить вамъ о всѣхъ препятствіяхъ, которыя мѣшаютъ вамъ пріѣхать сюда. Мое положеніе таково, что мнѣ приходится многое оберегать, и что послѣдній солдатъ, глядя на меня, говоритъ себѣ: «Вотъ дѣло моихъ рукъ». Письма, написанныя вами, наводятъ на меня смертельный страхъ».

Все же она удивительно справлялась съ затрудненіями и опасностями. Она не выказала во время приготовленія, а потомъ исполненія государственнаго переворота — тѣхъ качествъ, которыя желательно было бы видѣть у главы этого событія: ни большой предусмотрительности, ни большой ловкости; но, зато сколько отваги, хладнокровія, ума и въ особенности искусства рисоваться! Таковы были средства дѣйствовать, которыми она располагала и потомъ. Всѣ очевидцы событія, имѣвшаго мѣсто въ Петербургѣ, единодушно превозносили ея спокойствіе, ласковый и вмѣстѣ съ тѣмъ внушительный видъ, величественныя манеры и осанку. Она уже тогда казалась *непоколебимой*. Она не пренебрегла даже и другими издавна выбранными ею и предпочтительными средствами, чтобы подчинить себѣ всеобщую волю и завоевать преданность. Съ перваго же дня своего воцаренія она выказала себя превосходной государыней, умѣющей щедро награждать по заслугамъ.

Въ теченіе перваго мѣсяца — это былъ настоящій Пактольъ, изливающійся на устроителей ея фортуны. Къ 16 ноября 1762 г. цифра розданныхъ наградъ, кромѣ дарственныхъ земель и крестьянъ, достигаетъ до 795,622 руб., или около 4 миллион. франковъ по тогдашнему курсу. Суммы назначенія участникамъ переворота были большею частью зачетными деньгами. Такъ, на примѣръ, Григорій Орловъ получилъ всего только 3000 рублей вмѣсто назначенныхъ 50000 руб. Состояніе казны не позволяло давать больше. Княгини Дашковой, фигурирующей въ спискѣ, было выдано 2500 р. 225890 р., были розданы въ счетъ полугодоваго жалованія штабъ-офицерамъ полковъ, принимавшихъ участіе въ государственномъ переворотѣ. Солдатамъ досталось меньше. Ихъ щедро напоили въ день 12 іюля. Поэтому расходъ достигъ до 41000 р. Но спустя нѣкоторое время, вскорѣ послѣ этого событія довольно значительное количество этихъ преторіанцевъ очутилось въ крайней бѣдности. И Екатерина ничего не дѣлаетъ для ихъ спасенія. Правда, что она въ нихъ больше не нуждается.

Она не забываетъ также и отсутствующихъ. Одной изъ ея первыхъ заботъ было послать гонца къ эксъ-канцлеру Бестужеву, чтобы извѣстить его о своемъ восшествіи на престолъ и пригласить его встрѣтиться съ ней въ ея столицѣ. Этотъ добрый вѣстникъ, выбранный самой Екатериной, былъ нѣкто Николай Ильичъ Колышкинъ, который въ февралѣ, будучи сержантомъ гвардейскаго полка, былъ приставленъ къ надзору за ювелиромъ Бернади, замѣшаннымъ въ процессѣ Бестужева; онъ же доставлялъ способы къ тайной перепискѣ великой княгини съ заключенными. Однако, Екатерина разочаровала своего политическаго сообщника: Бестужевъ успѣшилъ пріѣхать. Его встрѣтили съ распростертыми объятіями. Екатерина была довольна имѣть подъ рукой человѣка такого опытнаго и съ такимъ авторитетомъ. Она раздула славу его имени и прежнихъ заслугъ, прибѣгала часто къ его совѣтамъ, но онъ напрасно воображалъ занять свой прежній постъ могущественнаго министра съ болѣе значительнымъ вліяніемъ, чѣмъ во времена Елизаветы. Въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ ошибся. Было еще нѣсколько такихъ разочарованій. Фельдмаршалъ Минихъ, поторопившійся изъяснить свою покорность, испыталъ большое разочарованіе.

Екатерина не сердилась на его помощь, между прочимъ, бесполезную, которую онъ оказывалъ Петру. Онъ исполнялъ только свой долгъ.

Это онъ сказалъ съ большимъ достоинствомъ, императрица, казалось, соглашалась съ нимъ, но поступила съ нимъ такъ же, какъ и съ Бестужевымъ: она вѣжливо отъ него отдѣлалась. Она разсуждала, какъ выразился одинъ свѣтскій государственный человѣкъ, такъ: на новыя мѣста надо новыхъ людей?

Нѣчто подобное случилось и съ Дашковой. Она представляла себѣ царствованіе Екатерины безконечной фееріей, гдѣ она непрестанно вершала бы судьбы имперіи, гарцуя на прекрасномъ конѣ во главѣ колонны гренадеровъ. Она вошла во вкусъ мундировъ, интригъ и парадовъ. Она считала себя не награжденною по заслугамъ и не использованною по способностямъ. Мы еще встрѣтимся съ нею, съ ея мечтами, домогательствами и сумасбродствомъ, которыя отравляли ея жизнь и наскучили ея царственной подругѣ.

Екатерина чуть было не вызвала неудовольствіе у одного ея таинственнаго друга. Не одна Дашкова приписывала себѣ главенствующую роль въ польскомъ событіи. Черезъ четыре дня послѣ переворота императрицѣ докладываютъ о генералѣ Бец-

комъ; ему поручено было раздать деньги солдатамъ, нанятымъ Орловымъ. Онъ получилъ орденъ и нѣсколько тысячъ рублей. Екатерина полагала, что онъ явился благодарить ее. Онъ всталъ на колѣни и въ этой позѣ умолялъ императрицу сказать при свидѣтеляхъ, кому она обязана короной. «Богу и выбору моихъ подданныхъ», просто отвѣтила Екатерина. Услышавъ эти слова, Бецкій всталъ и трагическимъ жестомъ сорвалъ съ себя орденъ.

Что вы дѣлаете?

«Я не достоинъ носить эти знаки отличія, награду за мои заслуги, т. к. мои заслуги не признаны императрицей. Я считалъ себя единственнымъ создателемъ ея величія! Не я ли подвнялъ гвардію! Не я ли расточалъ золото! Императрица это отрицаетъ. Я самый несчастный человекъ на свѣтѣ».

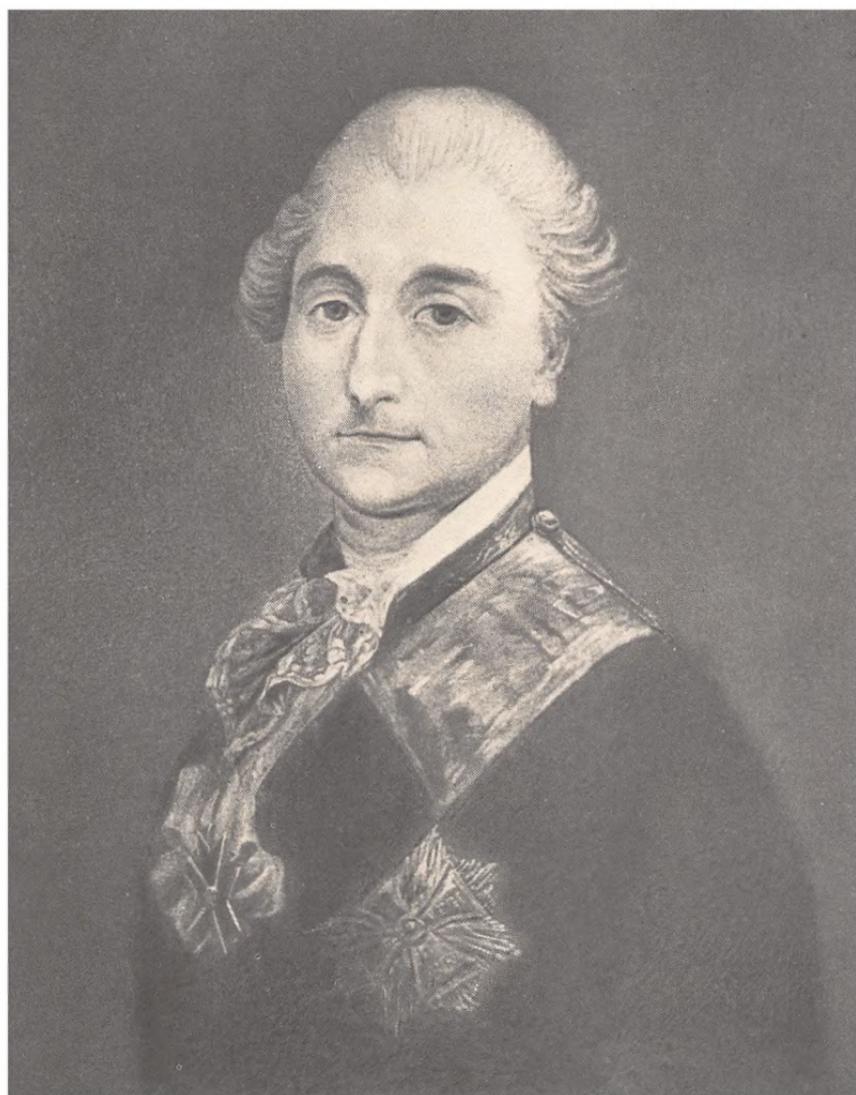
Императрица обратила это все въ шутку: «Вы мнѣ дали корону—я согласна съ этимъ. Поэтому я получу ее только изъ вашихъ рукъ. Вамъ я поручаю сдѣлать ее какъ можно красивѣе; я отдаю въ ваше распоряженіе всѣ драгоценности моей имперіи».

Бецкій принялъ эту шутку въ серьезъ. Онъ руководилъ работою ювелировъ, приготовлявшихъ императорскую діадему ко дню коронаціи—и остался доволенъ.

Такъ, по крайней мѣрѣ, рассказываетъ этотъ эпизодъ Дашкова, или же могла его и выдумать.

Вообще, какъ мы уже сказали, Екатерина была столь же щедра къ своимъ друзьямъ, какъ великодушна къ врагамъ. Новое царствованіе зарекомендовало себя отлично. Энтузіазмъ столицы, съ которымъ она встрѣтила новое воцареніе, нашелъ себѣ отзвукъ въ груди самыхъ отдаленныхъ провинцій. Неожиданно свинцовая туча затмила этотъ лучезарный восходъ ¹⁾.

¹⁾ Смотри статью Бильбасова въ нашей книгѣ *Переворотъ 1762 года*.

Король Польскій

Станиславъ Августъ Понятовскій.

Печатается въ первый разъ.

Ж е н щ и н а.

Внѣшность.—Характеръ.—Темпераментъ.

«Говоря по правдѣ, я никогда не считала себя очень красивой, но, я нравилась—и, думаю, что это-то и было моей силой».

Этими словами Екатерина сама опредѣлила родъ той привлекательности, которой природа одарила ея внѣшность.

Слыша въ теченіе всей своей жизни, какъ ее сравнивали со всевозможными историческими Клеопатрами, она не соглашалась со справедливостію этихъ сравненій; но не отъ того, чтобы она не знала этому цѣны.

«Увѣряю васъ», писала она опять Гримму — «красота ни въ какомъ случаѣ не лишняя и я всегда придавала ей громаднѣйшее значеніе, хотя сама никогда не была слишкомъ красивой».

Но было ли то скромное невѣдѣніе или, напротивъ, утонченное кокетство, съ которымъ она всегда такъ охотно обезцѣнивала свою красоту? Можно было бы согласиться съ этимъ предположеніемъ, читая единодушный отзывъ о ней ея современниковъ.

«Сѣверная Семирамида» прошла вторую половину восемнадцатаго столѣтія и вступила въ преданіе потомства на порогѣ девятнадцатаго, какъ чудное воплощеніе не только могущества, величія и торжествующаго счастья, но еще и обворожительной и обожаемой женственности. Въ глазахъ если не всѣхъ, то почти всѣхъ, она была не только внушительной, величественной и грозной, но и обольстительной и дѣйствительно прекрасной среди настоящихъ красавицъ. То была—царица какъ по красотѣ, такъ и по геніальности,—Паллада, Побѣдоносная Венера.

Итакъ стало-быть ошибались только современники, смотря на очаровательную царицу, какъ на нѣчто сверхестественное. Иллюзія была полная, такъ что заблужденіе относительно ея личности перешло даже на бросающіяся въ глаза, хотя и неважныя

подробности. Такъ напримѣръ, большинство, видѣвшихъ императрицу вблизи, говорили о ея высокомъ ростѣ, позволявшемъ ей возвышаться надъ толпою. Въ дѣйствительности же она была ниже средняго и скорѣе небольшого съ преждевременною наклоностію къ полнотѣ. Даже цвѣтъ ея глазъ подавалъ поводъ къ страннымъ противорѣчіямъ. Одни видѣли ихъ каріими, другіе—голубыми. Рюльеръ порѣшилъ этотъ вопросъ, называя ихъ каріими съ голубымъ отливомъ.

Вотъ въ общемъ портретъ, набросанный имъ и относящійся приблизительно къ эпохѣ ея восшествія на престолъ. Екатеринѣ было 33 года. Мы не имѣемъ болѣе подробнаго описанія, относящагося къ болѣе раннему времени. Портретъ, сдѣланный Понятовскимъ относится ко времени на 4—5 лѣтъ ранѣе этого. И то былъ портретъ, описанный влюбленнымъ.

«Ея фигура,—пишетъ Рюльеръ — пріятна и благородна; походка гордая. Вся она и ея манеры полны граціи, видъ у нея царственный. Черты лица говорятъ о сильномъ характерѣ. Голова хорошо посажена на высокой шеѣ; соединеніе этихъ частей, въ особенности въ профиль и поворотъ головы—замѣчательной красоты, что она старается немного дать почувствовать. Лобъ широкъ и открытъ; носъ съ небольшою горбинкой, губы свѣжія, украшаются зубами. Подбородокъ немного великъ и имѣетъ видъ двойного, безъ того чтобы она была полна. Ея волосы каштановаго цвѣта и чрезвычайно красивы; брови темныя; глаза каріе, прекрасныя; отраженіе свѣта придаетъ имъ голубоватый оттѣнокъ; цвѣтъ лица чрезвычайно свѣжій. Гордость — главный характеръ ея фізіономіи. Пріятность и доброта, также выраженные на ней, для болѣе пронизательнаго глаза кажутся только слѣдствіемъ чрезмѣрнаго желанія нравиться».

Рюльеръ—не энтузіастъ и не влюбленный. Сравнимъ теперь эскизъ съ портретомъ одного русскаго художника Чемессова, нарисованнымъ имъ карандашомъ въ ту же эпоху. По одному преданію, этотъ портретъ сдѣланъ былъ по просьбѣ Потемкина, котораго Екатерина начала отличать вскорѣ послѣ іюльской революціи или быть можетъ даже немного раньше. Екатерина осталась имъ довольна и приблизила художника къ своей особѣ въ качествѣ секретаря ея кабинета. А между тѣмъ какую удивительную императрицу показалъ намъ Чемессовъ на своемъ портретѣ и какъ мало похожую на всѣхъ, которыя изображены другими художниками, ваятелями и авторами записокъ, начиная съ Беннэ до Лампи и отъ Рюльера до принца де-Линь

Лицо, пожалуй приятное и умное, если хотите, но такъ мало идеальное, скажемъ прямо заурядное; быть можетъ здѣсь игралъ большую роль костюмъ—какое-то странное одѣяніе съ причудливымъ головнымъ уборомъ, спускающимся на лобъ до самыхъ бровей и вѣнчающій макушку какъ бы парюю крыльевъ летучей мыши. Улыбающее лицо въ то же время немного рѣзко. По грубымъ отчасти мужскимъ чертамъ можно бы сказать, что это лицо какой-то нѣмецкой маркитантки перережденной монахиней, а далеко не Клеопатры.

Не былъ ли Чемессовъ такимъ образомъ предателемъ, а Екатерина, узнавъ себя въ этомъ портретѣ, не выказала ли она этимъ свое полное непониманіе искусства, въ чемъ впоследствии такъ откровенно созналась Фальконетту?

Это возможно до нѣкоторой степени. Намъ сохранилось нѣчто въ родѣ снимка съ портрета этого русскаго художника. Это портретъ, *рассказанный* спустя нѣсколько лѣтъ позднѣе Ричардсономъ, обладавшимъ умомъ и взглядомъ, не поддающимся иллюзіямъ и ослѣпленію. И вотъ какъ онъ описываетъ свои впечатлѣнія:

«Императрица Россійская—роста выше средняго, очень пропорціонально и граціозно сложена, но съ наклоностію къ полнотѣ. У нея хорошій цвѣтъ лица, но она думаетъ улучшить его румянами по примѣру всѣхъ женщинъ ея страны. Ротъ красиваго очертанія съ прекрасными зубами. Глаза *синіе* съ выраженіемъ пытливости; въ нихъ нѣчто среднее между сильнымъ взглядомъ инквизитора и неприятнымъ—человѣка недовѣрчиваго. Черты лица правильны и пріятны. Общее впечатлѣніе лица таково, что было бы несправедливымъ приписывать ему мужской видъ, но нельзя также назвать его вполне дѣвственнымъ».

Это не совсѣмъ тотъ же портретъ, что у Чемессова, съ его наивнымъ и почти грубымъ реализмомъ. Однако же какъ тамъ, такъ и здѣсь проглядываетъ одна и та же черта, которая, кажется, была дѣйствительно выдающеюся чертою у самого оригинала, опредѣляя весь характеръ его фізіономіи и съ точки зрѣнія пластики значительно убавляя, если не уничтожая его прелесть. Это — мужской складъ лица, подчеркнутый въ томъ и другомъ портретѣ, который выступаетъ передъ нами сквозь волшебную гармонию красокъ и несмотря на льстивую кисть художника. Портретъ, доставившій такое большое удовольствіе Вольтеру и находящійся еще въ Фернеѣ, обнаруживаетъ въ этомъ отношеніи нѣчто подобное. Однако до самой послѣдней

минуты Екатерина зорко слѣдила за писаніемъ своихъ портретовъ. Изъ-за ничтожной складки у носа, найденнаго ею на портретѣ, писанномъ Лампи незадолго до ея смерти и которая, казалось ей, придавала лицу нѣкоторую суровость, она недружелюбно отнеслась и къ портрету, и къ художнику. Лампи, однако, славился тѣмъ, что не говорилъ моделямъ самыхъ жестокихъ истинъ. Онъ стеръ складку—и скоро почти семидесятилѣтняя императрица приняла на полотнѣ видъ молодой нимфы. Исторія умалчиваетъ о томъ, осталось ли она этимъ довольна.

«Какою вы меня себѣ представляли?» спросила Екатерина принца де-Линь послѣ его перваго приѣзда въ Петербургъ. — «Высокой, худой, съ глазами, какъ звѣзды, и въ большемъ панье». Это было въ 1780 году. Императрица имѣла 51 годъ. «Она выглядитъ еще хорошо—говоритъ де-Линь въ своихъ запискахъ—видно, что она была скорѣй красивой, чѣмъ хорошенькой. Величіе ея лба смягчается пріятными глазами и улыбкой; но этотъ лобъ говоритъ о многомъ. Не надо быть Лафатеромъ, чтобы прочесть на немъ, какъ по книгѣ: геній, справедливость, мужество, глубина, ровность, мягкость, спокойствіе и твердость. Ширина лба свидѣтельствуетъ о большой памяти и воображеніи. Очевидно, что тамъ было мѣсто для всего. Ея немного острый подбородокъ, выдающийся чуть-чуть впередъ — нѣсколько замѣтенъ и не лишенъ благородства, вслѣдствіе этого овалъ лица неправиленъ, но она должна безконечно нравиться, потому что искренность и веселіе не сходятъ съ ея губъ. Она была, вѣроятно, чрезвычайно свѣжа и имѣла прекрасную грудь, но это произошло съ ней въ ущербъ ея тонкой талии, готовой переломиться. Въ Россіи очень скоро полнѣютъ. Она очень опрятна. И если бы не зачесывала такъ высоко своихъ волосъ, которые, ниспадая немного, должны обрамлять ея лицо, то она казалась бы отъ этого красивѣе. Не замѣтно, что она небольшого роста». —

Вотъ еще одинъ энтузіастъ! Однако графъ Сегюръ, который въ качествѣ дипломата гордился своимъ безпристрастіемъ, описываетъ Екатерину приблизительно въ одинаковыхъ чертахъ. «Бѣлизна и свѣжесть ея кожи — говоритъ онъ — тѣ прелести, которыя сохранились у ней дольше всѣхъ». Кастера же по-своему объясняетъ эту побѣду надъ *непоправимыми утратами*... «Въ послѣдніе годы своего царствованія она сильно румянилась». Въ этомъ Екатерина никогда не хотѣла признаться. Мы читаемъ въ одномъ ея письмѣ къ Гримму, помѣченномъ 1783 годомъ:

«Благодарю Васъ за банки румянъ, которыми вы пожелали иллюминировать мое лицо; но, когда я захотѣла ими воспользоваться, то нашла ихъ слишкомъ темными это придамо бы мнѣ видъ фуриі. Поэтому, извините меня, если я, несмотря на свою большую извѣстность у васъ (Гриммъ былъ въ Парижѣ) не могу принять и подражать вашей прекрасной модѣ».

Наиболѣе авторитетнымъ съ художественной точки зрѣнія и болѣе достовѣрнымъ свидѣтельствомъ являются описанія М. Виже-Лебрень, которая, къ сожалѣнію, совсѣмъ не видала Екатерину въ ея лучшіе годы. Она не могла такъ же похвалиться хорошимъ пріемомъ у государыни, что такъ же служить гарантіей искренности. Она не могла добиться, чтобы Екатерина позировала передъ нею. Ея кисть воспроизвела императрицу только по воспоминаніямъ. Съ перомъ въ рукѣ она описываетъ ее такъ: «Сперва я была чрезвычайно удивлена, найдя ее слишкомъ малой ростомъ; я представляла ее себѣ ужасно высокой, такой же «великой», какъ и ея славное имя. Она была слишкомъ полна, но лицо имѣла еще довольно красивое чудно окаймленное приподнятыми сѣдыми волосами. Геній, казалось обиталъ на ея широкомъ возвышенномъ лбу; глаза умные и ласковые, носъ совершенно греческій, цвѣтъ лица свѣжъ и вся фізіономія очень выразительна. Я сказала, что она была мала ростомъ; однако во дни парада ея высоко приподнятая голова, орлиный взглядъ, вся осанка, которую придаетъ привычка властвовать — все въ ней было проникнуто такимъ величіемъ, что она показалась мнѣ царицей всего міра. На одномъ изъ торжествъ она имѣла три орденскія ленты, и ея нарядъ былъ простъ и благороденъ; онъ состоялъ изъ кисейной, расшитой золотомъ туники, съ очень широкими рукавами, сложенными наискось въ азіатскомъ вкусѣ. Поверхъ туники былъ надѣтъ доломанъ изъ краснаго бархата съ весьма короткими рукавами. Чепчикъ, который окаймлялъ ея бѣлые волосы былъ украшенъ не лентами, а чудной красоты брилліантами».

Екатерина пріобрѣла привычку и сохранила ее на всю свою жизнь — высоко держать голову при народѣ, благодаря этому и своему обоянію она достигла той иллюзіи, что казалась выше ростомъ, нежели была на самомъ дѣлѣ. Искусство рисовки, въ которомъ она была несравненна сохранилось по традиціи при русскомъ дворѣ.

Одна придворная дама въ Вѣнѣ разсказывала намъ однажды о своихъ впечатлѣніяхъ при пріѣздѣ императора Николая I въ

эту столицу. Когда она увидѣла его въѣзжающимъ въ Бургъ во всемъ блескѣ своего мундира, мужественной красоты, царственнаго величія всей его фигуры, прямого надменнаго, выше на голову всѣхъ окужавшихъ его князей, флигель-адъютантовъ, камергеровъ, офицеровъ — она думала, что видитъ полу-бога, помѣщенная на верхней галлерей, она не могла оторвать глазъ отъ этого ослѣпительнаго явленія, но вдругъ—она потеряла его изъ виду. Толпа придворныхъ удалилась, двери закрылись, царская фамилія и нѣсколько приближенныхъ остались одни. Но императоръ? Гдѣ же онъ? Онъ былъ тамъ; опустившись на скамью онъ сидѣлъ, сторбя свой высокій станъ; лицо его, благодаря ослабшимъ мускуламъ, сразу осунулось и на немъ рѣзко обозначилось выраженіе неописуемой скорби. Неузнаваемый, наполовину уменьшившійся, какъ бы упавшій съ высоты своего величія въ глубину отчаянія, этотъ полу-богъ былъ теперь не болѣе, какъ жалкимъ страдающимъ подобіемъ человѣка. Это происходило въ 1850 г. Николай уже начиналъ испытывать первые приступы того страданія, которое отравило послѣдніе годы его жизни и привело къ преждевременной смерти. Въ глазъ толпы онъ сгибался подъ его тяжестью; передъ народомъ онъ превращался, благодаря героической силы воли, въ великолѣпнаго императора своихъ прежнихъ лучшихъ годовъ. Такъ, пожалуй, поступала и Екатерина въ послѣдніе годы своего царствованія.

Принцесса Кобургъ-Готская, видѣвшая ее впервые въ 1795 г. довольно неделикатно начинаетъ свой разсказъ объ этой встрѣчѣ. «Императрица похожа именно на тѣхъ колдуній, какихъ я обыкновенно рисовала въ своемъ воображеніи;» но впослѣдствіи оказалось, что мысль вложенная въ подобное представленіе не совсѣмъ обидна. Она такъ же восхваляла необыкновенный цвѣтъ лица, который императрица сумѣла такъ хорошо сохранить, и находила ее вообще олицетвореніемъ крѣпкой старости, хотя за границей всегда говорили о ея болѣзняхъ.

Дѣйствительно Екатерина никогда не отличалась хорошимъ здоровьемъ. Она часто страдала головными болями, сопровождавшимися коликами, но это не помѣшало ей до послѣдней минуты насмѣхаться надъ медициной и докторами. Было очень трудно заставить ее принять какое-нибудь лѣкарство. Однажды, когда ей доктору Рожерзону удалось упротить ее проглотить нѣсколько пилюль, то онъ былъ такъ доволенъ, что, забывшись, фамильярно хлопнулъ ее по плечу, вскричавъ: «Браво, Ваше Величество!» Она нисколько на это не обидѣлась.

Начиная съ 1772 года Екатерина пользуется очками при чтеніи. Ея очень тонкій слухъ былъ подверженъ странной особенності: каждое ухо въ отдѣльности воспринимало звукъ и различнымъ способомъ: неодинаково не только по силѣ, но и по тону. Вѣроятно, вслѣдствіе этого она и не понимала музыки, несмотря на всѣ старанія пріохотить себя къ ней. Чувство гармоніи у нея отсутствовало совершенно.

Увѣряли, что когда чистили фуляръ, которымъ она по обыкновенію обертывала голову на сонъ грядущій, то видѣли, какъ изъ него сыпались искры. То же феноменальное явленіе усматривалось и съ ея простынями.

Подобныя басни служатъ только доказательствомъ того вліянія, которое оказывала даже физическая сторона ея личности на современные умы, изумленные въ то время таинственными открытіями Франклина. Нравственный обликъ Екатерины могъ также вызвать подобные восторги воображенія.

II.

Одна великая государыня и женщина, достойная поднаго уваженія, на которую Екатерина всегда остерегалась быть похожей и называла ее иронически «святой Терезіей», писала въ 1780 г. слѣдующее:

«Императоръ, шутя, намекнулъ мнѣ о своемъ желаніи повидаться этой зимой съ Русской императрицей. Можете себѣ представить насколько неприятенъ былъ мнѣ подобный проектъ; какъ по тому впечатлѣнію, какое это свиданіе произведетъ на другія державы, такъ и по тому отвращенію и ужасу, которые мнѣ внушаютъ подобные, какъ у Русской императрицы, характеры».

Однако, какъ намъ кажется, благодаря именно своему характеру, Екатерина и достигла своего величія. Появившіеся въ немъ слабости и пороки, увеличивающіеся пропорціонально его нравственному росту, обезображивали его до колоссальныхъ, пожалуй, чудовищныхъ размѣровъ. Но въ цѣломъ это былъ характеръ поразительный и рѣдкой высоты.

«Отвращеніе и ужасъ», которые испытывала Марія Терезія. не помѣшали ей, однако, заключить союзъ съ заклеянной такимъ образомъ государыней и подать ей руку, чтобы сообща совершить одно изъ самыхъ преступныхъ дѣлъ, въ которомъ исторія попрекнетъ Екатерину — мы говоримъ о раздѣлѣ Польши Марія Антуанета, раздѣлявшая, повидимому, взгляды своей матери, на практикѣ выказала однако желаніе забывать о нихъ.

«Несмотря на мое мнѣніе объ императрицѣ»—писала она въ свою очередь,—«я буду ей очень благодарна, если ея политика обезпечить намъ миръ».

Итакъ оказывается, что Екатерина была чудовищемъ для нихъ только на словахъ. Все же подобный приговоръ подлежитъ переоцѣнкѣ, какъ спорный вопросъ, ибо если бы дѣло шло дѣйствительно о чудовищѣ, то могла ли она не только мимолетно вызывать восторги толпы, но и работать такъ продолжительно и полезно для будущаго поколѣнія?

Безъ сомнѣнія, эта личность была необыкновенно сложная, почти не поддающаяся анализу, къ которому мы осмѣлимся приступить. Она, какъ бы предвидя тѣ затрудненія, съ которыми придется бороться ея будущимъ біографамъ, сжалилась надъ ними, проложивъ дорогу и разставивъ на ней кое-гдѣ вѣхи. Кромѣ ея записокъ, гдѣ психологіи отведено такъ мало мѣста, мы обязаны ей еще автобіографическимъ эскизомъ и наброскомъ собственной характеристики.

Вотъ эскизъ. Онъ сохранился на листѣ бумаги, на оборотной сторонѣ котораго незнакомой рукой была написана эпитафія «сирѣ Тома Андерсона»—любимой собачки императрицы. По образцу этой эпитафіи нѣжно-любимаго существа Екатерина въ минуты своего юмористическаго настроенія, которыя бывали у ней довольно часто, сочинила свою собственную—«боюсь, говорила она (это было зимою въ 1778 г.) умереть къ концу масленой, въ теченіе которой должно произойти и маскарadowъ, не считая обѣдовъ и ужиновъ».

Мы приводимъ эпитафію цѣликомъ:

«Здѣсь покоится тѣло Екатерины II, родившейся въ Штеттинѣ 21 апрѣля (2 мая) 1729 г. Она пріѣхала въ Россію чтобы выйти за мужъ за Петра III. 14 лѣтъ она составила тройной планъ: нравится своему супругу, Елизаветѣ и народу—и ничего не забыла, чтобы достигнуть въ этомъ успѣха. 18 лѣтъ скуки и одиночества заставили ее много читать. Вступивъ на русскій престолъ она желала блага и старалась предоставить своимъ подданнымъ счастье, свободу и собственность; она охотно прощала и никого не ненавидѣла. Снисходительная, жизнерадостная, от природы веселая, съ душою республиканки и добрымъ сердцемъ она имѣла друзей. Работа для нея была легка. Общество и искусства ей нравились».

А вотъ и характеристика. Мы находимъ ее въ письмѣ, адресованномъ Сеньеру де Мейлану въ маѣ 1796 г. «Я никогда не

думала, что обладаю творческимъ умомъ и встрѣчала множество людей, которые казались мнѣ гораздо умнѣ меня. Мною всегда было очень легко руководить, такъ какъ, чтобы достигнуть этого, слѣдовало только представить мнѣ идеи несравненно лучшія и болѣе основательныя, чѣмъ мои. Тогда я дѣлалась послушной, какъ овечка. Причина этого крылась въ сильномъ и постоянномъ желаніи, чтобы все совершалось на благо государству. Я имѣла счастье встрѣтить хорошіе и истинные принципы, которые способствовали къ достиженію мною громаднаго успѣха. Я имѣла и несчастія, происходившія отъ ошибокъ, къ которымъ я была совершенно непричастна и происшедшія, быть можетъ, отъ неточнаго исполненія моихъ предписаній. Несмотря на мою природную податливость, я умѣла быть упрямой, твердой, если хотите, когда мнѣ казалось, это необходимымъ. Я никогда не стѣсняла ничьихъ мнѣній, но при случаѣ имѣла свое собственное. Я не люблю споровъ, потому что вижу, что всегда каждый остается при своемъ мнѣніи. Вообще я не смогла бы перекричать. Я не помню зла, Провидѣніе поставило меня такимъ образомъ, что мнѣ не за что было питать ея къ отдѣльнымъ личностямъ, т. е. не считаю наши стороны равными и все взвѣшиваю по справедливости.

Я вообще люблю справедливость, но придерживаюсь того мнѣнія, что строгая справедливость не есть справедливость, и что только одно правосудіе переносимо человѣческой слабостью. Но во всякомъ случаѣ я предпочитаю человѣколюбіе и снисходительность для человѣческой натуры правиламъ строгой морали, которая часто казалась мнѣ плохо понимаемой. Въ этомъ убѣжденіи я руководствовалась своимъ сердцемъ, которое я считаю мягкимъ и добрымъ. Когда старики проповѣдовали мнѣ строгость я, заливаясь слезами, сознавалась имъ въ своей слабости и видѣла, какъ нѣкоторые изъ нихъ соглашались со мной со слезами на глазахъ. По природѣ я весела и искренна, но я слишкомъ долго жила на свѣтѣ, чтобы не знать, что существуютъ желчныя умы, не любящіе веселости и что нѣтъ никого, кто бы умѣлъ считаться съ правдой и откровенностью».

Вотъ приблизительно «мой портретъ», пишетъ Екатерина на заголовкѣ этого отрывка. Даже очень *приблизительный*, хочется намъ сказать и не столько потому, чего тамъ нѣтъ, сколько потому, что тамъ находятся. Такъ, на примѣръ, неспособность къ злопамятству, которую отрицаетъ императрица, имѣвшая съ Фридрихомъ контры въ дружественныхъ отношеніяхъ, вызванные, на-

сколько можно судить, задирчивымъ замѣчаніемъ короля-философа черта, конечно, — неожиданная для ея личности. Самъ графъ Сегюръ въ ту пору, когда еще не погрѣшалъ излишней строгостью по отношенію къ Екатеринѣ, у которой онъ только что встрѣтилъ неожиданно любезный пріемъ, позволилъ себѣ подчеркнуть въ ея характерѣ черту, совершенно противоположную этой.

«Императрица, — читаемъ мы въ одной изъ его депешъ, — обладаетъ, безъ сомнѣнія, многими качествами: силой въ сужденіяхъ, мужествомъ сердца, проницательностью ума и большой сердечной добротой; но она не очень податлива, недовѣрчива и тревожна; и ея самолюбіе — оскорбленное или польщенное вліяетъ на ея политическіе взгляды. Пустыхъ словъ на ея счетъ въ Версалѣ, холодности со стороны двора или императора, малѣйшей ошибки, какую я самъ могу сдѣлать — вполне достаточно для того, чтобы измѣнить ея намѣренія. Напримѣръ, она врагъ короля Прусскаго, потому что король предполагалъ въ ней слабости, которыхъ у нея не было». Но какова бы ни была страсть Екатерины къ правдѣ и искренности она дала бы единственный примѣръ въ исторіи, если бы придерживалась той или другой, говоря о себѣ.

Искренняя къ себѣ самой, она совершенно не была такой; однажды въ разговорѣ съ принцемъ де-Линь, сказала ему, что, «случись ей быть подпоручикомъ, она никогда не сумѣла бы дослужиться до чина капитана, потому что сломила бы себѣ голову при первомъ сраженіи». «Я ничему этому не вѣрю, — возразилъ принцъ, — потому что вотъ онъ — я». Екатерина, говоря такъ, забыла свою собственную исторію и не признавала самой выдающейся черты своего характера; потому что, если она и была въ то время отважна, то все же прежде всего и всегда она была честолюбива. Она обладала отличительными чертами той великой породы людей, безподобнымъ представителемъ которой является Наполеонъ въ новой исторіи: властнымъ умомъ, невыносившимъ, что бы она тамъ не говорила, противорѣчій и посторонняго вмѣшательства въ ея образъ дѣйствій. Однажды она сильно разгнѣвалась на одного изъ своихъ любимыхъ министровъ, князя Вяземскаго, когда тотъ осмѣлился безъ ея совѣта приказать играть комедію въ придворномъ театрѣ. Она объявляетъ по этому поводу, что не хочетъ быть подъ чьей-либо опекой. Затѣмъ — смѣлостью, иногда сумасбродною, но всегда обдуманною, пренебрегающею какимъ бы то ни было расчетомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ рассчитывающею на всякую случайность, хладнокровно рѣшающеюся на всевозможный рискъ. Наконецъ, са-

моувѣренностью, безъ которой невозможенъ никакой успѣхъ, и привычкой не сомнѣваться въ своемъ успѣхѣ, безъ которой ни одинъ человекъ не имѣетъ удачи въ предпріятіяхъ. Ко всѣмъ этимъ качествамъ присоединялась нѣкоторая женственность, придающая всему характеру излишнюю вспыльчивость и мечтательность.

Въ 1770 г. во время войны съ турками, когда главнокомандующій русской арміей говорилъ ей о подавляющемъ превосходствѣ непріятельскихъ силъ, Екатерина заставила его замолчать, упомянувъ о примѣрѣ римлянъ, никогда не считавшихъ своихъ противниковъ. Она сказала съ увѣренностію, что турки будутъ разбиты, и т. к. ея увѣренность подтвердилась впоследствии и Румянцевъ отвѣтилъ на это требованіе подавляющимъ числомъ побѣдъ, то она еще больше укрѣпилась въ этомъ чувствѣ, которое было ей присуще. Она привыкла къ нему, оно было въ нѣкоторомъ родѣ для нея удобно. Къ концу царствованія оно укрѣпилось въ ней настолько, что она не допускаетъ даже возможности какаго бы то ни было пораженія, бѣдствія и вообще измѣны въ счастіи, могущихъ съ ней случиться.

«Если бы я была Людовикомъ XVIII,—пишетъ она въ 1796 г. я—или совсѣмъ не уѣхала изъ Франціи, или же давнымъ давно вернулась бы туда обратно, несмотря ни на какія бури и непогоды и этотъ въѣздъ или выѣздъ зависѣлъ бы исключительно отъ меня, а не отъ какой-нибудь другой человѣческой власти».

Она думала также, что будь она Георгомъ III, она не допустила бы отнять Америку.

Вообще ее поддерживала, какъ и всѣхъ людей ея породы, фаталистическая вѣра—темная, бессмысленная, но отнюдь отъ этого не безсильная; вѣра во что-то неизвѣстное, однако всемогущее, чѣмъ управляются судьбы подобныхъ ей избранниковъ. Бесѣдуя съ Дидро она, не шутя, даетъ ему честное слово, что будетъ царствовать еще 36 лѣтъ. Въ 1789 г. она говоритъ: мнѣ 60 лѣтъ, но я увѣрена, что проживу еще 20 съ лишкомъ. И т. к. вѣра ея очень глубока, то она присоединяетъ къ ней спокойный оптимизмъ непоколебимый, настолько увѣренный въ себя и стойкій, что подчасъ онъ является какъ бы слѣпымъ и глухимъ. Онъ же способствовалъ отчасти и ея непоколебимости. Во время второй турецкой войны, такъ малопохожей на первую, казалось, что звѣзда Екатерины надолго померкла. Неудачи слѣдуютъ одна за другой. Она отказывается въ нихъ сознаться. Она какъ бы не знаетъ и требуетъ чтобы весь свѣтъ

тоже не зналъ о пораженіяхъ ея арміи и ея полководца, который увы! уже не Румянцевъ, а Потемкинъ. Но стоило только туркамъ въ свою очередь испытать хотя бы малѣйшія неудачи— (напр. въ октябрѣ 1787 г. подъ стѣнами Кинбурна), какъ она тотчасъ же приказываетъ служить благодарственные молебны, палить, въ знакъ радости, изъ пушекъ и трубить по всей Европѣ о славныхъ подвигахъ русской арміи. Подумаешь, что подъ Кинбурномъ было повтореніе Чесменской побѣды: оттоманскій флотъ уничтоженъ и Потемкинъ покрылся славой. Она такъ и писала ему объ этомъ и кажется была, дѣйствительно увѣрена въ этомъ. Такой оптимизмъ входилъ въ ея политическія соображенія, въ правительственные приемы и дипломатическія хитрости—съ которыми мы познакоимся позднѣе. Такимъ образомъ она и намѣревалась импонировать всей Европѣ: Австріи, чьи усилія она старалась вызвать,—Франціи, у которой искала содѣйствія и самой Турціи, которую старалась деморализовать.

Напримѣръ, она поручаетъ графу Сегюру передавать въ Версаль такія сообщенія о побѣдахъ, что графу де-Мон-Морену съ трудомъ удастся доказать посланнику всю фальшь подобныхъ сообщеній. Точно также она борется съ упадкомъ духа Потемкина, скорого на уныніе. Но и здѣсь также оптимизмъ играетъ роль въ ея характерѣ, импонируя и ей самой. Временами, если слѣдить за этимъ ея постояннымъ самовосхваленіемъ—отличительнымъ признакомъ въ ея перепискѣ и въ разговорахъ,—въ особенности во время кризисовъ, можно было бы подумать, что она одержима маніей величія.

Шведы подъ самымъ Петербургомъ—а она все еще воспѣваетъ побѣды надъ ними. Въ іюлѣ 1788 г. пушка непріятеля заговорила такъ близко, что улицы столицы были наполнены дымомъ. На слѣдующій день она весело подсмѣивается надъ этимъ, радуясь, что и ей тоже пришлось понюхать пороху, затѣмъ идетъ въ церковь служить молебенъ по случаю побѣды надъ турками, болѣе или менѣе дѣйствительной, о которой гонецъ Потемкина такъ кстати привезъ ей извѣстіе; и она объявляетъ, возвращаясь домой, что, видя такое множество народу, собравшагося вокругъ храма, она подумала, что этой толпы достаточно было бы перебить всѣхъ шведовъ камнями, подобранными съ мостовой Петербурга.

Она готовится подписать указъ, по которому повелѣваетъ вице-адмиралу фонъ-Дезину соединиться съ адмираломъ Грейгомъ, *послѣ того, какъ онъ разобьетъ Шведовъ подъ Карлскроной.*

Адмиралъ же Дезинъ выдетъ Грейну навстрѣчу, разбивъ въ свою очередь еще разъ непріятельскій флотъ..

Между тѣмъ Мамоновъ, въ качествѣ фаворита того времени осмѣлился возразить, что можно ли быть вполне увѣренной, что оба адмирала непременно одержать верхъ въ предполагаемыхъ сраженіяхъ. До сихъ поръ они ни разу не выиграли ни одной рѣшительной битвы. Екатерина вспылила: «я люблю большія предпріятія, а не маленькія; разсуждая такъ, никогда не будутъ сражаться».

Однако она уступаетъ Мамонову и, проливая досадливыя слезы, соглашается не посылать фонъ-Дезину «приказа побѣдить». Но ей казалось, что такимъ образомъ вице-адмиралъ ничего не сдѣлаетъ хорошаго. Черезъ три недѣли, во время которыхъ не произошло никакого измѣненія въ положеніи воюющихъ сторонъ, Екатерина устраиваетъ такъ, что можно было бы предположить, что непріятельскій флотъ весь до послѣдняго корабля погибъ въ глубинѣ Балтійскаго моря. Екатерина уже болѣе не беспокоится о сосѣдствѣ. Она поговариваетъ о намѣреніи послать свой флотъ на воды Архипелага. Что же касается до Шведовъ, то не стоитъ такъ долго заниматься ими: они сами себя уничтожатъ. Финляндская армія взбунтуется, если еще не взбунтовалась; ея будетъ достаточно, чтобы урезонить Густава. Сама Екатерина заботится отмстить шведскому королю только тѣмъ, что осмѣиваетъ его воинскія потуги въ одной комической оперѣ, называемой «Кослафъ», которую она начинаетъ сочинять, «не зная впрочемъ, какъ ее кончить». Но финляндская армія не возмущается, отказываясь, такимъ образомъ, оправдать возложенныя Екатериной на нее надежды—и послѣ цѣлой альтернативы успѣховъ и неудачъ настаетъ полное пораженіе при Свеннсгундѣ (28 іюня 1790 г.). Но въ письмѣ къ Потемкину она едва ли не въ двухъ строчкахъ упоминаетъ объ этомъ.

И такъ она поступаетъ всегда, до самаго конца своей жизни. Также и въ 1796 году за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти она затѣваетъ этотъ несчастный бракъ своей внучки со шведскимъ королемъ—принеобычайный эпизодъ, о странныхъ перипетіяхъ котораго, мы расскажемъ въ свое время. Ей представляли всѣ затрудненія, всѣ препятствія, гадательныя шансы на успѣхъ. Но ей что за дѣло; не позаботясь устроить это какъ слѣдуетъ, она приглашаетъ короля пріѣхать, и въ назначенный день, собравъ весь дворъ и надѣвъ парадное платье она ждетъ

Его Величество короля Шведскаго для обрученія. Только на этотъ разъ счастье, какъ бы уставъ, измѣнило ей. Его Величество Шведскій король не пріѣхалъ. Быть можетъ отъ этого-то Екатерина и умерла черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Весь этотъ 1796 годъ, конца котораго ей не суждено было видѣть, былъ для нее несчастенъ. Но ея оптимизмъ не покидалъ ее. Въ юлѣ пожаръ истребилъ часть ея флота; всѣ ея канонерки, выстроенныя и съ большимъ трудомъ вооруженныя, сгорѣли въ Васильевской гавани. «Ну такъ что же!—пишетъ Екатерина на другой день—«все то, въ чемъ мы дѣйствительно нуждаемся, будетъ снова выстроено за это лѣто; гавань очистится только отъ этого сора!»

Любя славу, считая обладаніе ею своимъ неотъемлемымъ правомъ, Екатерина любитъ также и прихвастнуть ею. «Если эта война продлится,—говоритъ она въ августѣ 1771 г.,—то мой царскосельскій садъ будетъ похожъ на кегельную игру, потому что послѣ каждой блестящей побѣды, я воздвигну и соотвѣтствующій памятникъ. За садомъ, въ лѣсу я выстрою храмъ въ память настоящей войны, въ которомъ всѣ главныя сраженія (а ихъ не мало; у насъ ихъ 64 номера) будутъ вырѣзаны на медальонахъ, въ видѣ простыхъ и короткихъ надписей на родномъ языкѣ съ обозначеніемъ даты и именъ тѣхъ, которые участвовали въ этихъ побѣдахъ».

Отмѣтимъ кстади что въ списокѣ побѣдъ, составленномъ ею собственноручно,—Чесменская фигурируетъ подъ двумя нумерами. Жажда честолюбія была такъ велика, что заставляла ее видѣть все вдвойнѣ. То же честолюбіе дѣлало ее необычайно чувствительной къ лести, скажемъ прямо, очень тщеславной. Она, конечно, опровергала это и при всякомъ удобномъ случаѣ придерживалась или казалось что придерживается другихъ противоположныхъ чувствъ.

Одинъ французскій архитекторъ по имени Клериссо, бывший въ свое время знаменитостью и дѣйствительно заслуженнымъ художникомъ, человѣкомъ честнымъ, но неуживчивымъ, принимая визитъ императора Іосифа II, обошелся съ Его Величествомъ очень грубо. «Знаете ли Вы, что такое значить художникъ?—сказалъ онъ ему между прочими любезностями, не принимая заказовъ, которые Іосифъ хотѣлъ ему сдѣлать и которые ему не нравились. «Съ одной стороны — это человѣкъ, у котораго есть карандашъ, съ другой—ему предлагаютъ 20000 фунтовъ дохода, если онъ согласится бросить этотъ карандашъ; онъ броситъ

вамъ въ лицо ваши 20000 фунтовъ дохода и сохранить карандашъ при себѣ, который дастъ ему больше счастья, чѣмъ всѣ сокровища міра». Екатерина, которой Гриммъ разсказалъ объ этой наглой выходкѣ, пришла отъ нея въ восхищеніе. «Я люблю—объявляетъ она—когда говорятъ такъ, какъ Клериссо говорилъ императору. Это научить такихъ господъ, что на свѣтѣ существуетъ не одна манера говорить и что не всѣ любятъ льстить». Въ другой разъ она запретила своему корреспонденту называть ее «Екатериной Великой», потому что, во-первыхъ, я не люблю никакихъ прозвищъ, во-вторыхъ мое имя — Екатерина II, въ-третьихъ, я не хочу чтобы меня, какъ и Людовика находили «неудачно прозванной и, въ-четвертыхъ,—по росту я не велика и не мала». Но Гриммъ зналъ, какъ себя вести и позаботился впоследствии измѣнить только форму своего комплимента.

Въ 1780 г. англійскій посоль Гатри, приготовляясь къ рѣшающей бесѣдѣ съ императрицей, посоветовался съ фаворитомъ Потемкинымъ. Дѣло шло о приглашеніи Россіи вступить за Англію въ ея распряхъ съ Франціей.

«Я могу дать вамъ только одинъ совѣтъ» — сказалъ фаворитъ: польстите ей. Это единственное средство добиться у нея чего бы то ни было. И этимъ достигаютъ всего. Не говорите ей умныхъ рѣчей—она не будетъ васъ слушать. Обратитесь къ ея чувствамъ и страстямъ. Не предлагайте ей ни сокровищъ, ни флота Англіи; она это вовсе не желаетъ. Ей нужны похвалы и комплименты. Дайте ей то, чего она желаетъ, а она дастъ вамъ всѣ силы своего государства».

Этого мнѣнія придерживался и Иосифъ, когда онъ совѣтовалъ своей матери побороть свое отвращеніе къ Екатеринѣ и пожаловать ей орденъ «Золотого Руна», который она страстно желала. «Я думаю, что знаю Ея Величество — и тщеславіе — ея единственный недостатокъ». То же думалъ и графъ Сегюръ: «Не легко обмануть эту государыню: у ней много такту, хитрости и проницательности; но льстя ея любви къ славѣ, можно сбить съ толку ея политику и можно, безъ сомнѣнія, пользуясь тѣми же средствами, наставить ее и на путь истинный». И графъ Сегюръ широко пользовался этимъ. Во время знаменитой поѣздки Екатерины въ Крымъ, онъ, Австріецъ Кобенцель, Англичанинъ Фицъ-Герберъ и этотъ любезный космополитъ—принцъ де-Линь ежедневно взапуски соперничали между собою, разыпаясь передъ Екатериной въ любезностяхъ,—все было пущено въ ходъ и все служило имъ предлогомъ.

Однажды играли въ риѣмы. Фишъ - Герберъ, совершенный профанъ въ языкѣ музъ, сочинилъ, однако, по настоянію императрицы слѣдующую строфу:

«Je chante les auteurs, qui font des bouts-rimés 1)

А Сегюръ тотчасъ прибавилъ къ этому:

Un peu plus fols—sans doute, ils seraient enfermés,
Mais il faut respecter et chérir leur folie,
Quand'ils chantent l'esprit, la grâce et le génie! 2)

6 мѣсяцевъ позднѣе, бесѣдуя съ Гриммомъ по поводу смерти Вольтера, Екатерина высказалась:

«Съ тѣхъ поръ какъ онъ умеръ, первый поэтъ Франціи—безъ сомнѣнія графъ де Сегюръ. Я никого не знаю похожимъ на него въ данное время».

Эта была награда за четверостишіе. Она впрочемъ считала его такимъ, какъ говорила. Она вѣрила также въ искренность всѣхъ похвалъ расточаемыхъ по ея адресу. У нея нѣтъ никакого сомнѣнія на этотъ счетъ и никакого ложнаго стыда. Если она и запрещаетъ Гримму давать ей прозвище, на которое она, однако, рассчитываетъ въ глубинѣ души, что имѣетъ такое же право, какъ и Людовикъ XIV—такъ она это дѣлаетъ для того, чтобы уколоть Людовика XV, т. е. она ничего не имѣетъ противъ того, чтобы ее не только возвеличивали, но даже и обоготворяли. Въ 1772 г. Фальконеттъ прислалъ ей французскій переводъ въ общемъ очень нескладный, съ латинскаго четверостишія, гдѣ она сравнивается съ Юноной, Палладой и Венерой, она ничего не имѣла противъ этого, только ей не понравился неумѣлый переводъ. Какъ бы грубъ ни былъ комплиментъ, его принимали съ удовольствіемъ, но желали только, чтобы онъ былъ хорошо изложенъ. Въ 1717 году французскій посланникъ Жюкнѣ домогаясь у Верене напечатанія во «Французской Газетѣ» хвалебной статьи по поводу новыхъ законодательныхъ работъ императрицы, просилъ, чтобы она была изложена умно, т. е. говорилъ онъ, «мы очень разборчивы»...

Не была ли она, благодаря болѣзненному самолюбію, что весьма естественно, легко обидчива и чутка къ критикѣ.

1) Я воспѣваю поэтовъ, кропающихъ стихи.

2) Будь бы они немного безумнѣе, безъ сомнѣнія, ихъ бы засадили
Но слѣдуетъ уважать и лелѣять ихъ безуміе,
Когда они воспѣваютъ умъ, грацію и геній.

...«Отъ малѣйшихъ уколовъ страдало ея тщеславіе». Какъ бы на нашъ вопросъ отвѣчаетъ гр. Сегюръ.

Такъ какъ она была очень умна, то дѣлала видъ, что смѣется надъ ними, но видно было сейчасъ, что это былъ нѣсколько дѣланый смѣхъ.

Вотъ однако показаніе, совершенно противоположное словамъ де-Сегюра:

Въ 1787 г. знаменитый Лафатеръ выбралъ предметомъ для своихъ изученій великую государыню. Изучивъ ея фізіономію, онъ объявляетъ ея очень ординарной, стоящей гораздо ниже королевы Христіны. Екатерина приняла это очень равнодушно. «Клянусь вамъ,—пишетъ она Гриму,—что я ей нисколько не завидую!»—И ни одного горькаго слова по адресу галантнаго фізіономиста, ни малѣйшей попытки обезцѣнить его искусство. Какъ согласовать эти разнородныя мнѣнія? Вотъ какъ: казалось очень вѣроятнымъ, что эта необыкновенная женщина постоянно старалась какъ-бы раздѣлить и изолировать въ себѣ двѣ особы личности: женщину и императрицу. Какъ она достигала этого—мы совершенно не знаемъ. Но несомнѣнно, что она доводитъ это внутреннее раздвоеніе до странной выпуклости и невѣроятной тонкости. Итакъ, съ точки зрѣнія чисто-женской можно было сказать, что у нея не было никакого кокетства и претензій.

Она говоритъ просто о своей красотѣ и даже умѣ. Разговаривая съ гр. Сегюръ, она высказала однажды мысль, что если бы она не была императрицей, то парижскія дамы не находили бы особеннаго удовольствія искать ея общества, приглашая на свои ужины. Ни въ какую пору своей жизни Екатерина не старалась скрыть своихъ лѣтъ, хотя мысль о старости была ей очень непріятна; «хорошій подарокъ приносить мнѣ этотъ день!» пишетъ она въ отвѣтъ на неумѣстное напоминаніе о днѣ ея рожденія. Еще одинъ лишній годъ.

Ахъ, если бы императрицы могли всегда имѣть пятнадцать лѣтъ! Оставивъ въ себѣ личность императрицы въ сторонѣ, она готова согласиться съ Лафатеромъ, признавая себя за весьма заурядную женщину. Она охотно допустила бы, что эта верховная власть присоединилась къ ея личности совершенно случайно. Но, разъ это случайность существуетъ, она желаетъ, чтобы ей, превратившейся изъ того, чѣмъ была отъ природы, въ совершенно новое существо, не какъ дочери принцессы Цербстской, а какъ Екатерины, самодержицы всея Россіи, отве-

дено было особое мѣсто, которое благодаря своему великолѣпію и собственному величію, зоветъ, приказываетъ и оправдываетъ всяческое поклоненіе, и не терпитъ критики. Съ этой точки зрѣнія императрица считала себя неотдѣлимой отъ имперіи и имѣла о ней въ цѣломъ очень высокое мнѣніе. Поэтому ея тщеславіе было только манифестаціей громадной и, благодаря своей преувеличенности, почти безумной идеи о своемъ величій и могуществѣ, которыми она располагала.

Но эта идея, поспѣвшимъ сказать, какъ бы оспорима она ни была сама по себѣ, не была слабостью императрицы; она, весьма вѣроятно, была ея главной силой. Она была чрезмѣрна, фантастична, не соотвѣтствовала дѣйствительности, но государыня заставила ее цѣнить и кончила тѣмъ, что внушила ее всему свѣту. Это было притворство, если хотите, обманъ, но обманъ этотъ продолжался тридцать лѣтъ. Какъ достигла она этого? Какими средствами? Средствами присущими исключительно ея личности, которыя, какъ мы полагаемъ, зависѣли отъ ея характера

III.

Прежде всего необыкновенной силою воли.

«Я вамъ скажу,—пишетъ она въ 1774 г. Гримму,—что у меня совершенно нѣтъ тѣхъ недостатковъ, которые вы мнѣ приписываете, потому что я не нахожу въ себѣ и тѣхъ качествъ, въ которыхъ вы меня увѣряете. Я—быть можетъ—добра, по обыкновенію мягка, но по своему положенію вынуждена страстно желать того, чего я желаю—и вотъ, приблизительно все то, чего я стою».

Отмѣтимъ однако, что, если въ общемъ она упорна въ управленіяхъ и постоянномъ напряженіи своей природной энергіи, стремясь къ тому, чтобы «благо государство произошло», по ея выраженію, и желая этого съ необыкновенною силою, то въ отдѣльности Екатерина—само непостоянство. Желая этого блага всегда и довольно сильно, она съ поразительною легкостью мнѣяетъ свое представленіе объ этомъ благѣ. Въ этомъ отношеніи она—женщина въ полномъ значеніи слова. Въ 1767 г. она отдается вся своему «Наказу» о новыхъ законахъ, которые хочетъ дать Россіи. Этотъ трудъ, о которомъ мы будемъ говорить впоследствии и для котораго она сильно позаимствовалась у Монтескьё и Беккарія, кажется въ ея глазахъ предназначеннымъ открыть новую эру въ исторіи Россіи. Она горячо, страстно желаетъ

чтобы Наказъ былъ примѣненъ на практикѣ. Но тутъ-то и возникаютъ затрудненія, является необходимость въ уступкахъ, въ непредвидѣнныхъ неожиданностяхъ.

Послѣ этого она внезапно охладѣваетъ къ Наказу. Въ 1775 г. она сочиняетъ регламенты для управленія губерніями. И вотъ что она пишетъ: «мои послѣдніе регламенты отъ 7 ноября содержатъ двѣсти пятьдесятъ страницъ in quarto, но такъ же клянусь вамъ, что я никогда еще не составляла ничего лучше этого и что въ сравненіи съ этимъ мой Наказъ кажется мнѣ съ этой минуты болтовней». И она горитъ желаніемъ показать этотъ новый образецъ искусства своему наперснику. Меньше чѣмъ черезъ годъ—все кончено. Гриммъ не получилъ обѣщаннаго документа и, т. к. онъ настаивалъ въ оказаніи ему этой милости, она теряла терпѣніе: почему онъ такъ упорно добивается прочесть такую малоинтересную вещь? она можетъ быть очень хорошей, очень прекрасной, но очень скучна. И къ концу мѣсяца, она уже объ ней не думаетъ.

По отношенію къ людямъ, какъ и къ дѣламъ у нея были такія же внезапныя, страстныя увлеченія, приходящія съ необыкновенною стремительностію, за которыми слѣдовало разочарованіе и такой же быстрый переходъ къ полнѣйшему равнодушію. Большинство талантливыхъ людей, которыхъ она призвала въ Россію, въ томъ числѣ и Дидро, испытали это поочередно на себѣ. Проведя двадцать лѣтъ своего царствованія въ украшеніи различныхъ загородныхъ мѣстъ, которыя поочередно нравились ей, она въ 1786 г. увлекается сосѣдней съ Петербургомъ мѣстностію, непредставлявшею изъ себя ничего особеннаго. Она приказываетъ русскому архитектору Старову, ученику Петербургской академіи выстроить тамъ на скорую руку дворецъ—и пишетъ Гримму: «Всѣ мои дачи—избы въ сравненіи съ Пеллой, которая подымается, какъ Сфинксъ». Такъ какъ вообще у нея нѣтъ недостатка въ здоровомъ смыслѣ, хитрости и проницательности, то она наконецъ поняла, хотя и поздно, эту черту своего характера. «Я открыла только два дня тому назадъ—пишетъ она въ 1787 г., что я—«начинательница» по профессіи и до сихъ поръ изъ всего, что я начала, еще ничто не окончено».

Годъ спустя она пишетъ: «Для всего этого не хватало только времени, чтобы закончить все. Это похоже на мои законы и регламенты: все начато и ничто не закончено, все сдѣлано урывками». Но у нея еще осталась нѣкоторая иллюзія; она при-

бавляетъ: «если я проживу еще два года, то все будетъ закончено въ совершенствѣ». Но миновало съ лишнимъ два года, и она приходитъ къ тому заключенію, что все зависѣло не отъ времени; «никогда я такъ хорошо не сознавала, что я—прошедшее несовершенное, составленное изъ урывковъ»—объявляетъ она меланхолично; къ этому же прибавляетъ, что она глупа, какъ пробка и что она убѣдилась, что князь Потемкинъ обладаетъ большимъ умомъ для царствованія, чѣмъ она.

Скажемъ еще, что она не была бы вполне женщиной, если бы ей не приходилось иногда не совсѣмъ ясно понимать чего она хотѣла или даже совсѣмъ не понимать, что составляетъ предметъ ея—всегда очень сильнаго увлеченія. О нѣкоемъ Ваньерѣ, бывшемъ секретарѣ Вольтера, котораго ей вздумалось пригласить къ себѣ на службу и съ которымъ впоследствии она не знала что дѣлать, она писала своему *юремькѣ*: «Полно вамъ извиняться, да и мнѣ также за то, что я не знала навѣрное въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, ни того чего я хотѣла, ни чего не хотѣла, и написала поэтому о желаніи и нежеланіи. Если вы желаете, то рядомъ съ той кафедрой, которую вы мнѣ совѣтуете учредить, я воздвигну еще другую—кафедру «нерѣшительности,» для меня болѣе необходимую, чѣмъ это думаютъ!» Безъ сомнѣнія изъ этого видно, что подобный складъ ума мѣшалъ императрицѣ твердо и вполне сознательно управлять дѣлами своего государства, и въ этомъ заключается историческое значеніе Екатерины. Если ея роль и была очень значительна, то только благодаря тому (въ чемъ она и сама созналась), что ей пришлось имѣть дѣло съ молодымъ народомъ, начинавшимъ свою судьбу и вступающимъ лишь въ первый періодъ ея: въ экспансивное состояніе. Въ этомъ состояніи народъ совсѣмъ не нуждается въ руководствѣ и въ большинствѣ случаевъ онъ даже и не можетъ принять его. Онъ — *свободная сила*, которая слѣдуетъ собственному импульсу и, повинаясь ему, не рискуетъ ошибиться. Единственное несчастіе, могущее съ нимъ случиться, это — онъ можетъ заснуть. Поэтому было бы бесполезно и даже напрасно всги за руку этотъ народъ и указывать ему тотъ путь, который онъ одинъ умѣетъ найти.

Было достаточнымъ встряхивать его и ставить на ноги время отъ времени. На это Екатерина считала себя необыкновенно способной. Она была возбудителемъ и двигателемъ ужающей силы. Въ этомъ отношеніи она выдерживаетъ сравне-

ніе съ великими мужескими характерами въ исторіи. Ея душа,— какъ бы стальная пружина, всегда натянутая, вибрирующая, такого закала, который не поддается никакимъ испытаніямъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1765 г. она страдаетъ и не встаетъ съ постели; по городу ходятъ слухи о ея беременности и о приготовленіи слѣлать выкидышъ. Между тѣмъ она назначила къ концу мѣсяца большіе маневры, «лагерные», какъ тогда говорили, и объявила, что будетъ на нихъ присутствовать и дѣйствительно присутствуетъ. Въ послѣдній день во время «сраженія» она остается пять часовъ на конѣ, управляетъ маневрами, посылаетъ черезъ своего генералъ-адъютанта приказанія маршалу Бутурлину и генералу князю Голицыну, командовавшими обѣими флангами своей арміи. Генералъ-адъютантъ въ сверкающей золотомъ кирасѣ, украшенной драгоцѣнными каменьями это—легко догадаться—Григорій Орловъ. Нѣсколько мѣсяцевъ позднѣе, когда въ столицѣ произошли беспорядки, она пріѣзжаетъ въ серединѣ ночи изъ Царскаго села въ Петербургъ съ Орловымъ, Пассекомъ и съ нѣсколькими другими вѣрными друзьями. Она садится на коня и проѣзжаетъ по улицамъ города, чтобы убѣдиться, что ея приказанія хорошо исполнены и приняты необходимыя мѣры предосторожности. Въ то же время она еще не совсѣмъ оправилась послѣ кризиса болѣе или менѣе таинственной болѣзни, которую она только что перенесла, и не выносила никакой пищи. Екатерина сочла нужнымъ, однако, показать себя здоровой и веселой. Она увеличиваетъ число празднествъ и приглашаетъ французскій театръ въ Царское Село.

Упадокъ физическихъ или нравственныхъ силъ, усталость или разочарованіе—вещи для нея одинаково незнакомыя. Сила сопротивленія и импульса возрастала въ ней пропорціонально ихъ напору. Въ 1791 г., когда политическій горизонтъ покрывался тучами, она, приготовляясь къ борьбѣ со Швеціей и Турціей и опасаясь за возможный разрывъ съ Англіей, выказывала спокойную ясность и хорошее расположеніе духа, сообщавшаяся и окружающимъ. Она смѣется и шутитъ; совѣтуетъ своимъ приближеннымъ заранѣе отказаться отъ англійскихъ ликеровъ и привыкнуть къ своимъ національнымъ напиткамъ.

И какая веселось! Какой юношескій пылъ! Какое вѣчное стремленіе впередъ!

«Смѣлѣй! Впередъ!» изреченіе, которое я повторяла и въ счастливые и въ несчастные годы; и теперь, когда прошло ихъ болѣе сорока, что значитъ для меня настоящее горе въ сравне-

ніи съ тѣмъ, которое прошло». — Вотъ ея обыкновенныя фразы. Ея огромная сила воли позволяетъ ей управлять внѣшними проявленіями своихъ чувствъ, а также по своему желанію и скрывать ихъ, если они могутъ помѣшать ей, будучи довольно сильными, т. к. она далеко ни хладнокровна, ни мало воспріимчива, ни флегматична. Хладнокровіе совершенно не въ ея натурѣ.

Въ маѣ 1790 г. въ ожиданіи морской битвы со Шведами, она проводитъ цѣлыя ночи безъ сна, загоняетъ всѣхъ до изнеможенія, заболѣваетъ рожей, которую она приписываетъ своему волненію и доводитъ до того, что всѣ окружающіе, въ томъ числѣ и первый министръ Безбородко, заливаются слезами. Какъ только она узнаетъ о началѣ дѣйствій, и какъ бы плохи ни были оттуда извѣстія, она снова принимаетъ спокойный видъ и становится заразительно весела.

Она часто переживала такую лихорадку и часто заболѣвала отъ волненій «альтераціей», какъ она говорила и коликами.

Однажды Храповицкій, ея секретарь, нашелъ ее распростертую на кушеткѣ; она жаловалась на сильныя боли въ сердцѣ. «Это, безъ сомнѣнія, осенняя погода», — сказалъ онъ, — «причиняетъ нездоровье Вашему Величеству!» «Нѣтъ отвѣчаетъ она, это — Очаковъ. Крѣпость не сегодня — завтра будетъ взята; у меня часто такія предчувствія». Впрочемъ эти предчувствія часто и обманывали ее, какъ и на этотъ разъ: Очаковъ былъ взятъ приступомъ только черезъ 2 мѣсяца. Получивъ извѣстіе о смерти Людовика XVI она испытывала такое волненіе, что вынуждена была слечь. Правда, на этотъ разъ она не старается подавить и скрыть своего волненія, которое происходило не исключительно только отъ политической солидарности, но и потому, что она была очень отзывчива. Она была не только «чувствительна» въ духѣ времени, но и доступна искреннему сочувствію и состраданію. «Я забываю пить, ѣсть и спать», писала она, рассказывая о смерти своей невѣстки, послѣдовавшей въ 1776 г. «Силы мои поддерживаются, не знаю, какимъ образомъ. Бывали минуты, когда сердце мое разрывалось на части при видѣ страданій моихъ окружающихъ».

Это не помѣшало ей прибавить къ своему письму, довольно длинному, масса подробностей относительно ея текущихъ дѣлъ, даже обычныхъ шутокъ, немного, правда тяжеловѣстныхъ, которыми она охотно пересыпала свою интимную переписку, вопросовъ о «больной кишкѣ», о «горемыкѣ», описаніе шалостей ея собачекъ и проч.

Она объясняетъ, почему, предаваясь своимъ волненіямъ, она потомъ взяла себя въ руки.

«Въ пятницу я стала каменной; я, завзятая-плакса, смотрѣла спокойно какъ умирали, и не проронила ни одной слезинки. Я говорила сама себѣ: если ты заплачешь — другіе зарыдають; если ты зарыдаешь — другіе упадутъ въ обморокъ; всѣ потеряють голову и растеряются».

Она никогда не теряла головы, и, какъ утверждаетъ это въ одномъ изъ своихъ писемъ, ей никогда не приходилось падать въ обморокъ. Но когда надо было пожертвовать собой и своимъ чувствомъ, чтобы своимъ видомъ служить для другихъ примѣромъ, она на это была всегда готова.

Въ августѣ 1790 г. она серьезно думаетъ сопровождать въ Финляндію резервный баталіонъ своей арміи.

«Если бы представилась къ тому необходимость, — пишетъ она позднѣе — я положила бы голову въ послѣднемъ баталіонномъ карре. Я никогда не робѣла».

По понятіямъ нашего времени было бы простымъ обыкновеніемъ то, что она въ 1768 г. первая или одна изъ первыхъ въ столицѣ и даже во всемъ своемъ государствѣ привила себѣ оспу. Въ то же время это — считалось событіемъ, героическимъ подвигомъ, прославленнымъ всѣми ея современниками. Достаточно уже прочесть отчетъ, написанный по этому случаю самимъ прививателемъ, англичаниномъ Димсдайлемъ, выписаннымъ нарочно изъ Лондона — чтобы понять, какое важное значеніе придавали сами врачи этой операции. Нынѣ трепанация и чревосѣченіе не представляютъ такихъ затрудненій, какъ въ то время оспопрививаніе.

Екатерина протянула свою руку ланцету 26 октября 1768 г. Черезъ недѣлю она привила оспу своему сыну.

22 ноября депутаты законодательной комиссіи и всѣ высокопоставленные лица собрались въ Казанскій соборъ, гдѣ былъ прочитанъ декретъ Сената, предписывающій повсемѣстныя молебствія по этому случаю. Послѣ чего всѣ вкупѣ отправились во дворецъ принести поздравленіе и благодарность Ея Величеству. Одинъ семилѣтній мальчикъ, по фамиліи Марковъ, которому предварительно привили оспу, чтобы воспользоваться взятой у него лимфой, былъ за свои испытанія возведенъ въ дворянское достоинство и получилъ прозваніе Оспиннаго. Екатерина приняла въ немъ участіе и слѣдила за его воспитаніемъ. Его родъ, занимающій теперъ въ Россіи высокое положеніе

обязанъ своимъ счастиемъ этому предку. Докторъ Димсдайлъ получилъ титулъ барона, почетное званіе лейбъ-медика Ея Величества, чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и пенсію въ 500 фунтовъ стерлинговъ. Безусловно, что все это лишь много толку изъ-за пустяковъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя аббатъ Гальяни извѣщалъ о привитіи оспы сыновьямъ неаполитанскаго принца Санъ-Анжело, какъ о весьма важномъ и впервые совершившемся событіи въ этой столицѣ.

Въ 1768 и самъ Вольтеръ восторгался императрицей, которая привила себѣ оспу «съ меньшими церемоніями, чѣмъ монахиня совершаетъ омовеніе». Только одна Екатерина, быть можетъ, не придавала особаго значенія своему подвигу. Однако при депутатахъ, явившихся къ ней съ поздравленіями, она сочла нужнымъ принять торжественный видъ и присовокупить, что она «исполнила только свой долгъ, потому что, пастырь долженъ душу свою полагать за овцы».

Но, когда она черезъ нѣсколько дней писала генералу Брану, генералу Ливоніи, то смѣялась надъ тѣми, кто восторгался ея храбростію. «Я полагаю, что каждый уличный мальчишка Лондона обладаетъ такою храбростію».

Любопытно, что при непостоянствѣ и чрезвычайной подвижности, о которыхъ мы упоминали, обрисовывая ея характеръ, она считалась очень упрямой.

Указывая всегда на ея легкомысліе и на недостатокъ опредѣленности идей, какъ на ея слабую сторону, говоря постоянно о вѣчныхъ колебаніяхъ, которымъ подвергается ея умъ подвліяніемъ малѣйшихъ случайностей; отказывая ей даже въ рѣшимости во время испытаній—что намъ кажется вполне невѣроятнымъ—англичанинъ Гарри самъ неоднократно упоминаетъ о затрудненіи въ желаніи заставить ее перемѣнить свое мнѣніе или отказаться отъ своего проекта. Слово «упрямство» часто вырастаетъ изъ-подъ пера дипломата. Это упрямство зависитъ, безъ сомнѣнія, отъ той страстности, которую эта недюжинная женщина вкладываетъ во всѣ свои начинанія. Разъ ею овладѣваетъ какая-нибудь мысль, проектъ, комбинація, кажущіеся ей удачными, она какъ бы впивается въ нихъ зубами и ее, какъ бульдога, о которомъ она говорила однажды—легче убить, нежели отнять добычу. Она готова была довести эту идею, проектъ и комбинацію до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Между тѣмъ сама же она легко бросала тотъ предметъ, которымъ увле-

калась, для другого болѣе для нея интереснаго. Но пока она держитъ кусокъ—то держитъ крѣпко. Это въ ея натурѣ—отдаваться всецѣло настоящей минутѣ. Даже когда она играетъ въ карты по 10 руб. (50 фунт.) въ роберъ, она вкладываетъ въ игру все свое вниманіе. Она играетъ хорошо и часто выигрываетъ безъ плутовства.

Это великая труженица:

«Вы спрашиваете меня—пишетъ она Гриму, почему я не скучаю. Я скажу вамъ почему: потому что я страстно люблю быть занятой и нахожу, что человекъ тогда только счастливъ, когда онъ занятъ».

На другой день своего восшествія на престолъ она выказываетъ уже свои вкусы и способности въ этомъ отношеніи. Мы читаемъ въ письмѣ барона Бретейля отъ 28 октября 1762 г.: «царица старается дать понять, что она желаетъ управлять и работать сама. Она приказываетъ приносить себѣ донесенія иностранныхъ министровъ, ловко набрасываетъ черновики отвѣтовъ и довольно аккуратно посѣщаетъ засѣданія Сената, самовластно рѣшаетъ самые главные вопросы, относительно общаго управленія государствомъ или частныхъ интересовъ. Я знаю уже давно ея правила: необходимо быть твердымъ въ своихъ рѣшеніяхъ, лучше сдѣлать ошибку, нежели перемѣнить намѣреніе и—въ особенности—только дураки—нерѣшительны».

Предпочитаемый ею видъ труда, это—писательство. Въ этомъ тоже сказывается женщина. Въ противоположность нынѣшнимъ государственнымъ людямъ, ей было легче думать съ перомъ въ рукѣ. Въ апрѣлѣ 1764 г., когда она писала князю Рѣпнину, ей пришлось внезапно окончить письмо слѣдующей фразой: «я не могу больше вамъ писать: рука устала!» А было только половина восьмого утра, когда она начертала эти слова. Она доводила до изнеможенія своихъ секретарей, и проекты писемъ и декретовъ, которые они ей представляли, выходили изъ ея рукъ испещренные замѣтками и поправками. Ея письменныя работы не ограничивались, какъ это извѣстно, только дѣловыми экспедиціями. Она ведетъ продолжительныя и разнообразныя переписки. Она пишетъ всѣмъ, кто ее интересуетъ и о томъ, что ее занимаетъ. А что только ее не занимаетъ?! 14 апрѣля 1763 г. она пишетъ графу Разумовскому, предупреждая его въ томъ, что одинъ изъ его управителей—воръ. 21 ноября 1764 г. въ письмѣ къ князю Куракину она проситъ его принять лекарство, которое она ему рекомендовала, и если не для себя, то для

нея—какъ она любезно прибавляетъ—такъ какъ она нуждается въ его здоровьи.

2 декабря того же года она пишетъ графу Воронцову, желая побесѣдовать съ нимъ по поводу развода его дочери, графини Строгановой. Въ 1778 г. она берется первая примирить генерала Сиверса съ его женою. Она начинаетъ переговоры, назначаетъ посредниковъ, дѣйствуя поочередно то увѣщаніями, то гнѣвомъ.

Ставъ императрицей, она взяла на себя и исполняетъ, не ослабѣвая, огромный трудъ. Но въ ея характерѣ и въ ея температурѣ заложень драгоцѣнный даръ, мѣшающій ей согнуться подъ тяжестью бремени, это—веселость, веселость здоровая, могучая, покидающая ее изрѣдка съ тѣмъ, чтобы опять возвратиться къ ней такъ же скоро, какъ апрѣльское солнце; ее вызываетъ даже какой-нибудь пустякъ онъ заставляетъ заливаться звонкимъ смѣхомъ. Она весела отъ природы, что и сама говорила Циммерману, признаваясь ему въ краткомъ приступѣ иппохондрии, которую вызвала смерть Ланского, самаго дорогого для нея любовника.

Но она старалась поддерживать и развивать эту душевную склонность; она считала ее важной и возводила въ систему. «Сударыня, *надо* быть веселой», пишетъ она одной изъ своихъ друзей.—«Это единственное средство, которое помогаетъ намъ все превозмогать и все переносить. Я говорю по опыту, такъ какъ я превозмогла и перенесла многое въ своей жизни. Я смѣялась, однако, когда могла, и клянусь вамъ, что въ данную минуту при всей тяжести своего положенія, я отъ всего сердца играю по вечерамъ, когда представится случай, въ жмурки со своимъ сыномъ и очень часто безъ него. Мы оправдываемся въ этомъ, говоря: это полезно для здоровья, но, между нами будь сказано, желаемъ просто поребачиться».

«Ее смѣшила всякая нелѣпность,—говоритъ принцъ де-Линь—читата, глупость, всякій пустякъ. Этотъ-то контрастъ между простотою разговора въ обществѣ, и тѣми великими дѣлами, которыя она совершала, и дѣлалъ ее чрезвычайно интересной».

Однажды она колебалась въ вопросѣ: просуществуетъ ли дѣйствительно великій человекъ безъ извѣстнаго запаса веселости, и она склонилась къ отрицанію этого. Ея собственный запасъ до того былъ изобилень, что ничто не могло его истощить: ни заботы, ни горе, ни даже скука официальныхъ церемоній. Вотъ какъ она вывертывается отъ этого рода испыта-

ній—самыхъ ужасныхъ по ея мнѣнію. «Рецептъ, чтобы вполнѣ развеселить кого-нибудь: Возьмите паціента, посадите его одного въ двухмѣстную карету, везите его двадцать пять верстъ, заставьте выйти, отвезите къ обѣдни, чтобы онъ выстоялъ ее всю съ самага начала до конца, угостите затѣмъ двумя аудіенціями, послѣ чего пусть онъ раздѣнется, потомъ пусть ему подадутъ обѣдать съ цѣлой дюжиной лицъ—и вы увидите, что онъ будетъ очень веселъ».

Ей 63 года, когда она это пишетъ. Впрочемъ, она старается сократить эту часть своей должности, какъ императрицы до крайне необходимыхъ предѣловъ, или ввести въ нихъ элементъ развлеченія. Поѣздка ея изъ Петербурга въ Тверь въ 1785 г. въ обществѣ французскаго, австрійскаго и англійскаго посланниковъ, въ продолженіе которой иногда говорили о серьезныхъ дѣлахъ—была, несмотря на это, продолжительнымъ взрывомъ смѣха. «Хохотали съ утра до вечера»—пишетъ она Гримму. Разговаривая съ гр. Сегюромъ о продолжаемыхъ ссорахъ съ султаномъ, она придумала шуточный обмѣнъ дипломатическихъ нотъ между ея министромъ иностранныхъ дѣлъ и французскимъ посланникомъ; послѣдній долженъ былъ жаловаться на то, что, будучи взятъ по приказанію императрицы, подвергался во время насильнаго путешествія съ нею самому плохому обращенію. Было составлено даже «извлеченіе изъ секретныхъ регистровъ кабинета Ея Императорскаго Величества» и черновикъ и копія съ этого весьма пространнаго документа были написаны собственноручно самой императрицей.

Въ 1777 г. наводненіе, которое приняло размѣры катастрофы, причинило Петербургу значительныя поврежденія. Не уцѣлѣли даже императорскіе дворцы. Ураганъ, сопровождавшій напоръ воды, разбилъ всѣ окна въ Эрмитажѣ, любимомъ мѣстопребываніи Екатерины, который она создала и постоянно украшала. Сто сорокъ барокъ погибло на Невѣ передъ ея глазами.

Вотъ какъ она рассказывала объ этомъ событіи:

«Я очень рада, что вернулась изъ Царскаго Села, въ городъ. Была прекрасная погода, но я говорила: «О, будетъ гроза, потому что князь Потемкинъ и я изошрялись вчера въ выдумкахъ». Дѣйствительно въ 10 часовъ вечера вѣтеръ началъ съ того, что съ шумомъ открылъ окно въ моей комнатѣ; раньше чуть моросилъ дождичекъ; а съ этой минуты пошелъ дождь изъ всякаго сорта предметовъ: черепиць, желѣзныхъ листовъ, стекла, воды града и снѣга. Я спала очень крѣпко и была разбужена въ пять

часовъ сильнымъ порывомъ вѣтра. Я позвонила. Пришли доложить мнѣ, что вода у моихъ дверей и просить позволенія войти. Я сказала: «коли такъ, то пошлите снять часовыхъ у малыхъ дворовъ, чтобы они не погибли, загорая ея ко мнѣ доступъ». Я захотѣла посмотрѣть на все это поближе и отправилась въ Эрмитажъ; онъ и Нева представляли разрушеніе Іерусалима. Недостроенная набережная была покрыта трехмачтовыми судами. Я сказала: «Боже мой, ярмарка перемѣнила свое мѣсто. Надо будетъ, чтобы гр. Минихъ устроилъ таможду тамъ, гдѣ былъ прежде театр Эрмитажъ»... Она продолжаетъ писать въ этомъ же духѣ всѣ три страницы, шутя надъ гр. Паниномъ, который устроилъ рыбную ловлю у себя въ манежѣ, насмѣхаясь надъ тревогой своихъ приближенныхъ. Безусловно, ея оптимизмъ и обычный ей эвдемонизмъ играли роль въ такой манерѣ излагать событія, какъ и желаніе уменьшить за границей впечатлѣніе, произведенное катастрофой, потому-то и писалось Гримму въ такомъ духѣ: письма къ Гримму бывали часто въ родѣ нынѣшнихъ сообщеній агентства Гаваса; но и особенность ея темперамента и веселость много способствовали этому тону. «Веселость это—моя сила!» было ея привычкой говорить. Вся ея переписка съ «горемыкой» такъ и брызжетъ черезъ край этой веселостью, порою можно было бы сказать, что она не пишетъ, а поетъ.

«Vers la fin de ce mois je m'en vais à Moscou, et y viendra qui pourra, la la, et y viendra qui voudra ¹⁾».

Правда, что этого числа она подписывала Кучукъ-Кайнарджійскій миръ и видѣла конецъ Пугачевского бунта, но мѣсяцъ спустя она пишетъ:

«Вы знаете, что кромѣ меня въ моей свитѣ есть еще другая я, это—князь Рѣпнинъ, веселый посланникъ и превосходный компаньонъ въ путешествіяхъ, котораго я безцеремонно везу; пусть онъ напускаетъ на себя необходимую при его миссиі важность, гдѣ онъ хочетъ, только не со мною».

Отвѣчая въ томъ же духѣ, Гриммъ тѣмъ самымъ сохранилъ себѣ ея расположеніе и свое положеніе интимнаго повѣреннаго.

Разъ онъ вздумалъ было измѣнить тонъ по случаю смерти ея невѣстки, горько оплакиваемой хотя и не слишкомъ долго, между

¹⁾ Къ концу этого мѣсяца я ѣду въ Москву; пусть туда пріѣзжаетъ, кто можетъ, и пусть туда пріѣзжаетъ, кто хочетъ.

прочимъ императрицей. Она тотчасъ же призываетъ его къ порядку:

«Я никогда не отвѣчаю на іереміады; не надо думать о вещахъ, которымъ мы не можемъ помочь; мертвые остаются мертвыми; подумаемъ лучше о живыхъ».

Однако, ей очень легко растрогаться и, какъ мы видѣли, расплакаться; она плачетъ въ минуту отъѣзда своего сына Павла, когда тотъ ѣдетъ въ Финляндію присоединиться къ арміи, готовящейся помѣриться силами со шведами,—хотя она и не очень любила его. Она плачетъ при извѣстіи о смерти Грейга. Храповицкій отмѣтилъ множество аналогичныхъ случаевъ гдѣ выказалась ея чувствительность. Когда она узнаетъ, что Пѣтемкинъ приказалъ долго жить — то былъ цѣлый потопъ слезъ. Но солнце всегда недалеко. Какъ испытанія различнаго рода, такъ и годы скользили по этой натурѣ, не разстраивая ея. Вотъ письмо ея шестидесятилѣтней зимы. На немъ, быть можетъ, виднѣтся уже меланхолическій оттѣнокъ, но дѣтскія игры находятъ въ ней еще радостное сочувствіе, и жмурки еще не потеряли своихъ правъ.

«Третьяго дня въ четвергъ 9 февраля исполнилось ровно пятьдесятъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я впервые пріѣхала со своею матерью въ Москву. Думаю, что здѣсь въ Петербургѣ не найдется въ живыхъ и десяти человекъ, помнящихъ этотъ мой пріѣздъ. Во-первыхъ, Бецкій—слѣпой дряхлый, завирающійся, который спрашиваетъ у молодежи: знавали ли они Петра I; затѣмъ графиня Матюшкина, которая въ свои 78 лѣтъ отплясывала вечера на свадьбѣ; затѣмъ оберъ-шенкъ Нарышкинъ, котораго я тогда нашла камеръ-юнкеромъ, и его жена; оберъ-штальмейстеръ—его братъ, онъ еще отрицаетъ этотъ фактъ, потому что онъ доказываетъ его старость; оберъ-камергеръ Шуваловъ, который по дряхлости почти не выѣзжаетъ изъ дому; и моя старая камеръ-фрау, потерявшая память.—Вотъ большія доказательства старости и даже и этотъ мой рассказъ, быть можетъ—но, что же дѣлать! И несмотря на это, я, какъ пятилѣтній ребенокъ, до безумія люблю смотрѣть, какъ играютъ въ жмурки и во всевозможныя дѣтскія игры. Молодые люди и мои внуки говорятъ, что мнѣ надо участвовать въ этихъ играхъ для полнаго веселья и что они смѣлѣе и свободнѣе чувствуютъ себя, когда я съ ними. Стало быть это я и есть ихъ Lustigmacher.

IV.

Отличалась ли Екатерина «умомъ», въ обычномъ смыслѣ этого слова, какъ его понимаютъ французы? Она никогда не претендовала на это; а это что-нибудь уже значить.

Рѣзкая язвительность, удачные обороты, острыя словечки попадались тамъ и сямъ въ ея перепискѣ. Современники отмѣтили нѣсколько ея выраженій, достойныхъ лучшихъ мастеровъ подобнаго жанра. Графъ Кобенцель, австрійскій посланникъ, свѣковавшій въ Петербургѣ и находившійся еще тамъ во время первыхъ успѣховъ революціоннаго движенія въ Франціи, — питалъ сильную страсть къ театру подобно принцу де-Линь. Шестидесяти лѣтъ съ фигурой самаго неблагодарнаго вида и съ жестокими болями — онъ никогда не отказывался выступать на сценѣ, и побѣды Бонапарта не помѣшали ему увеличивать у себя въ отелѣ число баловъ, банкетовъ и театровъ.

«Вы увидите, сказала однажды императрица, что онъ прибегаетъ намъ самую лучшую пьесу ко дню вступленія французовъ въ Вѣну».

Вообще въ «умѣ» Екатерины чувствовалось его нѣмецкое происхожденіе и вліяніе тѣхъ мало избранныхъ обществъ, которыя она часто посѣщала. Иногда тривіальный, онъ рѣдко становился дѣйствительно остроуміемъ. Она любила игру словъ и не брезала и каламбурами.

Въ 1793 г. передъ аудіенціей испанскаго посла, по фамиліи Ониксъ, она сказала своему секретарю: «сегодня мнѣ представятъ Agat-Onix и его жену Sard-Onix».

Что поражаетъ въ ея словахъ — такъ это сила, иногда рѣзкость, а вовсе не мѣткое выраженіе.

Послѣ смерти несчастнаго Іоанна Брауншвейгскаго, тоже убитаго въ своей темницѣ, она обнародываетъ манифестъ довольно неудачно составленный и такъ какъ м-мъ Жоффренъ высказала по этому поводу опасенія, она отвѣчала:

«У васъ злословятъ насчетъ этого манифеста, также злословили и Бога, а у насъ злословятъ иногда французовъ; не менѣе достоверно и то, что этотъ манифестъ и голова преступника заставятъ замолчать всѣ эти злословія».

Маркизу же Опиталю, осмѣлившемуся сказать ей однажды, что у нея сумасбродная голова, она возразила: «а что вы предпочитаете, имѣть сумасбродную голову или говорить вздоръ?»

Своимъ придворнымъ, постоянно поносившимъ другъ друга, она сказала:

«Если бы я вамъ вѣрила—ни одного не осталось бы не заслуживающаго смертной казни».

Она придавала своей рѣчи оригинальный оборотъ, часто употребляя русскія народныя пословицы и поговорки.

Когда князь Люксембургскій вздумалъ, наперекоръ Понятовскому, домогаться польской короны и расположенія у императрицы, то своему посланнику въ Варшавѣ, извѣщавшему ей объ этомъ, она приписала въ низу его донесенія: «Коровѣ сѣдло не пристало».

Вообще у нея былъ практическій умъ; въ основаніе его были заложены украшавшіе его добродушіе и могучая веселость; и его не заслоняли забавныя шутки, легко доходящія до шутовства. Вся ея переписка съ Гриммомъ носить на себѣ отпечатокъ англійскаго юмора, а не того остроумія XVIII вѣка, начало которому положилъ Вольтеръ.

V.

Была ли Екатерина образована? Она часто утверждала, что ничего не знаетъ; «она дѣлаетъ это для того, чтобы насмѣхаться,—пишетъ де-Линь—надъ докторами, недоучками и лжезнатоками искусства живописи и музыки. Я соглашался съ ней, что она не понимала въ живописи и музыкѣ и разъ доказалъ ей, даже помимо ея желанія, что и въ архитектурѣ у нея былъ весьма посредственный вкусъ.»

«Признайтесь,—сказала она мнѣ однажды, показывая свой новый дворецъ въ Москвѣ,—что эта амфилада великолѣпна!»

«Это — отвѣтилъ я ей — было бы красиво для госпиталя, но для дворца—имѣетъ очень жалкій видъ».

Берлинской Академіи, предложившей ей въ 1768 г. званіе почетнаго члена, императрица скромно отвѣтила:

«Все мое знаніе ограничивается убѣжденіемъ, что всѣ люди—братья!»

Однако, когда англійскій посоль Гарри удостоился сопровождать Ея Величество на прогулку, то онъ былъ пріятно удивленъ обширностью знаній, такъ неожиданно проявленныхъ императрицею относительно *конституціи и законовъ ея страны*. Когда же, поговоривъ нѣкоторое время объ англійскихъ садахъ, она перешла на сочиненія Блэкстона, дипломатъ скоро почувствовалъ себя не въ состояніи говорить на эту тему. Однако этотъ послѣдній, называемый впоследствии лордомъ Мальмебери, былъ не первый

встрѣчный. Правда, что у него, можетъ, не было времени въ теченіе своего посольства старательно перечестъ многотомное сочиненіе англійскаго законовѣда, а Екатерина была читательницей, къ которой въ совершенствѣ можно было бы примѣнить латинское изреченіе: *Timeo hominem unius libri*, потому что она относилась къ авторамъ хорошимъ и дурнымъ такъ же, какъ къ людямъ и дѣламъ: она отдавалась всецѣло той книгѣ, которую держала въ рукахъ. Ея разговоръ съ Гарри происходилъ въ 1779 г. Въ то время она увлекалась Блэкстономъ (о чемъ свидѣлствуютъ ея письма къ Гримму). Точно также она увлекалась раньше и Монтескьё и будетъ увлекаться потомъ Сенакъ де Мейланомъ или Мерсье.

Что касалось до выбора въ чтеніи—то ею руководили, помимо одной жажды къ чтенію, и другія соображенія. Кавалеръ Д'эонъ писалъ графу Брогли въ 1762 году.

«Императрица имѣетъ большое пристрастіе къ чтенію. Въ большую часть своего времени послѣ замужества она занята поглощеніемъ книгъ новѣйшихъ французскихъ и англійскихъ авторовъ, написавшихъ лучшія сочиненія о нравственности, природѣ и религіи. Достаточно какой-нибудь книги быть осужденной во Франціи, чтобы она тотчасъ же ее вполнѣ одобрила. Она не разстается съ сочиненіями Вольтера съ «L'esprit» Гельвеція и съ «энциклопедіей» Жанъ-Жака-Руссо. Она чванится своей отвагой, вольнодумствомъ и философскими взглядами—однимъ словомъ это—*маленькая ученая съ темпераментомъ.*»

Маленькая ученая съ темпераментомъ! Кавалеръ однимъ взмахомъ пера опредѣлилъ ту связь, которую и мы сами подразумеваемъ, между интеллектуальнымъ развитіемъ Екатерины и мало назидательными примѣрами ея интимной жизни. Мораль Гельвеція и послужила связующимъ звеномъ между другомъ философовъ и созидательницей открытаго фаворитизма.

Но какъ бы то ни было, прочитавъ много въ теченіе вынужденнаго досуга за 18 лѣтъ царствованія Елизаветы и шести мѣсяцевъ Петра, она продолжала читать и потомъ во все свободное время, какъ только позволяли ей ея новыя занятія.

Въ 1789 г. она обмѣнивается съ гр. де-Сегюромъ любопытными литературными новостями. 11 января этого года, по словамъ Храповицкаго, она посылаетъ французскому дипломату *Les mémoires pour servir à l'histoire de Charles II* (?) и рекомендуетъ ему и другія произведенія, которыя сама не успѣла прочесть, т. к. все ея время поглощено политикой: записки Монлюка и

Графъ Григорій Григорьевичъ
ОРЛОВЪ.

Портретъ печатается въ первый разъ.

записки Вильбуа. Недѣлю спустя, благодаря затишью политики, она читаетъ до шести томовъ въ день и хвастается этимъ.

«По крайней мѣрѣ скажутъ, что мнѣ есть что читать», замѣчаетъ она Храповицкому.

«Весь свѣтъ это давно знаетъ» — отвѣчаетъ тотъ.

Императрица даритъ любезной улыбкой ловкаго царедворца. «Правда, что говорить это?»

Временами она читаетъ Клариссу и другіе романы.

Разумѣется, она не въ состояніи ни вникнуть, ни усвоить себѣ прибрѣтенныя свѣдѣнія изъ шести томовъ, прочитанныхъ въ одинъ день. Ея образованіе окончилось, какъ и началось и напоминало ея политику: Оно тоже «состояло изъ обрывковъ». Ея эрудиція заключалась въ случайныхъ знаніяхъ съ большими пробѣлами. Познанія по географіи были весьма плачевны.

Въ 1787 г. послѣ поѣздки въ Крымъ она спрашивала Храповицкаго, какія рѣки служатъ границей между Россіей и Турціей. Въ то же время она интересовалась числомъ градусовъ долготы, занимаемыхъ ея государствомъ. Ей сказали ихъ число.

«Но это же число вы мнѣ приводили и до присоединенія Крыма и Бѣлоруссіи». Она не поняла, что прибрѣтеніе этихъ губерній нисколько не измѣнило ея государства относительно градусовъ долготы.

Исторія, быть можетъ, изъ всѣхъ отраслей науки одна изучалась ею съ большимъ стараніемъ; но и отсюда она прибрѣла только поверхностныя знанія. Что же касается ея безсильныхъ желаній самообразованія, ея попытокъ въ историческихъ изслѣдованіяхъ и изысканій въ области сравнительной этнографіи и лингвистики, то они доходятъ до смѣшного. Она вноситъ въ нихъ всю свою наивность диллетанта и кромѣ того свой главный недостатокъ ума: неотступность предвзятаго рѣшенія или мысли.

Бросившись со всею горячностью за поисками гадательной распространимости славянской расы по цѣлому свѣту, преслѣдуя съ большимъ рвеніемъ воображаемыя развѣтвленія, которыя она открываетъ на обоихъ континентахъ, — она доходитъ до того, что видитъ славянъ вездѣ — даже въ Америкѣ. Ей кажется, что Перу, Мексика, Чили — населены славянскими колоніями, и полны мѣстностей, у которыхъ названія имѣютъ славянскіе окончанія или корни. Она ихъ видала даже во Франціи: на примѣръ слово «Перигоръ» ей кажется составленнымъ изъ трехъ славянскихъ слоговъ.

Ея цитаты въ большинствѣ случаевъ невѣрны и часто странно перепутаны. Въ письмѣ къ княгинѣ Дашковой она приписываетъ г-жѣ Дезюмьеръ слѣдующее стихотвореніе:

«Je suis charmé d'être né ni Grec, ni Romain,
Pour garder encore quelque chose d'humain»,

обвиняя такимъ образомъ бѣдную Антуанету де-Лижье и Корнейля, написавшаго:

Je rends grâces aux dieux de n'être pas Romain,
Pour conserver encore quelque chose d'humain.

Наконецъ начало образованія, которымъ она обязана м-elle Кардель и Prüfungen скучнаго Вагнера, казалось, какъ было, такъ и осталось посредственнымъ.

Она постоянно вставляетъ въ свою французскую рѣчь нѣмецкія фразы, которыя тоже свидѣтельствуютъ о недостаточномъ знаніи своего родного языка. Она дѣлаетъ въ нихъ массу ошибокъ и болѣе синтаксическихъ и этимологическихъ, нежели по орфографіи. Она обыкновенно смѣшиваетъ *mir* и *nich*. Съ русскимъ языкомъ было не лучше; она какъ бы стыдится его и извиняется передъ однимъ изъ своихъ секретарей. „Не смѣйтесь надъ моею орфографіей; я объясню вамъ, почему я не могла ее лучше изучить. По моемъ пріѣздѣ въ эту страну я начала съ большимъ стараніемъ учиться русскому языку; но моя тетка Елизавета, узнавъ какому злу я предавалась, велѣла позвать мою гофмейстерину и приказала ей положить конецъ этимъ занятіямъ: «она и безъ этого достаточно учена», сказала она ей. Съ тѣхъ поръ я могла продолжать свое образованіе сама только по книгамъ, будучи лишена учителей».

Но она приобрѣла кое-что получше знанія русской орфографіи; она усвоила и въ совершенствѣ изучила сама духъ русскаго языка, его обиходныя выраженія и своеобразные обороты живой рѣчи. вмѣстѣ съ духомъ языка она приобрѣтила и духа народа. Это приобретеніе помогло ей такъ побѣдоносно завоевать себѣ все свое государство; здѣсь подразумѣвается не только власть, вырванная у слабого, трусливаго и безумнаго Петра но и то мѣсто, которое эта нѣмка завоевала къ концу своей жизни и въ особенности послѣ своей смерти въ жизни, въ исторіи, въ національномъ развитіи чуждой и враждебной ей расы. Можно сказать, что въ особенности послѣ своей смерти она стала такой, какою представляемъ ее себѣ сейчасъ: великой личностью, колоссальной и въ то же время лучезарной, величе-

ственной и милостивой, передъ которой сѣлоняются въ одинаковомъ порывѣ благодарности, гордости, любви—простой мужичокъ и ученый, стяхнувшій пылъ съ воспоминаній и легендъ уже вѣковой старины. Когда она умерла—ея смерть не оплакивали въ Россіи; едва прочувствовали это. Тогда еще не успѣли ее понять, и число тѣхъ, къмъ она могла быть понятой, было очень незначительно. Но, она все же воплотилась въ душу народа и историческую совѣсть. И это воплощеніе должно было оживать въ потомствѣ при трогательномъ воспоминаніи о великихъ дѣлахъ совершенныхъ при ней и ею самой; при воздаваемыхъ посмертныхъ почестяхъ этой несравненной государынѣ, не только какъ Екатеринѣ Великой, но такъ же и въ особенности, какъ «матушкѣ», чей популярный портретъ проникъ даже въ крестьянскую избу и виднѣется тамъ въ красномъ углу рядомъ съ чтимой иконой.

Ея общее превосходство сказалось и въ этой способности проникать и усваивать себѣ скорѣе сущность вещей, нежели ихъ форму.

Если ей и приходилось цитировать Корнейля вкривь и вкось, она все же умѣла взять у французскихъ писателей кое-что лучше ихъ словъ: мысли; и изъ нихъ она въ большинствѣ случаевъ выбирала самыя лучшія. У нея были и свои собственные, которыя не заслуживаютъ пренебреженія. Мы попытаемся сдѣлать ихъ краткій анализъ.

Идеи и принципы.

I.

Съ подобнымъ характеромъ, который мы разбирали, Екатерина, безъ сомнѣнiя—женщина безъ принциповъ, въ особенности безъ непреложныхъ принциповъ и твердо установленныхъ идей. Ея идеи—*idées fixes*—онѣ у нея часто бывають и не могутъ назваться твердо установленными. Это—не путеводныя звѣзды въ ея жизни, это—кометы. Любопытно, что эта нѣмка страшилась доктринерства и доктринеровъ, систематическихъ умовъ и людей системы. «Вольтеръ, мой учитель,—пишетъ она—запрещаетъ отгадывать, потому что тѣ, кто пускается отгадывать, любятъ составлять системы, хотятъ включить туда *vas past und nicht past*, потомъ самолюбiе свое превращають въ любовь къ системѣ, порождающей упрямство, нетерпимость,

преслѣдованіе— всю эту дрянъ, остерегаться которой проповѣдовалъ мой учитель».

Доктринеры для нея шарлатаны, а составители системъ — изобрѣтатели воздухоплавательныхъ шаровъ. Въ воздушные шары она не вѣрила и ставила на одну доску и Сень-Жермена, и Монгольфьера, и Каліостро. Она остерегалась, также знатоковъ дѣла и профессионаловъ; тотъ, кого мы теперь называемъ карьеристомъ, былъ для нея синонимомъ «совершеннаго дурака». Она возмущалась всегда учеными «die verrückerte Häupter». Въ большинствѣ случаевъ, все, что они дѣлаютъ и пишутъ — подбито вѣтромъ, пусто и темно. Она не выносила присланнаго ей бюста Вольтера, исполненнаго Гудономъ, потому что ея учитель, казалось, былъ украшенъ парикомъ.

Въ дипломатіи, какъ въ политикѣ, такъ и во всемъ она ставила выше всего импровизацію. По ея мнѣнію даже въ военномъ искусствѣ не требовалось ничего другого. Она находить весьма естественнымъ, что Алексѣй Орловъ, вступивъ впервые на корабль, сталъ, какъ настоящій морякъ, командовать адмиралами, заслужившими чинъ и репутацію въ англійскомъ флотѣ, и одержалъ, благодаря исключительно себѣ, блестящую морскую побѣду.

Это—империчка. Ея знаменитая фраза: «вся политика основана на трехъ словахъ: обстоятельство, догадка и случай» — доказываетъ это.

Ненавидя и презирая медицину и докторовъ, она вѣрила въ такъ называемыя, «бабьи средства», пользовалась ими сама и лѣчила другихъ. «Доктора и самые ловкіе хирурги» — настоящіе скоты: въ 1783 г. они допустили издохнуть одну особу, прожившую тридцать три года при ней! Слова «болѣзнь» и «докторъ» стали синонимами въ ея глазахъ. «Бестужевскія капли» — вотъ драгоценное, универсальное средство! «Я не знаю, изъ чего составлены эти капли, — говоритъ она — «знаю только что въ нихъ входитъ ржавое желѣзо. Ихъ даютъ часто вмѣсто хины; я же ихъ даю безъ всякаго разбора». Въ 1789 г. страдавъ желудочными коликами, она радовалась, что вполнѣ вылѣчилась отъ нихъ, благодаря Петербургскому митрополиту Петрову, посовѣтовавшему ей обложить все тѣло подушками, насыпанными ромашкой.

Однако она же писала и это:

«Счастіе и несчастіе принадлежатъ, по-моему, къ одной категоріи (sic). Какъ одно, такъ и другое есть ничто иное, какъ

конфликтъ большого количества справедливыхъ и ложныхъ мѣръ».

Это изреченіе доказываетъ, что Екатерина не была систематичной даже въ своемъ презрѣннн къ системамъ.

Съ другой стороны, при своемъ непостоянствѣ въ области мысли и умозрительныхъ заключеній, она все же имѣла нѣсколько твердыхъ убѣжденій.

«Одно вѣрно,—писала она за нѣсколько лѣтъ до своей смерти,—что я никогда ничего не предпринимала, не убѣдясь предварительно, что все, что я дѣлала—было согласно съ благомъ моего государства. Это государство сдѣлало для меня безконечно многое, и я думаю, что моихъ индивидуальныхъ способностей, направленныхъ къ благу, процвѣтанію и высшимъ интересамъ этого государства, едва ли достаточно для того, чтобы я могла поквитаться съ нимъ».

Къ этому сознанию своего долга она присоединяетъ возвышенное чувство отвѣтственности передъ высшимъ судомъ, единственно чью компетенцію она признаетъ надъ собой. Этотъ судъ—не Того, Кто «повелѣваетъ царямъ прославлять себя». Она слишкомъ много читала Вольтера и не достаточно Босюэтта.

«Только потомство имѣетъ право судить меня; къ нему я и апеллирую: я могу смѣло указать ему на то, что я нашла и что я оставляю».

Во время пребыванія Фальконэтта въ Петербургѣ, между нимъ и Дидро завязалась спорная переписка по поводу того значенія, какое артистъ долженъ имѣть у этого самаго, посмертнаго суда. Дидро защищалъ верховный авторитетъ его, а Фальконэттъ увѣрялъ, что художникъ долженъ согласоваться только съ приговоромъ своей собственной артистической совѣсти.

«Будете ли вы настолько «мужчиной»,—писалъ тогда Дидро своему другу—чтобы согласиться передать рѣшеніе нашего спора суду моей благодѣтельницы? Берегитесь только, мой другъ; эта женщина опьянена чувствомъ безсмертія, и я ручаюсь вамъ что она повергается ницъ передъ воображаемымъ потомствомъ».

Фальконэттъ согласился на судъ, присовокупивъ, что, каково бы ни было ея рѣшеніе—оно не заставитъ его измѣнить свое мнѣніе. «Найдите мнѣ на землѣ сильную власть, могущую отнять у меня мою фізіономію, не отнимая головы—и я признаю тогда, что я не правъ». Мы ничего не знаемъ объ исходѣ этого спора.

Одинъ пунктъ, на которомъ Екатерина оставалась неизмѣнна—это желаніе придать своему царствованію національный, чисто

русскій характеръ, и которому она пытается дать перевѣсъ вообще въ политикѣ, интеллигентномъ и нравственномъ развитіи славянскаго народа, судьбой, котораго она, нѣмецкая принцесса, призвана была управлять. Не только ея административныя и законодательныя дѣйствія, но и ея малѣйшіе поступки, даже жесты—носятъ отпечатокъ этого постоянного стремленія. Фальконетту пришлось воевать съ ней за то, что онъ не одѣлъ Петра I въ тотъ національный русскій костюмъ, который царь такъ усердно старался изгонять изъ своего государства.

Екатеринѣ очень хотѣлось, чтобы позабыли объ этой характерной чертѣ въ исторіи великаго реформатора. Она хотѣла также, чтобы на многіе историческіе факты въ настоящемъ и прошломъ ея второй родины смотрѣли не по ихъ дѣйствительности, а согласно тому представленію, которое она имѣла сама и навязывала его другимъ объ этой странѣ, обширной горизонтами, благоприятными полету ея воображенія.

Она дошла на примѣръ до того, что пожелала передѣлать все старинное Московское княжество.

Когда въ 1790 г. Сенакъ де-Мейланъ предложилъ ей себя въ исторіографы великаго государства, она колебалась согласиться на это: сумѣетъ ли онъ отрѣшиться отъ тѣхъ «предразсудковъ», которые питаетъ къ Россіи большинство иностранцевъ? которые думаютъ даже, что до Петра Великаго эта страна не имѣла ни законовъ, ни администраціи; правда, что смуты, послѣдовавшіе за смертію царя Ивана Васильевича *отодвинули Россію лѣтъ на 40—50 назадъ, но до этого времени Россія ни въ чемъ не отставала отъ остальной Европы; русскіе великіе князья принимали самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ Европы и были связаны узами родства со всеми царствующими домами нашего полушарія.*

Бѣдный Сенакъ сразу отчаялся справиться съ такой задачей; но Екатерина твердо была убѣждена въ этомъ; она писала Гримму: «ни одна исторія не произвела болѣе лучшихъ и величайшихъ людей, чѣмъ наша (она употребила слово *наша* въ смыслѣ русской исторіи). Я до безумія люблю эту исторію». Она подразумѣвала, конечно, что примется въ расчетъ и ея собственное царствованіе—«потому что въ данное время мы далеки отъ того, чтобы уменьшать славу дѣяній и событій; скорѣе мы готовы поддерживать ее въ умахъ». Согласился ли Сенакъ позволить руководить собой въ этомъ направленіи?

На всемъ этомъ видно отраженіе того безмѣрнаго преувеличенія, которое она придавала въ своемъ воображеніи госу-

дарству, ставшему такъ неожиданно ея достояніемъ, ея вещью. И мы открыли еще новую неподвижную звѣзду на ея небосклонѣ. Это гиперболическое понятіе о величинѣ, приписываемой всему существующему строю національнаго достоянія, какъ въ настоящемъ, такъ и въ прошломъ Россіи; ея протяженію, какъ и ея населенію; ея экономическимъ силамъ, какъ и ея нравственной оцѣнкѣ; ея перевѣсу въ славянскомъ мірѣ, какъ и ея роли въ Европѣ—это одно изъ всѣхъ понятій, съ которымъ Екатерина не расстаётся никогда, и которое оказало на нее наибольшее вліяніе. Въ этомъ отношеніи, казалось, что она страдала помѣшательствомъ; она галлюцинировала этой колоссальной выдумкой и была загнипнотизирована ею. Какъ бы ни было высоко ея мнѣніе о самой себѣ, о своихъ заслугахъ и о высокихъ дѣяніяхъ, прославившихъ ея царствованіе и какъ бы она ни хотѣла, чтобы и всѣ держались того же мнѣнія—она все же, не колеблясь, унижаетъ себя путемъ сравненія: «Все, что я могла сдѣлать для Россіи—только капля воды въ морѣ». Да, Россія это море—цѣлый океанъ неизмѣримыхъ глубинъ, съ берегами, теряющимися изъ виду гдѣ-то въ пространствѣ. Вотъ поэтому-то Екатерина и рѣшилась потопить въ его водахъ свое прошлое, даже воспоминаніе о своей нѣмецкой родинѣ; хотя она еще въ 1782 г., жалуясь на султана Абдулъ-Гамида, и пишетъ Гримму: *Das ist unmöglich dass ich mir sollte auf die Nase spielen lassen!* ¹⁾ «Вы знаете, что нѣмецъ никогда не допуститъ этого».

Это часто случалось съ ней благодаря живости ея ума, такъ какъ она и сама сознавалась, что иногда не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, чего хочетъ или что говорить, въ особенности же когда она съ перомъ въ рукѣ бесѣдуетъ со своимъ интимнымъ повѣреннымъ въ минуты полного отдыха отъ подавляющаго бремени своей тяжелой должности. Но она весьма добросовѣстно примѣнила къ себѣ свою руссофильскую программу и стала русской съ головы до пятъ, не только по внѣшности или благодаря искусству хорошей актрисы, но искренне, глубоко, стала русскою и духомъ и плотью и въ своемъ безыскусственномъ разговорѣ, въ своихъ ординарныхъ привычкахъ и въ задушевныхъ мысляхъ.

Слѣдующія строки никѣмъ не были прочитаны до самой ея смерти:

¹⁾ Это невозможно, чтобы я допустила водить себя за носъ!

«Никогда вселенная не производила челоѡѡка болѡе мужественнаго, положительнаго, откровеннаго, челоѡѡчнаго, добродѡтельнаго, великодушнаго, нежели Скифъ. («Скифъ» и «русскій») — синонимы въ ея понятіи). Ни одинъ челоѡѡкъ (другой расы) не сравнится съ нимъ въ правильности, красотѡ его лица, въ свѡѡжести его кожи, въ ширинѡ его плечъ, строеніи и ростѡ; у него обыкновенно дородное, сильное тѡлосложеніе, широкая борода, густые длинные волосы; онъ по природѡ далекъ отъ всякой хитрости и притворства; его прямодушіе и честность защищаютъ его отъ пороковъ. Нѡтъ ни одного коннаго, пѡхотинца, моряка, земледѡльца — равныхъ ему. Ни одинъ челоѡѡкъ не питаетъ такой сильной нѡѡжности къ своимъ дѡтямъ и близкимъ, какъ онъ; у него врожденная уступчивость по отношенію родителей и старшихъ. Онъ быстръ, точенъ въ повиновеніи и вѡренъ».

Это почти бредъ! Кажется что подобное пристрастное описаніе вызвано было личными воспоминаніями. Съ теченіемъ времени та любовь, которую нѡскольکو русскихъ внушили ей къ Россіи сдѡбалась идеальнѡе, чище и глубже.

Не забудемъ, что среди идей, которымъ она оставалась вѡрна въ теченіе своего царствованія, самой главной считалась — это греческій проектъ. Мы видимъ ее съ 1762 года занятой ею, прислушивающейся ко внушеніямъ Миниха; этой же идеей она поглощена до самой своей смерти. Это была прекрасная мечта, хотя нѡскольکو фантастична: воскрешеніе Греціи, освобожденіе южныхъ славянъ смѡшивалось въ ея воображеніи съ другими столь же заманчивыми видѡніями хотя и менѡе безкорыстными: Константинополь, открывающій свои врата христіанству, въ лицѡ русского войска; полумѡсяцъ на Св. Софіи замѡщенный двойнымъ греческимъ крестомъ, упирающимся на императорскаго двуглаваго орла. Поэтому-то и второй сынъ Павла назывался Константиномъ, а не Петромъ или Иваномъ; поэтому и кормилицей у него была гречанка, а слугою грекъ, ставшій впоследствии важной особой: графомъ Курута. Существовалъ также греческій кадетскій корпусъ и вновь основалась греческая епархія въ Херсонѡ, вѡренная болгарину Евгению; были вычеканены медали съ символическими внушительными изображеніями. На одной сторонѡ изображена императрица, на другой — Константинополь въ пламени, минаретъ обрушающійся въ море и наверху крестъ, сіяющій въ облакахъ. Чтеніе журнала Храповицкаго не менѡе наставительно по этому предмету.

17 августа 1782 года рассматривается секретный проект Потемкина о взятіи Баку и Дербента. Для этого надо было воспользоваться волненіями въ Персіи и при помощи другихъ завоеваній закруглить провинцію, которую назовутъ Альбаніей и которая послужитъ временнымъ удѣльнымъ княжествомъ для великаго князя Константина. 21 апрѣля 1788 г. поднимается вопросъ о Молдавіи и Валахіи; эти провинціи должны оставаться независимыми, чтобы послужить основаніемъ для будущей Дасіи, т. е. для будущей греческой монархіи. 9 октября 1789 г. кончаютъ съ подробностями. Греки нуждаются въ томъ, чтобы ихъ «встряхнули»,—Константинъ можетъ взять на себя этотъ трудъ. Этотъ мальчикъ съ великимъ будущимъ. Въ тридцать лѣтъ онъ легко проѣдетъ изъ Севастополя въ Константинополь.

Вотъ приблизительно все, что было самага устойчиваго въ воззрѣніяхъ Екатерины на положеніе вещей въ этомъ мірѣ. Попробуемъ разсмотрѣть остальные идеи.

II.

Это хаосъ, въ которомъ надо разобраться. Хаосъ грандіозный по размѣрамъ, но и настолько же и беспорядочный. Для того, чтобы разобраться въ немъ, къ счастью намъ можетъ послужить, какъ руководство, еще автобіографическій опытъ, нѣчто въ родѣ отчета передъ своей совѣстью, написанный Екатериной въ 1789 году.

«Если мой вѣкъ боялся меня—читаемъ мы—то былъ глубоко неправъ. Я никогда и никому не хотѣла внушать страха; я желала бы быть любимой и уважаемой по заслугамъ и больше ничего. Я всегда думала, что на меня клеветуютъ, потому что меня не понимаютъ. Я часто встрѣчала людей, бывшихъ безконечно умнѣ меня. Я никогда и никого не презирала, ни ненавидѣла.

Мое желаніе и мое удовольствіе были—сдѣлать всѣхъ счастливыми. Мое честолюбіе, конечно, не было злымъ и, быть можетъ, я слишкомъ много взяла на себя, считая людей способными сдѣлаться разумными, справедливыми и счастливыми. Я цѣнила философію, потому что моя душа была всегда истинно республиканской. Я согласна, пожалуй, что подобное свойство души составляетъ страшный контрастъ съ моею неограниченною властію, но никто въ Россіи не обвинить меня въ злоупотребленіи этой властію. Я люблю изящныя искусства единственно

по природной склонности Относительно своихъ сочиненій — скажу, что смотрю на нихъ, какъ на пустяки. Я люблю дѣлать различнаго рода опыты письма. Мнѣ кажется, что все, написанное мною—довольно посредственно; къ тому же я не приписываю этому никакого другого значенія, какъ только доставляемаго себѣ этимъ удовольствія. Что касается моей политики, то я старалась слѣдовать тѣмъ планамъ, которые казались мнѣ самыми полезными для моей страны и наиболѣе сносными для людей. Если бы я узнала другіе—лучшіе, я примѣнила бы ихъ. Если мнѣ и платили неблагодарностью, то по крайней мѣрѣ никто не скажетъ, что я сама была неблагодарной. Часто я мстила своимъ врагамъ тѣмъ, что дѣлала имъ добро или прощала ихъ. Человѣчество вообще имѣло во мнѣ друга, котораго нельзя было уличить въ измѣнѣ ни при какихъ обстоятельствахъ». Въ этомъ отрывкѣ, какъ и во всемъ и всегда у Екатерины много здраваго смысла; но здѣсь видно и ея самодовольство. Очевидно, что Екатерина была увѣрена, что не измѣнила въ теченіе всей своей жизни четыремъ правиламъ поведенія, которыя намѣтила себѣ и въ 1789 г. предписывала также и Потемкину: быть чрезвычайно честнымъ, скромнымъ, привязчивымъ и благодарнымъ. Она приписывала себѣ и другія заслуги и качества, кромѣ одного, скромно отрицаемаго ею—качества хорошаго писателя.

Этотъ 1789 годъ, ясно, былъ для нея эпохой сосредоточенія, обдумыванія своего историческаго прошлаго и полного отчета въ этомъ передъ судомъ своей совѣсти. Результатъ показался ей удовлетворительнымъ. Была ли она искренна сама съ собой? Это весьма вѣроятно. Настолько искренна, что 6-го іюля 1791 г. въ самый разгаръ второй турецкой войны, начатой исключительно изъ-за ея честолюбія, поддерживаемой всецѣло ея энергической волей, она писала слѣдующее: «Бога войны у меня нѣтъ въ сердцѣ. Я никогда ни на кого не нападала, но защищаться сумѣю». Она, какъ женщина, воображала себѣ и хотѣла заставить вѣрить этому и другихъ, что Польша первая начала войну 1772-го года, и что, взявъ черезъ двадцать лѣтъ Варшаву, Суворовъ только защищалъ Петербургъ. Разслѣдуемъ наиболѣе выдающіеся пункты въ ея исповѣди. Она цѣнила философію—говоритъ она. Быть можетъ она слишкомъ склонна была смѣшивать философію съ философами, къ тому же и эти послѣдніе не всегда пользовались у ней одинаковыми симпатіями. Графъ Гюленбергъ сказалъ ей, что у нея философскій умъ. Вольтеръ

повторилъ ей тоже самое и она кончила тѣмъ, что повѣрила этому. О ней уже было сказано, что это одно изъ ея постоянныхъ заблужденій. Въ дѣйствительности ея умъ былъ практическимъ и, казалось, неспособнымъ къ отвлеченному мышленію. Свои идеи она всегда согласовала со всѣми интересами. Остановливалась ли она когда-нибудь на какой-либо отвлеченности? Ея философскіе взгляды, встрѣчавшіеся въ видѣ изрѣченій, между прочимъ довольно рѣдко, въ ея перепискѣ и разговорахъ, имѣютъ все же не отвлеченное значеніе; на примѣръ, въ томъ мѣстѣ, когда она, какъ бы предвидѣла высшій законъ, который согласно современной социологической науки управляетъ человечествомъ.

Глядя, однажды, въ окно послѣ сильной грозы на летающихъ галокъ и воронъ, она сказала: «Какъ онѣ радуются надеждѣ добыть червей и лягушекъ, выгнанныхъ дождемъ изъ-подъ земли!» и прибавила «всѣ пожираютъ другъ друга на этомъ свѣтѣ!» какъ и другое ея изрѣченіе, гдѣ обрисовываетъ хорошій портретъ своихъ придворныхъ.

«Сужденія придворныхъ обыкновенно принадлежать къ тому сорту, который заслуживаетъ наименьшее вниманіе; эти господа, хотя и задираютъ носъ кверху — очень близоруки: они похожи на тѣхъ, кто стоитъ у подножія башни: предметы, находящіеся наверху и видны съ высоты птичьяго полета, обыкновенно ускользаютъ изъ ихъ кругозора».

Въ идеяхъ философскихъ, въ прямомъ значеніи этого слова, у нея былъ недостатокъ; каковы же были ея религіозныя убѣжденія? Это загадка! Само собой разумѣется, что мы не говоримъ о ея религіи въ дѣтствѣ: это вещь забытая, вычеркнутая изъ памяти, какъ и изъ совѣсти; настолько забытая, что она спокойно пишетъ въ 1774 г.: «Мартинъ Лютеръ—неотесанный мужикъ!»

Но ея новая вѣра? Новый культъ? Иногда казалось, что она ихъ ни во что не ставила; говоря откровенно, даже насмѣхалась надъ ними. Описывая Гримму Кіевъ, русскую святыню, она передаетъ ему поклонъ отъ святого князя Владиміра и говоритъ довольно свободно о мощахъ святого, которыя она осматривала. Она называетъ Румянцева Николаемъ-угодникомъ и позволяетъ себѣ на этотъ счетъ такіе каламбуры, которые далеки отъ православнаго духа. Ея шутки насчетъ муроваренія въ Москвѣ довольно дурного тона. Все это вольнодумство во вкусѣ Вольтера; но деистка ли она, какъ и онъ?

Въ 1770 г. она пишетъ г-жѣ Белькѣ: «Я радуюсь, что принадлежу къ числу дураковъ, которые вѣрятъ въ Бога». Иногда, однако, ее можно было принять за приверженицу чистому рационализму. Она пишетъ:

«Эйлеръ предсказываетъ намъ конецъ міра въ іюль будущаго года; онъ нарочно для этого вызоветъ двѣ кометы, которыя не знаю что сдѣлаютъ съ Сатурномъ—тотъ въ свою очередь явится насъ истребить. Хотя великая княгиня (Марія Ѳеодоровна, жена великаго князя Павла) совѣтовала мнѣ ничему этому не вѣрить, потому что не исполнились еще всѣ предсказанія Евангелія и Апокалипсиса, а именно: Антихристъ не пришелъ еще и всѣ вѣрованія не объединились. Что же касается меня, я отвѣчаю на все это словами Севильскаго цирюльника: я говорю одному: «да благословитъ васъ Богъ!» и другому—«ступайте спать!»—и иду своей дорогой. Какъ вы объ этомъ думаете?»

Но вотъ въ 1790 г. ея духовникъ сомнѣвается въ искренности ея вѣры. Онъ нашель съ кѣмъ говорить!

«Я сейчасъ же — рассказывала Екатерина Храповицкому — сказала ему весь символъ вѣры, и если онъ желаетъ доказательствъ—я дамъ ему такихъ, которыя ему даже и во снѣ не снились! Я вѣрю во все, что было постановлено на семи вселенскихъ соборахъ, такъ какъ св. отцы того времени были ближе къ апостоламъ и могли лучше разобраться во всемъ, нежели мы». Но къ чему она болѣе всего относилась съ пренебреженіемъ, что видно изъ ея разсужденій, разсѣянныхъ въ ея перепискѣ—такъ это къ обрядамъ—«*tomeries*,» какъ она ихъ называетъ. Она нападала, на обряды католической церкви, но ясно, что ея замѣчанія и сарказмы имѣли и общее значеніе, такъ какъ греческая церковь не отставала въ этомъ отношеніи отъ своей сосѣдки. Екатерина говоритъ объ одномъ церковномъ обрядѣ въ Испаніи. «Форма этого смѣшного обряда, увеличивающаго собою общую сумму ему подобныхъ — представляетъ собою соединеніе религиозныхъ церемоній съ дѣтскою игрою и носить несомнѣнно отпечатокъ, національнаго характера той страны, откуда этотъ обрядъ произошелъ. Эта страна кишитъ монастырями, конгрегациями, монашескими, свѣтскими, каноническими братствами, аббатствами, пребендами и т. д.

«Всѣ, находяшіеся тамъ индивидуумы, связаны прекрасными обѣтами, но—бесполезность этихъ учрежденій для человѣчества такъ превосходно понята наиболѣе просвѣщенными странами, что онѣ стали пробовать вслѣдствіе этого уменьшить ихъ число.

«Тотъ, кто творить добро ради добра—не нуждается ни въ смѣшныхъ обрядахъ, ни въ костюмахъ, столь же смѣшныхъ, какъ и легкомысленныхъ».

Она совѣтуетъ подражать примѣру «странъ наиболѣе просвѣщенныхъ». На высказанное папою неудовольствіе по поводу отчужденія нѣкоторыхъ духовныхъ земель въ Германіи, она возражаетъ: «сколько шуму изъ-за того, что будетъ на землѣ 12—20 монастырями меньше! Какъ будто никогда не отчуждали! Я же, когда хочу, чтобы у меня было монастыремъ меньше, говорю имъ коротко и ясно: «перебирайтесь-ка въ другой монастырь!»—и никто больше объ этомъ ничего не говоритъ и этимъ не трогается».

Но что же это такое? 4 апрѣля 1790 г. при письмѣ къ адмиралу Чичагову, который былъ наканунѣ сраженія со шведскимъ флотомъ—она посылаетъ ему образъ. Адмиралъ Спиридовъ имѣлъ точно такой же во время сраженія при Чесмѣ. Это ли не «*tomeries!*» (смѣшные обряды), какъ называла Екатерина? Но это еще не все, дѣлая подпись внизу письма, она осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ; этотъ жестъ ей знакомъ, такъ какъ два года тому назадъ она также перекрестилась, отправляя Грейгу приказъ о сраженіи. Искренна ли она и здѣсь? Можно было бы повѣрить; но нѣтъ, это только комедія съ ея стороны, театральнй приемъ и политическая хитрость, какъ она сама поясняетъ:

«Есть люди, которые смѣшиваютъ суевѣріе съ набожностью, но *слѣдуетъ пользоваться народными вѣрованіями.*» Итакъ, вѣра доблестныхъ адмираловъ въ помощь св. иконъ была только суевѣріемъ въ ея глазахъ, и въ этомъ отношеніи поступокъ Екатерины служилъ только поощреніемъ наивному вѣрованію этихъ простыхъ людей.

А крестныя знаменья? Они-то были для кого и зачѣмъ? Иногда можно было предположить, что духъ лютеранства не совсѣмъ угасъ въ ней, судя по тому рвенію, съ какимъ она напала на католическую церковь и ея главу, что не имѣло ничего общаго съ духомъ православной церкви, гораздо болѣе терпимой, индеферентной и прямодушной.

«Я совершенно не завидую, Ваше Величество—писала она въ 1782 г. Юсифу II—тому рѣдкому преимуществу, которымъ онъ пользуется, находясь дверь объ дверь съ Піемъ VI. Говоря откровенно, я желала бы знать, что Папа не въ Вѣнѣ. Я не знаю, почему я не могу безъ особаго безпокойства думать о

его пребываніи въ этомъ городѣ. Итальянскій первосвященникъ это—нѣчто опасное для всѣхъ не-католиковъ».

Правда, что Іосифъ, глава Священной Римской имперіи, отвѣчалъ ей въ томъ же тонѣ:

«Искренно признаю Вашему Величеству, что случилось послѣ ежедневной трехчасовой болтовни съ нимъ (съ Папой) о теологіи и о тѣхъ вещахъ, о которыхъ мы, казалось, и сами не имѣли никакого понятія—мы часто смолкали и, уставившись другъ на друга, какъ бы хотѣли сказать, что ни тотъ ни другой—ровно ничего въ этомъ не смыслимъ; но это было утомительно и мерзко».

Екатерина хвасталась тѣмъ, что въ 1780 г., при свиданіи съ этимъ императоромъ въ Могилевѣ, она болтала съ нимъ и смѣялась въ продолженіе всей долгой службы, совершавшейся въ костелѣ. Это не помѣшало ей, однако, оцѣнить и сознаться, что ей понравилась та пышность, которая была выказана по этому случаю церковными служителями, которые были не кто иные, какъ тѣ же іезуиты, недавно водворенные ею въ этой губерніи.

«Монахи всѣхъ другихъ орденовъ — пишетъ она по этому поводу—свиньи въ сравненіи съ ними».

Но, составивъ себѣ подобное понятіе о заслугахъ этого ордена, она совершенно неожиданно мѣняла свое поведеніе относительно іезуитовъ. До 1785 г. она казалась въ восхищеніи отъ нихъ и отъ признанія, что это она приняла ихъ у себя послѣ упраздненія этого ордена, предписаннаго Римскимъ дворомъ 21 іюня 1773 года. Одну хорошую штуку она сыграла съ папой другую—со своими сосѣдями—Польшей, разорвавъ ее на куски. Ея іезуиты, «мои славные плуты—іезуиты» называла она ихъ довольно часто, помогутъ удержать въ повиновеніи и приручить къ ней ея новыхъ подданныхъ—поляковъ изъ Бѣлоруссіи. Дѣйствительно, они старались въ этомъ, а она выказывала имъ свою благодарность. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ—это былъ обмѣнъ пріятныхъ услугъ и льстивой демонстраціи. Добрые отцы устроили императрицѣ великолѣпную встрѣчу въ Могилевскомъ костелѣ—она запретила продажу и назначила конфискацію экземпляровъ исторіи этого Ордена, оскорбительной для него. Они воскуряютъ передъ ней фиміамъ—она готова защищать ихъ и отъ бурь и непогоды. «Это, говоритъ она—слишкомъ драгоценныя сѣмена, чтобы дать имъ погибнуть. Черти, какъ они ловки!» Но, вдругъ сразу все перемѣнилось! «Славные плуты»

стали просто «плутами». Что они сдѣлали? они вмѣшались не въ то дѣло, которое она имъ предназначила: они осмѣлились завести рѣчь о соединеніи церквей. «Это скоты и больше ничего! И при томъ глупые и скучные скоты. Имъ нѣтъ «ни на грошъ» довѣрія въ Россіи.» Однако, когда во Франціи вспыхнула революція и начала угрожать сосѣднимъ престоломъ, Екатерина вспомнила о своихъ прежнихъ любимцахъ. Одни солдаты герцога Брауншвейгскаго не въ состояніи водворить политической и социальной порядокъ, надо выставить нѣсколько тысячъ іезуитовъ вслѣдъ за его арміей; эти и окончатъ начатое дѣло.

Водвореніе отцовъ-іезуитовъ въ Бѣлоруссіи не служитъ ли со стороны государыни попыткой доказать свою религиозную терпимость. Весьма возможно. Съ 1763 года Екатерина начинает хвалиться тѣмъ, что слѣдуетъ самымъ либеральнымъ идеямъ.

Когда іезуиты, еще не отчужденные, отказали въ погребеніи какому-то французу, умершему въ Москвѣ, не приобшась св. Тайнъ, то она приказала выселить этихъ монаховъ, и хвалится этимъ передъ Вольтеромъ: она ссылалась на этотъ примѣръ, чтобъ въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ осудить всякую нетерпимость вообще: «Всѣ чудеса міра не въ состояніи стереть пятна—запрещенія печатать «Энциклопедію». Въ то же время и съ отчужденныхъ отъ церкви раскольниковъ была снята ихъ вѣковая опала. Имъ было даровано пользованіе своими гражданскими правами; ихъ допустили къ присягѣ и къ свидѣтельскимъ показаніямъ на судѣ. Но только и съ ними приключилось то же, что впоследствии съ іезуитами. Съ 1765 г. начинается конфликтъ. Ободренные раскольники сочли себя въ правѣ строить свои молельни. Стопъ! Св. Синодъ воззвалъ къ Сенату, а Сенатъ предписалъ раскольникамъ уничтожить молельни—и Екатерина допускаетъ исполненіе этого приговора.

Мы уже знаемъ, что она не могла похвалиться большою строгостью принциповъ; абсолютизма нѣтъ въ поступкѣ этой абсолютной монархини; она даже выдумала бы оппортунизмъ, если бы онъ уже не существовалъ еще задолго до нея. Въ 1772 году требуется ея посредничество въ другомъ религиозномъ дѣлѣ, носящее особый характеръ. Извѣстная и позорная секта «скопцовъ», или «искажателей» стала развиваться въ Орловской губерніи съ угрожающей быстротой. Екатерина отбрасываетъ въ сторону свои принципы вѣротерпимости и храбро призываетъ на помощь кнутъ. Подобная краткая экзекуція вернуть разумъ заблуждающимся головамъ! Но была ли она не-

права? Въ этомъ же году она показывается намъ совершенно въ другомъ видѣ: Святѣйшій Синодъ, добившись репрессій для раскольниковъ, рѣшился подать жалобу на казанскаго губернатора, который, нарушая прежніе указы, разрѣшилъ построить въ этомъ городѣ нѣсколько мечетей. Екатерина отвѣтила слѣдующими благородными словами:

«Какъ Господь терпитъ на землѣ всѣ вѣроисповѣданія, языки, всѣ религіи, такъ и императрица, слѣдуя въ этомъ Его святой волѣ и Его заповѣдямъ, поступаетъ, прося только, чтобы между ея подданными царили всегда любовь и согласіе». Губернаторъ, оказывается, поступилъ согласно ея намѣреніямъ.

Но почему мечети, а не раскольниковыи молебни? Потому, что расколъ, какъ и секта скопцовъ—вдвойнѣ политическій и социальный вопросъ, потому что Казань—татарскій и магометанскій городъ, какъ Бѣлоруссія—польская провинція,—этимъ просто разрѣшается вопросъ внутренняго порядка въ государствѣ. Поручая Волкову дѣло скопцовъ, Екатерина приказывала ему судить ихъ «по граждански» въ обыкновенномъ административномъ порядкѣ.

Но, какъ въ смыслѣ гражданскомъ, такъ и въ религіозномъ, можно ли было сказать о ней вообще, что она была либеральной. Принимая во вниманіе ея понятія и принципы, можно отвѣтить, что это—большая и неразрѣшимая задача. Мы читали, что Екатерина называла себя республиканской душой. Это выраженіе часто срывалось съ ея губъ во время интимныхъ признаній и каждый разъ тонъ и удареніе, съ какими она всегда произносила это, явно доказывали, что она говоритъ это серьезно. Возможно ли, чтобы она обманывалась? Мы склонны дать другое объясненіе: Безъ того, чтобы она въ этомъ созналась—въ ея умѣ и сердцѣ, несмотря на увлекательность феерической карьеры—происходила глубокая драма; выдвигались на сцену ея убѣжденія, стремленія, благородные порывы ея исключительно культурнаго ума, которые не могли не вступить въ трагическую борьбу съ суровыми обязанностями, связанными съ задачей русской императрицы. Лицомъ къ лицу съ требованіями самодержавнаго режима, Екатерина могла сказать вмѣстѣ съ Федрой:

.....*Quum gravaiam navita adversa ratem
Propellit unda, cedit in vanum lador...*

или вспоминая въ концѣ своей жизни и сравнивая мечты своей молодости съ современными фактами могла повторить за поэтомъ: «это убило то».

Конечно, иногда Екатерина бывала и либеральна. «Я желаю, хочу только блага той странѣ, надъ которой поставилъ меня Богъ; Онъ миѣ въ этомъ свидѣтель. Свобода, душа всего! безъ тебя все мертво! Я хочу повиновенія законамъ, а отнюдь не рабства. Я придерживаюсь общей цѣли: сдѣлать счастливыми, а не каприза, прихоти или тиранніи, мѣшающей этой цѣли...»

Эта, помѣченная 1761 годомъ, была одной изъ тѣхъ замѣтокъ, которыя мы уже неоднократно приводили; написанныя карандашомъ на скорую руку, въ минуту вдохновенія, безъ предварительной подготовки, не адресованныя никому, излагавшія иногда сокровенную мысль, тайную работу ума и пробужденной совѣсти. Въ этихъ запискахъ всего было много—даже наставленіе о правильномъ разведеніи устричныхъ садковъ. Тамъ встрѣчаются воспоминанія и страшно перепутанный перечень безсвязныхъ и быстрыхъ чтеній. Тамъ есть пустяки такого рода, какъ, напримѣръ, проектъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ силу закона, требующаго при каждой передачѣ недвижимой собственности давать свободу крестьянамъ, закрѣпленнымъ къ проданному имѣнію.

Но во всемъ этомъ, безъ сомнѣнія, чувствуется какъ бы вибрація души отъ легкаго дуновенія великаго освободительнаго движенія.

«Ничѣмъ я такъ не гнушалась, какъ конфискаціей имущества преступниковъ, т. к. кто на землѣ осмѣлится отнять у дѣтей... этихъ господъ наслѣдство, которое идетъ имъ отъ самого Бога».

Написавъ эти слова, Екатерина пріобщилась ко всему, что есть самаго благороднаго, возвышеннаго, чистаго въ умѣ гуманигарнаго современника. Но, увы! она не избѣжала въ своей странѣ закона о конфискаціи имѣній и даже послѣ раздѣла Польши, сама руководила осуществленіемъ на практикѣ той системы, которая подъ видомъ политической необходимости была не болѣе, какъ полной, массовой конфискаціей, даже безъ юридическаго оправданія, но исключительно произведенная въ пользу жадныхъ царедворцевъ.

Все же она пробовала сначала, въ особенности въ первой половинѣ своего царствованія, согласовать свой образъ правленія съ прекрасными внушеніями, которыя она хранила, и свои дѣянія—со своими идеями. Въ 1763 году она пытается, если и не отмѣнить, то по крайней мѣрѣ смягчить пытки. Но прежде, чѣмъ привести это въ исполненіе, ей слѣдуетъ испробовать всѣ убѣдительныя средства, въ томъ числѣ и посредничество духов-

наго авторитета. Но, когда краснорѣчіе длинноволосыхъ поповъ не внушило ей большого довѣрія, Екатерина вздумала сочинить для нихъ руководство съ образцами увѣщаній, которые были бы болѣе способны вызвать признаніе преступника. Годъ спустя въ памятку, составленной для руководства ея сына или другихъ ея преемниковъ и заключающей дѣло одного изъ министровъ императрицы Анны, невинно осужденнаго и приговореннаго къ смертной казни,—она не опасается сдѣлать слѣдующее заключеніе:

«Государь всегда виноватъ, если его подданные имъ недобролы!»

Въ 1766 г. получивъ отъ графа Петра Салтыкова, Московскаго губернатора, донесеніе о различныхъ наказаніяхъ, которыя онъ долженъ былъ наложить, но которыя онъ пытается по мѣрѣ возможности смягчить, она пишетъ на поляхъ этого рапорта:

«Большое спасибо графу Петру Семеновичу, что онъ пользуется кнудомъ съ большою осторожностью. Извольте продолжать также и дальше». Въ этомъ же году она узнаетъ, что нѣкій князь Хованскій позволяетъ себѣ въ очень сильныхъ выраженіяхъ критиковать ея образъ правленія. Она сообщаетъ объ этомъ тому же графу Салтыкову въ весьма любопытномъ письмѣ:

«Очевидно, что несмотря на свое пребываніе во Франціи, князь забылъ, что за подобныя рѣчи сажаютъ въ Бастилію. Къ счастью для него императрица не зла, и злой языкъ князя Хованскаго не заставитъ ее измѣнить свой характеръ. Только Салтыковъ хорошо сдѣлаетъ, если предупредить его въ томъ, что если онъ не замолчитъ, то отправится въ такое мѣсто, гдѣ и воронъ костей его не сыщетъ». Далѣе слѣдуетъ приписка на французскомъ языкѣ. «Хорошенько задайте ему страху, чтобы онъ попридержалъ свой отвратительный языкъ, т. к. иначе я буду вынуждена сдѣлать ему больше зла, чѣмъ причинить ему этотъ страхъ».

Въ этомъ же 1766 году ея сокровенная мысль выразилась въ словахъ, достойныхъ быть названными великими по ихъ наивной неловкости.

Одинъ чиновникъ, нѣкто Василій Боскаковъ, съ которымъ она совѣтовалась относительно проекта законодательныхъ реформъ, возсталъ противъ полнаго упраздненія пытки, высказаннаго императрицей. Онъ указалъ ей на тѣ «казусы», гдѣ примѣненіе пытки ему казалось необходимымъ.

«Невозможно слышать объ этомъ!—пишетъ Екатерина на поляхъ рапорта: тамъ нѣтъ казусовъ, гдѣ человѣчество страдаетъ». Въ то же время ей часто приходится замѣнять тѣлесныя наказанія, наложенныя по приговору суда—ссылкой или простымъ поселеніемъ; за болѣе же важныя поступки она тоже уменьшала наказаніе, по меньшей мѣрѣ—на половину.

Наровнѣ съ этимъ она старается провести улучшение въ тюремномъ режимѣ и смягчить слишкомъ варварскіе приемы рекрутскаго набора. Однажды m-De Энгельгарль, впоследствии графиня Браницкая, входя въ комнату императрицы, замѣтила, что Ея Величество, готовясь подписать какую-то бумагу, остановилась, и послѣ минутнаго колебанія, сунула листъ не подписаннымъ въ ящикъ. Она не могла удержать жеста удивленія, а Екатерина, замѣтивъ это, тотчасъ же удовлетворила ея любопытство. Дѣло касалось одного приговора, который нуждался въ ея подписи, чтобы быть приведеннымъ въ исполненіе, но т. к., чувствуя себя съ утра въ дурномъ расположеніи духа, она опасалась быть слишкомъ строгой, какъ уже это случалось съ ней въ подобныхъ случаяхъ. И поэтому она рѣшила отложить это до слѣдующаго дня.

Въ 1774 г. во время Пугачевского бунта мы находимъ слѣдующее размышленіе въ письмѣ государыни, адресованное Сиверсу:

«По всей вѣроятности это кончится висѣлицами. Какая перспектива для меня, которая не любитъ висѣлицъ. Европа подумаетъ, что мы вернулись ко временамъ Ивана Васильевича».

Видно, какъ она борется съ роковыми случайностями въ ея царствованіи и со связанной съ этимъ политической системой; какъ она взываетъ объ этомъ къ «просвѣщенной» Европѣ. Увы! «просвѣщенная» Европа не думаетъ вовсе удержать ее на краю пропасти, куда влекла ее тяжесть самодержавнаго механизма. Вольтеръ готовъ былъ признать, что и висѣлицы могутъ быть полезны въ случаѣ необходимости избавиться Великой Екатерины отъ враговъ. Даже женщина, г-жа Б. Бельке, въ 1767 г. совѣтовала своему царственному другу положить конецъ сопротивленіямъ, которыя выказывалъ ей въ Польшѣ краковскій епископъ—ссылкой его въ Камчатку. Екатерина кончила тѣмъ, что вняла совѣту. Если не въ Польшѣ, гдѣ это было совсѣмъ неудобноисполнимо, въ виду предстоящаго ей тамъ труда, то въ другомъ мѣстѣ, въ Россіи, она еще долго старалась оставаться вѣрной своей либеральной программѣ, которую такъ описывала въ другомъ письмѣ къ Сиверсу: «Вы лучше знаете, чѣмъ кто-либо

какъ я ненавижу насиліе. При всѣхъ обстоятельствахъ я предпочитала ему пути мягкости и умѣренности». Даже относительно Варшавы она мечтала иногда о невозможномъ осуществленіи этихъ принциповъ. Въ ея собственноручной запискѣ, написанной въ маѣ 1772 года сохранился проектъ наказа губернаторамъ польскихъ провинцій, только что присоединенныхъ послѣ раздѣла. Этотъ проектъ былъ бы однимъ изъ славныхъ памятниковъ Екатеринѣ Великой и простилъ бы ея участіе въ расхищеніи страны—если бы онъ былъ примѣненъ на дѣлѣ.

«Вы постараетесь — писала императрица — съ самаго момента поступленія этихъ провинцій подъ нашъ скипетръ, положить конецъ всѣмъ гоненіямъ, притѣсненіямъ, несправедливостямъ, разбоямъ, убійствамъ и при судебныхъ изслѣдованіяхъ—ужаснымъ пыткамъ, а также казнямъ и жестокимъ наказаніямъ.—Однимъ словомъ, мы желаемъ не только, чтобы эти провинціи были покорены нами силою оружія, но и чтобы вы привязали сердца этихъ жителей къ нашей имперіи правленіемъ добрымъ, порядочнымъ, справедливымъ, снисходительнымъ, мягкимъ и гуманнымъ». Цѣлымъ рядомъ параграфовъ Екатерина пояснила, что она подразумѣвала подъ правленіемъ «справедливымъ» и «гуманнымъ»; по одному изъ этихъ параграфовъ признавалось за новыми подданными имперіи право сохранить свои законы и національные обычаи и имѣть автономное управленіе съ употребленіемъ родного языка. Многіе поляки не попросили бы и въ настоящее время себѣ ничего большаго.

Эти великодушныя внушенія соотвѣтствовали одному изъ наиболѣе установившихся убѣжденій императрицы. Однажды, когда при Екатеринѣ разбирали способы водворенія порядка и спокойствія среди буйныхъ черкесовъ, при чемъ одни совѣтовали употребить оружіе, другіе—энергическія административныя мѣры—Екатерина тоже высказала свое мнѣніе: «Я знаю только одно дѣйствительное средство: торговля и удобство жизни, которыя смягчатъ нравы этихъ народовъ». Въ 1770 г. во время первой турецкой войны Румянцевъ доложилъ ей о поведеніи одного изъ своихъ коллегъ, генерала Штофельна, который сжигалъ въ Молдавіи послѣдовательно всѣ города и деревни. Это извѣстіе вызвало у императрицы взрывъ негодованія.

Этотъ способъ войны напоминаетъ прежнія дѣянія русскихъ войскъ по берегамъ Волги и Суры. Ей не хотѣлось вызывать эти воспоминанія и тѣмъ возвращать Россію въ ея историческую колыбель. Она достаточно сердилась на «ложный видъ Испагани»,

который сохранила Москва даже и въ мирное время, но надѣялась уничтожить его, «если разсердится». Она желала Россію— «цивилизованную, просвѣщенную, культурную»—говорила она.

Даже въ политической экономіи скорѣе инстинкты, нежели идеи, т. к. она послѣднихъ и не имѣла въ этой отрасли знанія—связывали ее съ либеральной школой. Она ненавидѣла монополіи и запрещала лотереи. «Слово «лотерея» наводитъ на меня ужасъ»: «Это всегда мошенничество, облеченное въ честныя формальности». Однако при обычной ея уму непослѣдовательности, она объявляла себя то приверженной къ самому энергичному протекціонализму, то защитницей интересовъ потребителей противъ интересовъ производителей до того, что хотѣла обложить пошлиной право вывоза хлѣба. Если вѣрить Гриму, то вся политическая программа Екатерины, которой она оставалась вѣрна на всю жизнь, заключалась въ постоянномъ ограниченіи самодержавной власти; она не допускала—и надо признать ее правой въ этомъ случаѣ—чтобы подобнаго рода реформы вводились сразу. Достаточно было постепенно расшатывать основы деспотизма, мало-по-малу знакомя народъ, который предполагалось освободить, съ невѣдомымъ ему доселѣ чувствомъ любви къ свободѣ: а пока самодержавіе предписывалось, какъ временная необходимость. Мы не желаемъ опровергать этихъ увѣреній Грима. По своей природѣ, воспитанію и даже и въ особенности по вліянію тѣхъ примѣровъ, которые она видѣла со времени своего пріѣзда въ Россію, Екатерина, дѣйствительно, могла быть склонной принципиально осуждать самый принципъ власти, принадлежавшей ей. Но только произошло слѣдующее. Сперва эту властію, которую она считала варварской и обрекла ее на уничтоженіе въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ—она пользовалась какъ бы временно и по необходимости, но, пользуясь ею, она поддалась ея обаянію, привыкла къ ней, потеряла изъ виду ея неприглядныя стороны, цѣня только удобства, предоставляемыя ей этою властію. Однимъ словомъ, она вошла во вкусъ этой власти. Далѣе, сообщаясь съ философіей и философами, она пришла, только другимъ путемъ, къ тому убѣжденію, что самодержавный образъ правленія былъ не только въ Россіи, но и повсюду наилучшій изъ всѣхъ. Мы уже говорили: доктрина Вольтера и въ особенности энциклопедистовъ, не говоря уже о Руссо, чей гений не цѣнился Екатериной—приводила къ такому же заключенію. «Теорія просвѣщеннаго абсолютизма» вышла изъ этой школы и была создана для того, чтобы подкупить наслѣдницу

Петра Великаго. Между этой теоріей—какъ ее понимали философы, и какъ ее примѣняла на практикѣ русская самодержавная царица—была конечно бездонная пропасть.

Но эту пропасть Екатерина должна была фатально перешагнуть. Помимо развращающаго дѣйствія самой власти, было еще обстоятельство, которое привело ее къ этому. Во время своего царствованія ей пришлось пережить два кризиса, которые энергично повліяли на ея образъ мыслей, въ особенности послѣдній—и направили ее въ обратную сторону. Идя навстрѣчу свободѣ, она на своемъ пути имѣла два случая; оба были способны заставить ее повернуть назадъ. Это былъ, во-первыхъ — Пугачевъ—злое воплощеніе народной вольности, заявившей о себѣ такими гнусными поступками; во-вторыхъ, послѣ этого — французская революція — это такое банкротство философскихъ идеаловъ, потопленныхъ въ крови. Либерализмъ Екатерины не устоялъ противъ этого двойного испытанія. Хотя она все еще бесѣдовала съ философами на тему о прогрессивной эмансипаціи порабощенныхъ массъ и даже, какъ бы вспышками, иногда составляла законы въ этомъ духѣ—но искренняго порыва, вѣры, убѣжденія въ пользѣ дѣла въ ней уже не было. Съ 1778 года, послѣ подавленія Пугачевщины, перемѣна становится очевидной. Отнынѣ единственно только постановленія Екатерины и ея непосредственныхъ подчиненныхъ дѣлаютъ законы, а содѣйствіе какихъ бы то ни было конституціонныхъ корпусовъ, хотя бы даже самаго государственнаго Совѣта, созданнаго Екатериной—было отклоненно. Теперь все рѣже и рѣже поднимался вопросъ о милосердіи; напротивъ, графу Захару Чернышеву, вице-президенту военнаго совѣта, посылается строгій выговоръ за промедленіе въ исполненіи приговора надъ нѣкіимъ Богомолковымъ, приговореннымъ къ плетямъ, отрѣзанію носа и ссылкѣ въ Сибирь, за то, что въ пьяномъ видѣ приписывалъ себѣ имя и санъ Петра III. Да, далеко было то время, когда, говоря о «духѣ законовъ», называли его «требникомъ государей, какъ бы мало ни были они одарены здравымъ смысломъ».

Или писали къ г-жѣ Жоффринъ: «Имя президента Монтескьё, упомянутое въ вашемъ письмѣ, вызываетъ у меня вздохъ. Если бы онъ былъ живъ, я не приминула бы... но нѣтъ онъ отказалъ бы мнѣ какъ...»

Екатерина хотѣла этимъ сказать, что она не приминула бы пригласить его въ Петербургъ, но что онъ, безъ сомнѣнія, отказался бы, какъ Даламберъ; то же было время, когда Даламберъ

казался ученицѣ Вольтера способнымъ давать совѣты русской императрицѣ. Мы скажемъ послѣ, какъ и почему онъ отказался отъ этой чести.

Революція должна была кончить то, что началъ Пугачевъ и положила окончательный разрывъ между Екатериной молодыхъ годовъ и самодержавной высокоумной государыней, которая въ 1792 г. первая забила въ набатъ по всей Европѣ противъ теоріи философовъ, такъ внезапно и грубо предложенной на всеобщее достояніе.

А еще въ 1769 г. во всей Европѣ не было болѣе горячаго защитника свободы—чѣмъ русская императрица.

«Молодцамъ корсиканцамъ, защитникамъ своего отечества и свободы—и въ особенности генералу Паоли.

«Господа! Возставать противъ угнетенія, защищать и спасать родину отъ несправедливаго узурпаторства, сражаться за свободу—вотъ что видѣла вся Европа въ васъ, совершавшихъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Человѣческій долгъ предписываетъ помогать и содѣйствовать чьему бы то ни было проявленію чувствъ столь благородныхъ, великихъ и естественныхъ».

Письмо—собственноручное Екатерины, было подписано: «Ваши искренніе друзья, жители Сѣвернаго полюса»; при письмѣ прилагалась денежная помощь, которая должна была сойти въ глазахъ храбрыхъ корсиканцевъ за собранную по подпискѣ. Это было сдѣлано безъ сомнѣнія во избѣжаніе того оскорбленія, которое должны были испытать корсиканцы, принимавшіе денежное пособіе отъ *самодержавной* государыни, и чтобы убѣдить ихъ, что и около Сѣвернаго полюса есть не малое количество лицъ, способныхъ восхищаться дѣломъ, которое они защищаютъ.

Въ 1781 г. Екатерина принимаетъ сторону Неккера; его знаменитый отчетъ, который въ дѣйствительности только обвинительный актъ противъ управленія королевскими финансами, т.-е. противъ самой королевской власти—привелъ ее въ восхищеніе и обрадовалъ: она не сомнѣвалась, что само Небо назначило ловкаго женева спасти Францію. Въ общемъ она мало сочувствовала этому революціонному движенію, и тѣмъ оборотамъ, которые приняли событія во Франціи.

Въ ея непріязненныхъ или даже презрительныхъ чувствахъ дворъ игралъ такую же, если не большую, роль, какъ и народъ. Старый режимъ, погибающій подъ возрастающимъ напоромъ социальныхъ требованій, не вызывалъ въ ней никакой жалости.

Таковой отпечатокъ лежитъ на всей ея переписки со своимъ сыномъ и невѣсткой во время пребыванія ихъ Высочествъ въ Парижѣ, путешествовавшихъ тогда подъ именемъ графа и графини Сѣверныхъ.

И вотъ образецъ этой переписки. Это пишетъ Екатерина: «Да благословитъ Господь Ея Величество Королеву, ея украшенія, балы, спектакли, румяны и банты, хорошо или дурно завязанные! Я не сержусь, что все это вамъ надоѣло и увеличиваетъ въ васъ желаніе скорѣе уѣхать. Но почему же такъ случилось, что, сходя съ ума отъ спектаклей, весь Парижъ сыгралъ ихъ не лучше нашего. А я это хорошо знаю почему? Потому, что публика покидаетъ хорошій театръ для плохого; что же касается трагедій, то играютъ только ужасы; что тотъ, кто не умѣетъ писать комедій, вызывающихъ смѣхъ, и трагедій, заставляющихъ плакать—тотъ пишетъ только драмы; что комедія вмѣсто смѣха—слезы; что все не на своемъ мѣстѣ; что даже цвѣта носятъ гнусныя и неприличныя названія. Все это не поощряетъ, а извращаетъ таланты».

Легкомысленный и развратный дворъ среди общества, толкаемаго дурными примѣрами съ высоты внизъ по наклонной плоскости и достигшаго своего рокового паденія—вотъ мнѣніе, составленное Екатериною въ ту эпоху о родинѣ ея дорогого учителя, который между прочимъ самъ способствовалъ такому суровому сужденію, отрицая при всякомъ удобномъ случаѣ свое родство съ «презрѣнными обскурантами».

Но что преобладало въ ней—такъ это равнодушіе къ французамъ и ихъ событіямъ.

Долго, даже до самой минуты революціоннаго кризиса, всѣ событія, волновавшія эту отдаленную отъ Россіи страну—казались ей не особенно важными; она не догадывается объ ихъ значеніи; нѣтъ, чтобы тамъ ни говорили, она не видѣла надвигающейся бури. 19 апрѣля 1788 года она пишетъ Гримму буквально слѣдующее: «я не раздѣляю мнѣнія тѣхъ, кто думаетъ, что мы подходимъ къ величайшей революціи». Узнавъ, во время своей поѣздки въ Крымъ о рѣшеніи Людовика XVI созвать собраніе нотаблей, она видитъ въ этомъ только подражаніе короля ея законодательной комиссіи. Она приглашаетъ Лафайэта пріѣхать къ ней въ Кіевъ; чтобы ея глаза открылись на то, что готовили подобные Лафайэты—нуженъ былъ ударъ грома, называемый взятіемъ Бастиліи. Тогда только она начинаетъ понимать въ чемъ было дѣло, и С.-Петербургская газета, умалчи-

вавшая и о созывѣ генеральныхъ штатовъ, и о клятвѣ при игрѣ въ мячъ, разразилась теперь негодующими протестами: «рука дрожить отъ ужаса!» и т. д.; легко догадаться въ какомъ духѣ писались теперь статьи. Скоро члены національнаго собранія сравниваются офиціознымъ листкомъ съ пьяницами, а впоследствии съ «каннибалами».

Съ этой минуты въ идеяхъ Екатерины произошла быстрая перемѣна, и любопытно прослѣдить по ея перепискѣ и въ ея откровенныхъ разговорахъ успѣхи этой эволюціи.

Въ іюнѣ 1790 г. Гриммъ, еще не имѣвшій время подмѣтить зарождающуюся перемѣну въ образѣ мыслей императрицы, проситъ у нея ея портретъ для Бельи, предлагая въ обмѣнъ портретъ этого современнаго революціоннаго героя.

Екатерина отвѣчала:

«Послушайте, я не могу согласиться на ваши условія: и какъ парижскому мэру, лишившему Францію монархіи, не подобаеть имѣть портретъ *самой аристократической императрицы въ Европѣ*, такъ и ей—посылать свой мэру-антимонархисту. Это зачило бы подвергать какъ и дворцоваго мэра-антимонархиста и наиаристократическую монархиню противорѣчію съ самими-собою и съ ихъ поступками въ прошломъ, и въ настоящемъ, и въ будущемъ».

И черезъ два дня:

«Повторяю вамъ: не давать мэру-антимонархисту самаго аристократическаго портрета въ Европѣ. Я не желаю имѣть ничего общаго съ какимъ-то Жаномъ Марорселемъ, котораго при первомъ удобномъ случаѣ вздернуть на фонарномъ столбѣ». И такъ вот и республиканство брошено въ воду! Съ философіей было не то. Императрица держалась ея для себя. Она старается снять съ нея отвѣтственность въ совершившихся событіяхъ.

Гримму 25 іюня 1790 г. она писала:

«Слѣдовало бы національному собранію побросать въ огонь всѣхъ наилучшихъ французскихъ авторовъ и все, что распространило ихъ языкъ въ Европѣ, т.-к. все это возстаетъ противъ отвратительныхъ безчинствъ, которые они совершаютъ. Что же касается до толпы и ея мнѣнія, то ими не стоитъ и дорожить».

Во всемъ этомъ и въ особенности въ послѣдней фразѣ виденъ непоправимый, а могущій лишь обостряться антагонизмъ между понятіемъ Екатерины и духомъ революціи.

Екатерину болѣе всего оскорбляла и шокировала та возрастающая роль, которую чернь играла въ парижскихъ событіяхъ.

Было время, когда она отнеслась бы къ этому иначе.

Въ началѣ своего царствованія, собирая законодательную комиссію, она въ сущности взывала о помощи къ массѣ своихъ подданныхъ; но тогда же, войдя въ соприкосновеніе съ народнымъ элементомъ, она мало-по-малу дошла до того, что перемѣнила свои чувства къ нему. Быть можетъ она была неправа, обобщая такимъ образомъ свои впечатлѣнія, но у нея не было другихъ степеней для сравненія и она вынуждена была составлять свое мнѣніе по тѣмъ примѣрамъ, которые были у ней передъ глазами, и это мнѣніе выразилось глубокимъ презрѣніемъ.

Въ 1787 г., когда ея секретарь Храповицкій обратилъ ея вниманіе на громадное стеченіе крестьянъ, пришедшихъ въ одинъ провинціальный городъ повидать и поклониться ей—она отвѣтила ему, пожимая плечами: «они бѣгутъ также смотрѣть и на медвѣдя».

Тотъ же духъ говорилъ ея устами два года спустя, когда, намекая на составъ политическаго клуба во Франціи, она сказала: «Какъ можетъ сапожникъ вмѣшиваться въ дѣла правленія? Сапожникъ умѣетъ только шить сапоги». Скоро наступила очередь и философіи быть оставленной.

Екатерина говорить еще съ уваженіемъ о хорошихъ французскихъ авторахъ, но дѣлаетъ между ними строгій выборъ и, за исключеніемъ Вольтера, она нападаетъ на всѣхъ писателей XVIII вѣка. Дидро, д'Аламберъ и даже Монтескье сразу приносятся въ жертву.

Гримму 12 сентября 1790 г. она пишетъ:

«Надо сказать по правдѣ—тонъ, преобладающій у васъ—тонъ хулигана; однако не этотъ тонъ доставилъ Франціи славу. Что сдѣлають французы со своими лучшими авторами, которые почти всѣ жили при Людовикѣ XIV? всѣ, даже Вольтеръ—роялисты. Всѣ они проповѣдуютъ порядокъ и спокойствіе и все, что противостоятъ системѣ тысячадвухсотголовой гидры».

Национальное собраніе осуждается все строже и строже.

7-го августа Храповицкій отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: ...«сказалъ Ея Величеству при разговорѣ о Франціи: это страна метафизическая: каждый членъ собранія—король, и каждый гражданинъ—животное». Принято съ одобреніемъ.

Въ то же время писалось Гримму, 27 сентября 1790 г.

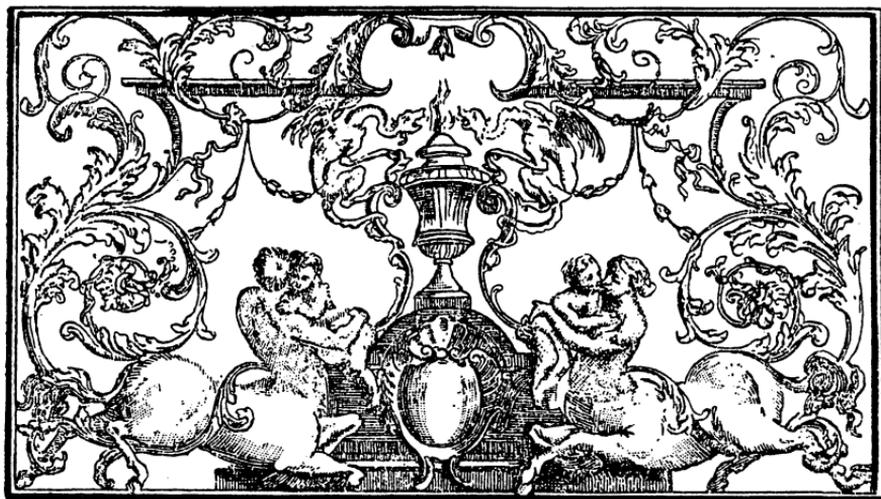
«Въ постели я размышляла и въ то же время подумала, что одна изъ причинъ, почему Матье де-Монмаранси, Ноайли и т. д. плохо воспитаны и думаютъ такъ неблагородно, что первые старались выдвинуть декретъ объ упраздненіи дворянства—это

по правдѣ кроется въ томъ, что у васъ упразднили школы іезуитовъ; чтобы ни говорили, а эти плуты все же пеклись о нравахъ и вкусахъ молодыхъ людей—и все, что есть наилучшаго во Франціи—вышло изъ ихъ школъ».

13 января 1791 года.

«Не знаешь, живы ли вы среди убійствъ, рѣзни, безчинствъ въ этомъ вертепѣ разбойниковъ, завладѣвшихъ правленіемъ Франціи, и готовыхъ превратить ее въ Галлію временъ Цезаря. Но Цезарь побѣдилъ ихъ. Когда же придетъ этотъ Цезарь? Онъ придетъ, не смѣйте сомнѣваться въ этомъ».

Личная жизнь Екатерины II.

I.

У себя дома.

Постараемся описать одинъ день изъ жизни столь полной и разнообразно занятой, какою была жизнь великой государыни, обыкновенный день изъ ряда ея повседневной жизни. Предположимъ, что это происходитъ зимой, въ срединѣ ея великаго царствованія, на примѣръ въ 1785 г. т.-е. въ мирное время. Императрица живетъ въ Зимнемъ Дворцѣ и занимаетъ не слишкомъ обширные апартаменты въ первомъ этажѣ. Поднявшись по небольшой лѣстницѣ, мы достигаемъ комнаты, гдѣ столъ со всѣмъ необходимымъ для письма дожидается секретарей и другихъ лицъ, непосредственно состоящихъ на службѣ при Ея Величествѣ.

Мы проходимъ черезъ эту комнату въ уборную, окна которой выходятъ на дворцовый плацъ; въ ней императрицу причесываютъ въ тѣсномъ кругу интимныхъ друзей или высшихъ сановниковъ, допускаемыхъ къ утренней аудіенціи. Это мѣсто малаго выхода Ея Величества. Большого выхода въ будни не бываетъ. Двѣ двери открываются передъ нами: одна ведетъ въ залу, называемую брилліантовой, другая — въ ея спальню. Спальня въ глубинѣ сообщается съ маленькой уборной, а налѣво съ

рабочимъ кабинетомъ, ведущимъ въ Зеркальную залу и другіе пріемные аппартаменты.

Шесть часовъ утра. Это—время пробужденія Ея Величества. Рядомъ съ ея кроватью стоитъ корзина, гдѣ на розовомъ атласномъ матрасѣ, обшитомъ кружевами спитъ цѣлое семейство собачекъ, неразлучныхъ спутниковъ Екатерины. Это англійскія ливретки. Въ 1770 г. докторъ Димсдаль, который, какъ уже намъ извѣстно, былъ вызванъ Екатериной изъ Лондона для пріятія ей оспы, приподнесъ государынѣ пару этихъ животныхъ.

Они были родоначальниками тѣхъ ливретокъ, которыхъ съ тѣхъ поръ можно было встрѣтить во всѣхъ аристократическихъ домахъ С.-Петербурга. Императрица держала ихъ возлѣ себя около полдюжины, а иногда и больше. Какъ только дворцовый звонарь прозвонитъ 6 часовъ, Марья Савишна Перекусихина, первая камеръ-юнгфера Ея Величества, входитъ въ опочивальню. Въ былые годы Екатерина вставала сама, одѣвалась и сама даже зажигала каминъ; съ годами привычки измѣнились.

И вотъ сегодня императрица медлитъ открыть глаза. Наканунѣ она легла позже обыкновеннаго: интересная бесѣда, затянувшаяся за десять часовъ, задержала Екатерину въ Эрмитажѣ. Безъ церемоній Марья Савишна подходитъ къ дивану, растягивается на немъ и пользуется благопріятнымъ случаемъ, чтобы опять немного соснуть.

Но вотъ Императрица приподнимается съ постели и встаетъ; теперь уже она, въ свою очередь, будитъ заснувшую Марію Савишну. Скорѣе въ уборную! Немного тепловатой воды, чтобы прополоскать ротъ и немного льда — потереть себѣ лицо. Это все, что требуется въ данную минуту Ея Величеству. Но гдѣ же Катерина Ивановна, молодая калмычка, обязанная держать наготовѣ мелкія принадлежности утренняго туалета императрицы? Вѣчно опаздываетъ эта Катерина Ивановна! Какъ, уже четверть восьмого! Императрица дѣлаетъ нетерпѣливый жестъ, нервно топаетъ ногой. Вотъ она, наконецъ! Берегись гнѣва Ея Величества! Екатерина вырываетъ изъ рукъ позолоченный кувшинъ, и наскоро умываясь бранитъ лѣнтыяку.

«О чемъ ты думаешь, Катерина Ивановна; не думаешь ли ты, что это тебѣ всегда будетъ такъ сходить? Когда ты выйдешь замужъ и перестанешь мнѣ служить, то твой мужъ, будь увѣрена, не будетъ похожъ на меня. Онъ станетъ требовательнымъ по-своему. Екатерина Ивановна, подумай о своемъ будущемъ!».

Вотъ и все. А завтра повторится то же самое. Пока же го-

сударня быстро проходить въ свой рабочій кабинетъ въ сопровожденіи своихъ собакъ, которыя этого только и дожидались, чтобы покинуть свою роскошную постель. Это время завтрака. Кофе уже готовъ. Это хорошо! Достаточно ли онъ крѣпокъ? Его идетъ цѣлый фунтъ на пять чашекъ, такъ обыкновенно пьетъ императрица.

Однажды одинъ изъ ея секретарей, нѣкто Кузьминъ, пріѣхалъ съ рапортомъ, казалось, ооченьль отъ холода. Императрица позвонила «чашку кофе для этого несчастнаго, который стучитъ зубами отъ холода». Она хочетъ, чтобы онъ залпомъ проглотилъ дымящійся напитокъ. Но что это? Ему сдѣлалось дурно! У него біеніе сердца, чортъ возьми! Ему дали кофе, приготовленный для Ея Величества, какой она только одна можетъ употреблять; не предполагали, что чашка назначается секретарю и что Ея Величества пожелала раздѣлить свой завтракъ съ такимъ простымъ чиновникомъ. По обыкновеніи она угощала своимъ завтракомъ только своихъ собакъ. Императорскій кофе для нихъ не нуженъ, но при немъ есть густыя сливки, бисквиты и сахаръ. Опустошается вся сахарница, а также и бисквиты.

Теперь Екатерина не нуждается ни въ комъ. Если ея собачки захотятъ выйти, она сама имъ отворить двери, но она желаетъ быть одной и всецѣло отдаться работѣ или перепискѣ вплоть до девяти часовъ.

Но гдѣ же ея любимая табакерка, та, которая должна всегда находиться на ея рабочемъ столѣ? Портретъ Петра I, украшающій ея крышку, служилъ ей—говоритъ она—напоминаніемъ, что она должна стараться продолжать дѣло великаго царя. Екатерина очень часто нюхаетъ табакъ, но никогда не носитъ табакерку при себѣ. Требовалось, чтобы она была всегда у нея подъ рукой во всѣхъ углахъ ея дворца.

Она употребляетъ только табакъ, который разводятъ для нея въ саду Царскаго Села. Когда она пишетъ, она безпрестанно прибѣгаетъ къ понюшкѣ. Она звонитъ: «пожалуйста,—говоритъ она вошедшему камердинеру,—отыщите мою табакерку!» «Пожалуйста... потрудитесь»—обычныя фразы, которыя она неизмѣнно употребляетъ, говоря со своей прислугой, даже съ самой простой.

Бьетъ девять часовъ. Екатерина опять переходитъ въ свою спальню; тамъ она принимаетъ сановниковъ, пришедшихъ съ донесеніями. Оберъ-полиціймейстеръ входитъ первый. Ея Величество въ данную минуту одѣта въ бѣлый градетуровый коготъ

съ широкими свободными складками; она носить на головѣ бѣлый креповый чепецъ, который въ пылу работы или письменной бесѣды съ Гриммомъ, постоянно съѣзжаетъ на бокъ. Цвѣтъ лица свѣжій, взглядъ оживленный; однако, чтобы прочесть бумаги, которыя представляютъ ей для подписи, императрица пользуется очками.

«А вы не нуждаетесь въ этомъ приборѣ?»—спрашиваетъ она своего секретаря, Грибовскаго.—«Сколько вамъ лѣтъ?»

«Двадцать шесть».

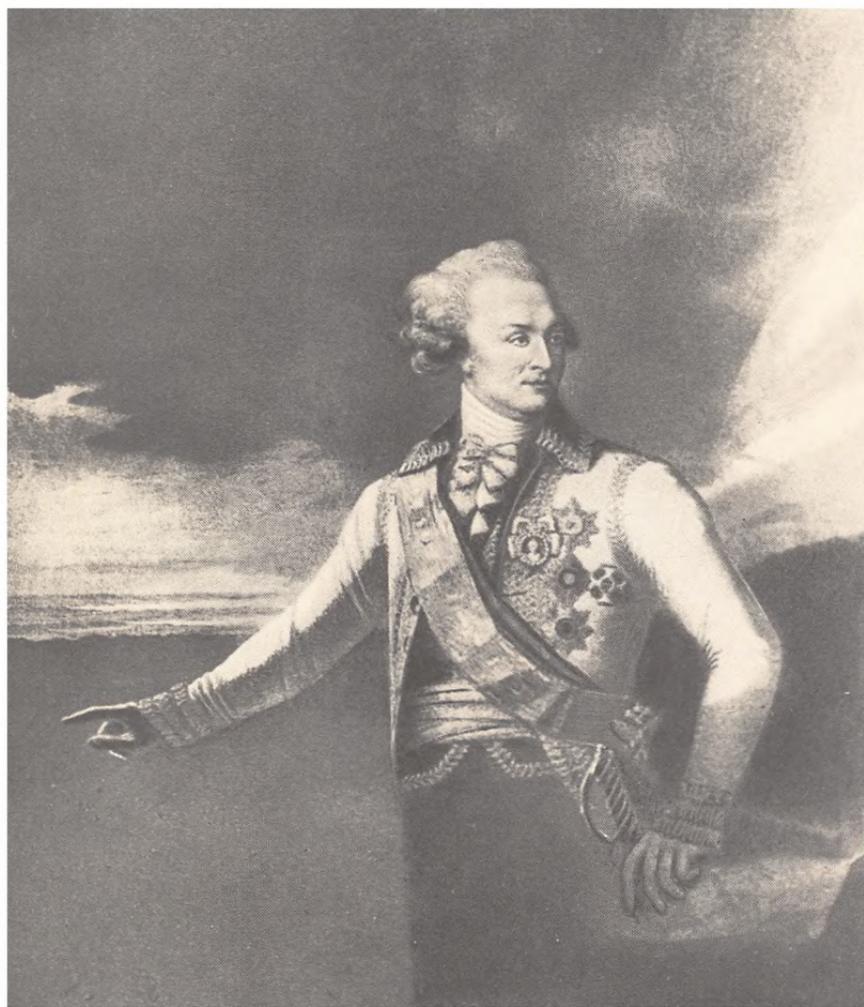
«Вы еще не успѣли, какъ я, потерять зрѣніе, служба, Европѣ». Входя, Грибовскій очень низко поклонился. Императрица отвѣтила на его поклонъ легкимъ кивкомъ головы, потомъ съ любезною улыбкой протянула секретарю руку.

Въ это время Грибовскій могъ замѣтить, что среди вообще хорошо сохранившихся зубовъ Императрицы не хватало одного передняго. Онъ наклоняется облабызать царственную руку, бѣлую и пухлую, чувствуетъ пожатіе этой августѣйшей руки и въ то же время слышитъ торжественное: «садитесь», приглашавшее его начать работу. Работа часто прерывается. Докладывають о министрахъ, генералахъ, сановникахъ, которымъ назначена аудіенція и императрица не желала заставлять ихъ ждать.

Вотъ вводятъ генерала Суворова. Не глядя на императрицу, онъ направляется автоматическимъ шагомъ солдата направо, гдѣ въ углу теплится неугасимая лампада передъ иконой Казанской Божіей Матери и кладетъ три земныхъ поклона, ударяя лбомъ объ полъ. Исполнивъ это, онъ круто повертывается, какъ на ученіи, приближается на нѣсколько шаговъ къ императрицѣ—и дѣлаетъ четвертый земной поклонъ передъ Ея Величествомъ. «Помилуйте! Какъ вамъ не стыдно!»—бормочетъ она; сажаетъ его рядомъ съ собою, задаетъ ему нѣсколько вопросовъ, на которые тотъ отвѣчаетъ тономъ рядового, вопрошаемаго своимъ капраломъ—и черезъ двѣ минуты отпускаетъ его. Являются другія персонажи.

Но вдругъ приходятъ и докладывають императрицѣ что-то на ухо. Она дѣлаетъ знакъ головой—и всѣ присутствующіе удаляются. Это.—фаворитъ—Потемкинъ, Ланской или Мамоновъ проситъ позволенія войти. Для нихъ императрица всегда свободна—и когда они появляются, то заставляютъ исчезнуть остальныхъ.

Такъ продолжается до полудня или до часу, если время обѣда перенесено съ часа на два. Отпустивъ своего секретаря,

*Князь Григорій Александрович
Потемкинъ-Маурическій.*

Портретъ печатается въ первый разъ.

императрица отправляется въ свою малую уборную, гдѣ совершаетъ полный туалетъ и причесывается своимъ старымъ куаферомъ, Козловымъ. Ея костюмъ, исключая парадныхъ дней—одинъ изъ самыхъ простыхъ. Платье разрѣзное, свободное, такъ называемое «молдаванское» съ двойными рукавами, изъ которыхъ—нижніе изъ легкой матеріи собранные до кисти, а верхніе очень длинныя изъ той же матеріи, какъ и юбка, и приподнятыя на спинѣ. Платье изъ сѣраго или лиловаго шелка; ни одной драгоценности, никакого знака, указывающаго на ея высокій санъ. Башмаки удобныя съ низкими каблучками. Только въ прическу Екатерина вкладывала немного кокетства. Она носитъ высоко зачесанные волосы, совершенно открывающіе ея лобъ, красотою и развитіемъ котораго она любила пощеголять. Ея волосы густы и длинны. Когда она сидитъ за туалетнымъ столомъ, они касаются пола. Во дни парада діадема увѣнчиваетъ высокую прическу—мудреное сооруженіе искусныхъ рукъ Козлова; тогда шелкъ замѣняется краснымъ бархатомъ, но ея костюмъ, хотя и превращенный такимъ образомъ, все же сохраняетъ приблизительно тотъ же удобный покрой и носитъ названіе «русскаго платья», которое стало обязательнымъ во время придворныхъ выходовъ, представляя собою тяжелую жертву для молодыхъ женщинъ, которыя огорчались, что не могутъ быть одѣтыми по парижской модѣ. Послѣ этого Екатерина проходитъ въ официальную уборную, гдѣ завершаютъ ея туалетъ. Это часть малаго выхода. Число, пользующееся привилегіей присутствовать при этомъ, весьма ограничено. Несмотря на это, комната полна. Тамъ, во-первыхъ, внуки императрицы, которыхъ неизмѣнно приводятъ въ это время, потомъ фаворитъ, нѣсколько друзей, какъ на примѣръ, Нарышкинъ. Есть тамъ даже и придворный шутъ, въ общемъ особа весьма разумная, нѣкая Матрена Даниловна, исполняющая эту должность, съ которой она соединяла между прочимъ и должность доносчицы. Она забавляетъ Екатерину своими шутками, и императрица, благодаря ей, узнаетъ обо всемъ, что дѣлается и говорится при дворѣ и въ городѣ, о сплетняхъ, пущенныхъ въ ходъ со вчерашняго дня и даже самыя сокровенныя тайны. Глазъ и ухо Матрены Даниловны повсюду и вообще она обладаетъ чутьемъ полицейскаго. Однажды она сильно напала на оберъ-полицеймейстера Рылѣва. Екатерина призываетъ его и по-дружески совѣтуетъ ему послать Матренѣ Даниловнѣ откормленныхъ куръ и гусей, въ которыхъ та нуждается, чтобы приличнымъ образомъ

встрѣтить праздникъ Пасхи. Проходитъ недѣля. «А Рылѣвъ?»—спрашиваетъ императрица у кумушки. Марья Даниловна распалась въ похвалахъ сановнику, котораго недѣлю тому назадъ поносила на чемъ свѣтъ стоитъ. «А-а,—прервала ее Екатерина,—вижу что онъ прислалъ тебѣ куръ и гусей!...»

Но вотъ императрица сидитъ передъ своимъ великолѣпнымъ туалетнымъ столомъ изъ массивнаго золота. Ея четыре камеръ-юнгферы хлопчуть вокругъ нея. Это четыре старыя дѣвы, которыхъ она держитъ при своей особѣ со времени своего восшествія на престолъ и которыя вмѣстѣ съ нею пережили свою пору любви. Да и вообще онѣ всегда были очень некрасивы. Одна изъ нихъ Марья Степановна Алексѣева непростительно румянится. Всѣ — русскія. Екатерина имѣла исключительно русскую прислугу, подавая этимъ примѣръ своимъ подданнымъ, которые однако не послѣдовали ему и до сего дня. Вотъ Марья Степановна — подающая государынѣ кусокъ льда, которымъ та при всѣхъ еще разъ натираетъ себѣ обѣ щеки, какъ бы доказывая этимъ, что она сама не прибѣгаетъ ни къ какимъ косметикамъ, употребляемымъ ея камеръ-юнгферами. Старая Палакучи прикалываетъ ей къ волосамъ маленькій креповый чепчикъ, который на этотъ разъ сидитъ совершенно прямо. Двѣ сестры Звѣревы подаютъ ей нѣсколько булавокъ — и туалетъ Ея Величества законченъ. Церемонія продолжалася въ общемъ около десяти минутъ, въ теченіе которыхъ она обращалась со словами къ присутствующимъ.

Теперь за столъ. До Шведской войны императрица обѣдала обыкновенно въ часъ; но со времени этого событія, занятія, которыми она себя обременила, заставили перенести время обѣда на часъ позднѣе и съ тѣхъ поръ стали обѣдать въ два. Въ обыкновенные дни за столомъ Ея Величества присутствовало человѣкъ двѣнадцать гостей. Прежде всего — фаворитъ, занимавшій мѣсто по правую руку государыни, затѣмъ нѣсколько друзей, графъ Разумовскій, фельдмаршалъ князь Голицынъ, князь Потемкинъ, графъ Ангальтъ, два брата Нарышкиныхъ, дежурный генераль-адъютантъ, графъ Чернышовъ, графъ Строгановъ, князь Бярятинскій, графъ Брюсъ, графиня Браницкая, княгиня Дашкова и позднѣе, въ послѣдніе годы царствованія: генераль-адъютантъ Пассекъ, графъ Строгановъ, фрейлина Протасова, вице-адмиралъ Рибасъ, генераль-губернаторъ польскихъ провинцій Тутолминъ, и два представителя французскихъ эмигрантовъ графъ Эстергази и маркизь Даламберъ.

Обѣдъ продолжается около часа; блюда очень простыя; Екатерина не заботится объ ихъ изысканности; ея любимое кушанье — вареная говядина съ солеными огурцами, а напитокъ — вода со смородинымъ сиропомъ; позднѣе, по предписанію докторовъ — рюмка мадеры или рейнвейна; какъ десертъ — нѣкоторые плоды, преимущественно — яблоки и вишни.

Среди ея поваровъ былъ одинъ, который отвратительно готовилъ. Проходили годы — и она этого не замѣчала, когда же впоследствии обратили на это ея вниманіе, она не согласилась отказать ему, говоря, что онъ служить въ домѣ у нея очень давно. Она справлялась только о дняхъ его дежурства, и говорила, садясь за столъ: «Господа! имѣйте терпѣніе! у насъ сегодня постная недѣля».

Два раза въ недѣлю, по средамъ и по пятницамъ, Ея Величество кушаетъ постное — и тогда у нея за столомъ только двое или трое изъ присутствовавшихъ.

Надо замѣтить, что для того, чтобы хорошо пообѣдать, ея гости не имѣли нужды выходить изъ дворцовыхъ палатъ. Если столъ Ея Величества былъ сервированъ посредственно и Екатерина зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы расходъ не превышалъ опредѣленной суммы, зато на столъ ея фаворита Зубова или его покровителя Салтыкова, или графини Браницкой, которые всѣ трое жили на императорскомъ иждивеніи — выходило въ 1795 г. ежедневно по 400 р., не считая напитковъ, стоимость которыхъ съ чаемъ, кофе и шоколадомъ равнялась 200 р. ежедневно.

Послѣ обѣда нѣсколько минутъ разговора — затѣмъ всѣ встаютъ и расходятся. Екатерина усаживается за пяльцы вышивать — что она дѣлала очень искусно, а Бецкій читаетъ вслухъ. Когда Бецкій, старѣя, сталъ терять зрѣніе, она его не замѣстила, а читала сама, пользуясь его очками. Еще часъ проходитъ такимъ образомъ. И вотъ ей докладываютъ о ея секретарѣ. Два раза въ недѣлю онъ является съ курьеромъ, у котораго тотчасъ же обираютъ почту. Въ другіе дни къ ней поочередно являются должностныя лица, представляя рапорты и спрашивая инструкціи. Въ это время у нея часто бываютъ ея внуки, съ которыми она играетъ въ минуту перерыва въ дѣлахъ. Бьетъ четыре часа. Она заслужила отдыхъ и развлеченія, которыми теперь воспользуется. По длинной галлерей, ведущей изъ зимняго дворца въ Эрмитажъ, она отправляется въ свое любимое мѣстопробываніе. Ланской, либо Мамоновъ, либо Зубовъ сопровождаютъ ее туда. Она осматриваетъ свои новыя коллекціи, играетъ партію на биллиардѣ, а иногда забавляется бросаніемъ кости.

Шесть часовъ. Это — время возвращенія въ пріемную залу, гдѣ начинается сѣздъ. Екатерина медленно проходитъ залы, даритъ нѣкоторыхъ милостивыми словами, потомъ садится за карточный столъ. Она играетъ въ винтъ по десяти рублей роберъ, въ рокамболь, пикетъ или бостонъ, — всегда по маленькой. Ея обычные партнеры: гр. Разумовскій, фельдмаршалъ гр. Чернышевъ, фельдмаршалъ князь Голицынъ, графъ Брюсъ, графъ Строгановъ, князь Орловъ, князь Вяземскій и иностранные посланники. Екатерина дѣлаетъ предпочтеніе двумъ первымъ, — т. к. они играютъ осторожно и не дадутъ неточно ей выигрывать.

Она сама старается играть изо всѣхъ силъ. Камергеръ Чертковъ, котораго она иногда принимаетъ въ партнеры, постоянно приходилъ въ раздраженіе, упрекая государыню въ плутовствѣ и иногда въ негодованіи бросалъ карты въ лицо Ея Величеству; она никогда не обижалась на это, но старалась защищать, какъ могла, свою манеру играть, призывая въ свидѣтели присутствующихъ. Разъ она обратилась къ двумъ французскимъ эмигрантамъ, участвовавшимъ въ игрѣ, прося разрѣшить споръ.

«Прекрасные посредники! — вскричалъ камергеръ Чертковъ, — они провели своего собственнаго короля!» Тогда Екатерина велитъ замолчать такому злему и нескромному игроку. Видно, что ей стоило большого труда поддерживать въ придворныхъ подобающій тонъ. Въ другой разъ, когда она играла въ вистъ съ графомъ Строгановымъ, генераломъ Архаровымъ и Штакельбергомъ, Строгановъ безпрестанно проигрывалъ. Вдругъ онъ, не выдержавъ, забывъ всякое приличіе, вскакиваетъ со стула, бросаетъ партію неоконченной и съ пылающимъ лицомъ, задыхаясь, начинаетъ мѣрить шагами бриллиантовую залу, давъ волю своей ярости.

«Всѣ мои деньги уйдутъ такимъ образомъ... Вамъ ничего не значитъ проигрывать... а я... я скоро сдѣлаюсь нищимъ».

Находя, что онъ выходитъ изъ границъ, Архаровъ хочетъ остановить его, но Екатерина останавливаетъ его.

«Да оставьте! Вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ онъ такой! Вы его не исправите и я тоже».

Игра кончается неизмѣнно къ десяти часамъ. Тогда Ея Величество удаляется. Исключая пріемныхъ дней, ужина совсѣмъ не полагается; да и въ тѣ дни Екатерина садится за столъ только для этикета.

Войдя въ свои покои, она проходитъ въ спальню, выпиваетъ стаканъ кипяченой воды и ложится въ постель.

Ея день оконченъ.

Вотъ тихій образъ жизни, и картина ея, которую мы только что нарисовали передъ читателемъ; она не согласна, быть можетъ въ его воображеніи съ тѣми представленіями, которыя уже укрѣпились у него въ умѣ, благодаря различнымъ преданіямъ о Екатеринѣ Великой. Мы же, однако, придерживались самыхъ достовѣрныхъ источниковъ. Весьма понятна та естественная разница между исторіей и преданіемъ. Последнее вдохновлялось, во-первыхъ, всѣмъ тѣмъ, что дѣйствительно было достойно порицанія и оправдывало предположенія самыя нежелательныя относительно интимной жизни государыни, насчетъ которыхъ мы поговоримъ позднѣе, а во-вторыхъ — извѣстными періодами разсѣянности, которые были случайныя, проходящія въ исторіи великой императрицы, какъ, на примѣръ, тотъ, который послѣдовалъ за приступомъ отчаянія послѣ смерти Ланского. Обыкновенный образъ жизни Екатерины является совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ и — если набросить покрывало на нѣкоторыя изъ ея удовольствій — онъ никогда не нарушалъ на продолжительное время ни гармоническаго равновѣсія ея умственныхъ способностей, ни такъ мудро составленной программы ея занятій и входящихъ въ эту программу развлеченій, самаго скромнаго, самаго невиннаго свойства. Тѣ, которые пренебрегаютъ этимъ совѣтомъ и представляютъ себѣ всю жизнь Екатерины вѣчной оргіей — будутъ въ большомъ затрудненіи указать хотя бы на одинъ такой фактъ, оправдывающій подобное предположеніе. Исторія не въ состояніи записать ни одного. Но хорошо ли освѣдомлена исторія? Не имѣла ли болѣе или менѣе благопристойная внѣшность частной жизни государыни свою закулисную позорную сторону. Дворцы Петербурга и Царскаго Села и апартаменты Эрмитажа не скрывали ли они укромныхъ уголковъ, располагающихъ къ менѣе похвальному времепрепровожденію? Мы этого не думаемъ, по причинамъ зависящимъ какъ отъ характера Екатерины, такъ и отъ уклада ея частной жизни. Съ извѣстной стороны жизнь эта, правда, была скандальна, но скандальна внѣшнею, показною своей стороною, черезчуръ всегда откровенною. Впрочемъ императрица сама постаралась не словами, а поступками блестяще опровергнуть возводимыя на нее гнусныя обвиненія, еще при жизни позорящія ея славное имя. Англичанинъ Гарри писалъ въ январѣ 1779 г.: «Императрица ведетъ съ каждымъ днемъ все болѣе невоздержную и разсѣянную жизнь, и ея общество составлено изъ всего, что ни на есть низкаго среди ея придворныхъ. Здоровье Ея Величества, конечно, расшатано подобною жизнью, какою она ведетъ».

Когда Foreign Office заключило изъ этого, что «государынѣ, истощенной развратомъ» остается жить не болѣе нѣсколькихъ дней, то вся Европа поспѣшила узнать, что Екатерина жива и здорова—какъ тѣломъ, такъ и душой и умомъ, и никогда она не чувствовала себя такъ хорошо физически и нравственно, какъ въ эту эпоху.

Екатерина, разумѣется, была сладострастна, даже развратна, если хотите, но не имѣла ничего общаго съ вакханкой. Ненасытно-влюбленная, какъ и безгранично честолюбивая, она все же подчиняла свои страсти и честолюбіе извѣстнымъ правиламъ, никогда не переходя границъ. Фавориты, конечно, занимали большое мѣсто и во дворцѣ, и во всей ея матеріальной, нравственной, и политической жизни, но въ ней было особое мѣсто и для императрицы и даже, какъ это ни странно, для семейной женщины—тихой и кроткой, какою была Екатерина.

Екатерина страстно любила дѣтей; ей нравилось играть съ ними. Это было ея любимымъ времепрепровожденіемъ. Въ одномъ изъ писемъ къ Ивану Чернышеву въ 1769 г. она описываетъ ему сцену, гдѣ она со своими обычными товарищами, Григоріемъ Орловымъ, графомъ Разумовскимъ, Захаромъ Чернышевымъ въ свободные часы забавлялась съ маленькимъ Марковымъ, котораго она воспитывала, рѣзвясь, катаясь по полу, дѣлая тысячу безумствъ и хохоча до слезъ, Маленькаго Маркова, которому тогда было шесть лѣтъ замѣнилъ позднѣе сынъ адмирала Рибопьера. Этого труднѣе было приручить, такъ какъ этотъ маленькій дикарь вбилъ себѣ въ голову всевозможные страхи, между прочимъ, что его позвали во дворецъ для того, чтобы отсѣчь ему голову. Но Екатерина ловко сумѣла пріобрѣсти его довѣріе. Она вырѣзывала ему картинки, дѣлала игрушки. Разъ она оторвала ленту отъ своего ворота, чтобы сдѣлать возжи для вырѣзанной изъ куска картона упряжи. Она держала его при себѣ цѣлыми часами, отсылала только для того, чтобъ заняться дѣлами и затѣмъ звала его опять. Въ свои пять лѣтъ онъ получилъ уже отъ императрицы чинъ офицера ея гвардіи. Но онъ не одинъ пользовался подобной привилегіей: два брата Голицыныхъ, четыре внучатныхъ племянника Потемкина, сынъ фельдмаршала графа Салтыкова, гетмана Браницкаго, маленькій графъ Шуваловъ, тотъ, кто впоследствии сопровождалъ Наполеона на островъ Эльбу, и маленькій Валентинъ Эстергази—всѣ они раздѣляли съ нимъ эту царскую милость.

Маленькій Рибопьеръ росъ въ апартаментѣхъ Ея Величества до одиннадцати лѣтъ; отпуская его, Екатерина пожелала, чтобы онъ ей писалъ и отвѣтила ему собственноручно; но ея письмо такъ испещрено помарками—и она не потрудилаcь написать снова,—что пришлось отдать его переписать своему секретарю Панову, который вручилъ впослѣдствіи адресату и самый оригиналъ. Екатерина приводила въ этомъ письмѣ стихи, сочиненные якобы Вольтеромъ:

Dans les âmes bien nées
La valeur n'attend pas le nombre des années ¹⁾.

Въ своихъ «воспоминаніяхъ» Рибопьеръ говорилъ также и о портретѣ Екатерины, полученномъ имъ, когда ему было девять лѣтъ. Разъ императрица спросила его, имѣеть ли онъ ея портретъ? онъ съ огорченіемъ покачалъ головой.

«А, говоришь, что любишь меня!»—воскликнула Екатерина. Тотчасъ же она приказала принести одинъ изъ своихъ портретовъ, именно тотъ самый, въ низу котораго графъ Сегюръ написалъ въ 1787 г. весьма извѣстные стихи. Ребенокъ тотчасъ же захотѣлъ отвезти свое сокровище въ родительскій домъ. Приказали подать ему придворную карету. Онъ съ важностью помѣстилъ портретъ въ глубинѣ кареты, а самъ сѣлъ напротивъ. Этотъ поступокъ умилилъ Екатерину.

Мѣсто, занимаемое при дворѣ маленькимъ Рибопьеромъ, было очень завидное и по его отъѣздѣ стало предметомъ многочисленныхъ вождедѣній. Зубовъ попробовалъ было ввести во дворецъ маленькаго Валентина Эстергази, но императрица вскорѣ замѣтила, что этотъ новый компаньонъ то и дѣло повторялъ передъ нею болѣе или менѣе хорошо заученный урокъ. Онъ рассказывалъ въ ужасныхъ подробностяхъ о нищитѣ, царившей въ его семьѣ; жаловался, что носилъ рубашки только изъ грубаго холста. Разъ нечаянно онъ издалъ при императрицѣ непристойный звукъ. «Наконецъ-то,—вскричала Екатерина,—я слышу нѣчто натуральное!»

Маленькій Валентинъ не имѣлъ въ общемъ успѣха, подобнаго своимъ предшественникамъ.

Послѣ дѣтей (мы не смѣемъ сказать «до» дѣтей, что было бы точнѣе, быть можетъ) собаки и вообще всѣ животныя играли

¹⁾ Души, одаренныя хорошими качествами
Не дожидаются большого числа лѣтъ для своей оцѣнки.

въ теченіе жизни Екатерины значительную роль. Семейство сира Тома Андерсона, изо всѣхъ семей имперіи, занимало наиболѣе прочное положеніе при дворѣ. Вотъ перечисленіе его членовъ въ слѣдующемъ письмѣ государыни:

«Во главѣ находится родоначальникъ — Сиръ Томъ Андерсонъ, далѣе идетъ его супруга—княгиня Андерсонъ, ихъ дѣти: «молодая княжна Андерсонъ, князь Андерсонъ и Томъ-Томсонъ; «этотъ отлично устроился въ Москвѣ подъ опекой князя Волконскаго, генерала-губернатора столицы. Есть еще кромѣ этихъ, «чья репутація безупречна, еще четверо или пятеро молодыхъ «особъ, подающихъ большія надежды и которыхъ воспитываютъ «въ наилучшихъ домахъ Москвы и Петербурга; какъ, на примѣръ, «у князя Орлова, у Нарышкиныхъ и у князя Туфякина. Сиръ «Томъ Андерсонъ женился во второй разъ на m-lle Мими, ко- «торая съ этого времени стала называться Мими Андерсонъ. Но «до сихъ поръ еще у нихъ нѣтъ потомства. Кромѣ этихъ двухъ «законныхъ браковъ (потому что, излагая біографію какого-ни- «будь лица, надо упоминать о его достоинствахъ равно какъ и «о недостаткахъ) господинъ Томъ имѣлъ много незаконныхъ «связей... Великая княгиня имѣетъ много хорошенькихъ сукъ, «которыя вскружили ему голову; но до сихъ поръ не появилось «ни одного побочнаго приплода и повидимому ихъ и не будетъ «вовсе, хотя и говорятъ противное—но это все сплетни».

Въ другомъ письмѣ, гдѣ Екатерина дѣлится со своимъ повѣреннымъ горемъ, причиненнымъ ей смертію великой княгини, первой супруги Павла, мы находимъ еще одинъ подобный пассажъ, который въ данномъ случаѣ производитъ странное впечатлѣніе.

«Я всегда любила животныхъ. Животное имѣетъ гораздо «болѣе ума, нежели это предполагаютъ и если оно когда-нибудь «имѣло бы право говорить, такъ это — Сиръ Томъ Андерсонъ. «Ему нравится общество, а въ особенности общество его соб- «ственной семьи. Онъ выбираетъ изъ каждаго новаго выводка «самыхъ умныхъ и забавляется съ ними; онъ ихъ воспитываетъ, «заставляетъ усваивать свой нравъ, свои привычки. Въ дурную «погоду, когда каждая собака чувствуетъ наклонность ко сну, «онъ не ѣстъ и не даетъ ѣсть менѣе опытнымъ. Если, несмотря «на это у нихъ дѣлается разстройство желудка и начинается рво- «та,—то онъ ворчитъ и бранитъ ихъ. Если находятъ что-нибудь «забавное—онъ занимаетъ ихъ; если находятъ траву, полезную «для ихъ здоровья—ведетъ ихъ къ ней. Вотъ сколько призна- «ковъ ума, которые я сто разъ наблюдала».

«Вашъ № 29 (Екатерина придумала для своей переписки съ Гриммомъ нумерную систему, весьма необходимою для того, чтобы не перепутать писемъ) прибылъ двумя днями позднѣе вашихъ перчатокъ (Гриммъ дѣлалъ покупки по порученію Ея Величества), которыя съ минуты прибытія въ мою комнату валяются на большомъ турецкомъ диванѣ, гдѣ безъ конца забавляютъ внуковъ Сира Тома Андерсона и въ особенности Лэди Андерсонъ, которая въ свои пять мѣсяцевъ представляетъ изъ себя маленькое чудо, и соединяетъ въ этомъ возрастѣ всѣ добродѣтели и пороки своей знаменитой породы. Она уже сейчасъ рветъ все, что находитъ, всегда бросается и хватается за ноги всѣхъ, кто входитъ въ мою комнату; охотится за мухами, птицами и оленями и тому подобными животными вчетверо больше ея и одна производитъ больше шума, чѣмъ всѣ ея братья, сестры, тетка, отецъ, мать, дѣдъ, и прадѣдъ—взятые вмѣстѣ. Это—полезная движимая собственность въ моей комнатѣ, т. к. она забавляется всякими пустяками, которые слѣдуетъ унести изъ моей комнаты, не нарушая обычнаго теченія моей жизни».

Но, собакъ недостаточно для Екатерины. Въ 1785 г. она принимаетъ на свое попеченіе бѣлую бѣлку, которую выращиваетъ сама, кормя изъ своихъ рукъ орѣхами. Приблизительно тогда же она приобрѣла себѣ обезьяну и начинаетъ хвалиться ея проказами и умомъ.

«Надо вамъ разказать—писала она къ Гримму—о томъ удивленіи, которое я увидѣла однажды на лицѣ принца Генриха (брата прусскаго короля), когда князь Потемкинъ впустилъ ко мнѣ въ комнату обезьяну, съ которой я начала играть вмѣсто того, чтобы продолжать прекрасный разговоръ, только что начатый нами. Онъ даже вытаращилъ глаза—но чтобы онъ ни дѣлалъ—его тоже увлекли проказы обезьяны». Въ то же время она получаетъ отъ князя Потемкина въ подарокъ кошку,—«изо всѣхъ котовъ—котъ самый веселый, умный и нисколько не упрямый». Она получила этотъ презентъ взаменъ сервиза изъ севрскаго фарфора, который заказала для фаворита, сказавъ нарочно при заказѣ, что онъ нуженъ для нея: «чтобы онъ былъ еще красивѣе». Семейство Андерсонъ не теряло однако отъ этихъ другихъ привязанностей своихъ правъ.

«Вы меня извините,—пишетъ императрица,—за то, что предыдущая страница такъ плохо написана: мнѣ чрезвычайно мѣшаетъ въ эту минуту нѣкая молодая, прекрасная Земира, которая изо всѣхъ Томсоновъ садится какъ можно ближе ко мнѣ

и доводить свои претензіи до того, что кладеть свои лапы мнѣ на бумагу».

Приведемъ еще отрывокъ изъ «воспоминаній» м-ме Виже-Лебрень: «когда императрица возвратилась въ городъ, я видала, какъ она каждое утро открывала форточку и бросала хлѣбныя крошки воронамъ, которыя цѣлыми сотнями ежедневно и въ опредѣленный часъ слетались за своимъ пропитаніемъ.

Вечеромъ, около десяти часовъ, когда ея залы были освѣщены, я видѣла, какъ она со своими внуками и нѣсколькими придворными играла въ жгуты и въ прятки».

М-ме Виже-Лебрень во время своего пребыванія въ Петербургѣ жила напротивъ императорскаго дворца. Впослѣдствіи преданіе передѣлало въ голубей черныхъ воронъ, которыхъ кормила августѣйшая рука. Но преданіе или исторія—одинаково говорятъ намъ о вкусахъ и привычкахъ Екатерины, которые являются чертами ея характера, совершенно противоположнаго личности *Мессалины*. Слѣдовательно, возраженія, приведенныя нами выше, остаются во всей своей силѣ. То, что мы можемъ сказать объ ея жизни во дворцѣ съ Орловымъ или Потемкинымъ—можетъ быть не полная, не правдивая истина, какъ говорятъ итальянцы. Сомнѣніе—первая добродѣтель историка, и мы не забываемъ этого.

Однако мы уже сказали, что Екатерина не была лицемѣрной; она жила открыто и изъ гордости, либо изъ-за безстыдства не скрывала, а напротивъ выставляла на осужденіе все то, что насильно уничтожаетъ въ насъ наше уваженіе и восхищеніе передъ нею.

III.

Внѣ дома жизнь императрицы представляла мало матеріала для хроники—хорошей или дурной—все равно. Оставивъ въ сторонѣ свои большія путешествія, которыя дѣлали цѣлую эпоху въ ея жизни, какъ, на примѣръ, ея поѣздка въ Крымъ—она запералась въ стѣнахъ своихъ обширныхъ и роскошныхъ дворцовъ. Иногда же на масленицѣ въ прекрасный солнечный день она дѣлала довольно длинныя прогулки. Трое большихъ саней, запряженныхъ цугомъ въ десять-двѣнадцать лошадей, уносили ее съ ея обычной свитой. Къ каждому изъ этихъ саней привязывали позади посредствомъ веревки около дюжины саней поменьше, которыя биткомъ были набиты придворными кавалерами и дамами—и эта оригинальная кавалькада мчалась во весь

опорь. Отправлялись объѣдать въ окрестности столицы, въ Чесменскій дворець; или же проѣзжали черезъ Неву вплоть до Гобрилева — императорской виллы — гдѣ были устроены «русскія горы» — и возвращались въ Таврическій дворець къ ужину. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ, пообѣдавъ и занявъ мѣсто въ однихъ изъ трехъ огромныхъ саней, гдѣ она сидѣла одна, Екатерина ѣ пришлось въ голову спросить у своего штальмейстера, обѣдали ли также кучера и лакеи, которые ихъ сопровождали. На отрицательный отвѣтъ императрица вышла изъ саней и сказала: «эти люди тоже хотятъ ѣсть, какъ и мы». И такъ какъ обѣда для нихъ не приготовили, то она терпѣливо дожидалась, пока это сдѣлали, и прислуга утолила свой голодь.

Но такія развлечения бывали рѣдки. Императрица не любила показываться иначе, какъ во дворцѣ, среди декоративной обстановки, которая ее всегда окружала. Она боялась ослабить свой престижъ народнаго идеала. Однажды у нея болѣла голова, и ей очень помогла прогулка на чистомъ воздухѣ; когда же на слѣдующій день головная боль возвратилась и ей предложили опять прогуляться, она возразила: «а что скажетъ народъ, если онъ увидитъ меня на улицѣ два дня сряду». Два раза въ теченіе зимы она ѣздила въ маскарадъ; тѣ, кого она приглашала себя сопровождать, находили при дворѣ костюмы и маски. Обыкновенно, чтобы лучше сохранить свое инкогнито, Екатерина садилась въ чужую карету; ей нравилось также надѣвать мужской костюмъ и заинтриговывать хорошенькихъ женщинъ, изысканно ухаживать за ними и возбуждать ихъ любопытство. Ея нѣсколько грубоватый голосъ помогаль этому обману. Одна изъ нихъ, возбужденная ухаживаніями, которыя Екатерина завела слишкомъ далеко — въ порывѣ увлеченія сорвала маску съ таинственнаго кавалера. Екатерина повидному очень разгнѣвалась, но ограничилась упрекомъ слишкомъ чувствительной красавицѣ въ нарушеніи условій, предписываемыхъ маскарадомъ. Она не принимала ничьихъ приглашеній. Великолѣпный князь Тавриды, графъ Разумовскій, фельдмаршалъ Голицынъ, двое Нарышкиныхъ, графиня Брюсъ и г-жа Матюшкина — приблизительно единственные лица, которыя иногда имѣли честь видѣть императрицу у себя въ гостяхъ. Чаще всего она не извѣщала о своемъ пріѣздѣ, забавляясь замѣшательствомъ, вызваннымъ ея неожиданнымъ появленіемъ.

Весною она переѣзжала изъ Зимняго дворца въ Таврическій, когда это великолѣпное зданіе, выстроенное для Потемкина,

было вновь куплено ею у богатаго фаворита. Она, по обыкновенію, проводила тамъ вербное воскресенье и говѣла, и проживала до мая мѣсяца, когда снова уѣзжала подъ сѣнь царскосельскихъ садовъ. Эта лѣтняя резиденція, созданная ею и замѣнившая Петергофъ и Ораніенбаумъ, съ которыми связаны мрачныя воспоминанія — была самымъ любимымъ мѣстопребываніемъ Екатерины.

Тамъ не было болѣе пріемовъ, ни придворнаго церемоніала, ни скучныхъ аудіенцій; даже сами дѣла тамъ какъ бы пріостановились или сокращались до предѣловъ крайней необходимости.

Вставъ въ шесть или въ семь часовъ, императрица начинала свой день прогулкой. Легко одѣтая, съ тросточкой въ рукѣ она проходитъ по своимъ садамъ, гдѣ только вѣрная Перекусихина, камердинеръ и егеръ сопровождаютъ ее. Но, разумѣется, семейство Андерсонъ тоже принимаетъ участіе въ прогулкѣ, и присутствіе государыни узнавалось по радостному лаю цѣлой своры собакъ, скачущихъ по газону впереди императрицы. Екатерина страстно любила садоводство—и «плантоманія», какъ она называла эту страсть, соперничала въ ея предпочтеніи съ любовью къ зодчеству. Она, въ этомъ отношеніи, слѣдовала своей модѣ. «Въ настоящее время я до страсти люблю—пишетъ она, въ 1772 г.—сады на англійскій ладъ, кривыя линіи, мягкія контуры, пруды въ формѣ озеръ, группы острововъ изъ твердой земли, и глубоко презираю прямолинейность. Я ненавижу фонтаны, которые насилуютъ воду, заставляя ее принимать неестественное направленіе — однимъ словомъ, англоманія царитъ въ моей плантоманіи».

И черезъ пять лѣтъ:

„Я часто привожу въ ярость своихъ садовниковъ, и не одинъ нѣмецъ-садовникъ говаривалъ мнѣ: «Aber, mein Gott, was wird das werden» ¹⁾. Я находила, что большинство изъ нихъ—только рутинеры. Удаленіе отъ рутинности—что я часто имъ совѣтовала—ихъ скандализовало, и, когда я вижу, что рутинность усиливается,—то беру себѣ въ помощники перваго встрѣчнаго садовника-мальчишку. Никто не смѣется такъ надъ моей плантоманіей, какъ графъ Орловъ; онъ слѣдитъ за мной, передразниваетъ, высмѣиваетъ, критикуетъ меня; но и онъ кончилъ тѣмъ, что, уѣзжая, поручилъ мнѣ свой садъ на это лѣто, и я въ нынѣшнемъ году начну тамъ обдѣлывать дѣла по-своему. Его земля по сосѣдству

¹⁾ Но, Богъ мой, что же изъ этого выйдетъ?

съ моей; и я горжусь тѣмъ, что онъ оцѣнилъ мое искусство садоводства».

Царскосельскіе сады посѣщались публикой. Однажды, сидя съ Перекусихиной на скамьѣ, Екатерина замѣтила одного петербуржца, который, проходя мимо старухъ, и не узнавъ императрицы, бросилъ на нихъ презрительный взглядъ, и насвистывая, пошелъ своей дорогой.

Перекусихина негодовала, но Екатерина замѣтила ей: «Ну что ты хочешь, Марья Савишна! Съ нами не приключилось бы этого двадцать лѣтъ тому назадъ; устарѣли мы съ тобой—сами и виноваты». Окончивъ въ 9 часовъ свою прогулку, государыня садится за работу—и до шести часовъ вечера; все остальное время дня проходило почти точно такъ же, какъ и въ городѣ, за исключеніемъ того, что сюда являлось менѣе должностныхъ лицъ, и кругъ придворныхъ былъ тоже ограниченъ. За обѣдомъ появлялся одинъ или два приглашенныхъ изъ города. Въ шесть часовъ—новая прогулка, въ кругу болѣе многочисленнаго общества, хотя и при полной свободѣ. Внуки императрицы бѣгали у ней на глазахъ взапуски, а графъ Разумовскій рѣшалъ выигрыши. Если шелъ дождь, Екатерина собирала свое общество въ знаменитой стеклянной галлерей съ колоннами, гдѣ находились бюсты великихъ людей древней и новой исторіи, передъ которыми она благоговѣла. Иностраннымъ посланникамъ приходилось иногда раздѣлять прелести этой императорской дачной жизни. Графъ Сегюръ, удостоившійся этой чести, рассказывалъ о своихъ воспоминаніяхъ, вынесенныхъ отсюда:

«Екатерина II была настолько любезна, что сама показывала мнѣ всѣ красоты этого великолѣпнаго загороднаго помѣстья, гдѣ прозрачныя воды, тѣнистыя роши, элегантныя павильоны, благородная архитектура, драгоценная мебель, залы облицованныя порфиромъ, ляписъ лазурью и малахитомъ—все это вмѣстѣ имѣло феерическій видъ и переносило воображеніе путешественника въ сады и дворцы Армиды.

«Полная свобода, веселый разговоръ, отсутствіе всякой скуки и стѣсненія—все это, оставляя въ сторонѣ внушительное величіе царскаго дворца, заставляло меня думать, что я нахожусь въ деревнѣ въ обыкновенной и очень гостепріимной семьѣ.

«Кобенцель проявлялъ неистощимый запасъ веселости, Фицъ-Гербертъ—тонкій и изящный умъ, генералъ Потемкинъ—оригинальность, которая дѣлала его всегда интереснымъ, даже въ минуты дурного расположенія духа и мечтательности. Импера-

трица запросто бесѣдовала обо всемъ, кромѣ политики. Она любила слушать сказки и сама ихъ сочиняла. А если разговоръ не клеился, то штальмейстеръ Нарышкинъ своими шутовскими выходками вызывалъ въ присутствующихъ смѣхъ и остроты. Екатерина почти все утро работала, и тогда мы были свободны читать, писать, гулять и вообще дѣлать все, что кому вздумается. Обѣдъ при ограниченномъ числѣ блюдъ и гостей былъ хорошъ, простъ и безъ всякой роскоши. Послѣобѣденное время проводили въ играхъ и разговорѣ. Вечеромъ Екатерина рано удалялась къ себѣ и Кобенцель, Фрицъ-Гербертъ и я собирались у кого-нибудь изъ насъ или же у князя Потемкина».

Въ Царскомъ Селѣ—въ этомъ прекрасномъ уединеніи—Екатерина отдыхала отъ тяжелыхъ обязанностей своего сана; въ особенности отъ тѣхъ, которыя обязывали ее присутствовать на придворныхъ празднествахъ и церемоніяхъ. Что были эти за торжества и какой блескъ она умѣла придавать имъ, мы расскажемъ это въ свое время. Теперь же скажемъ нѣсколько словъ о ея знаменитыхъ вечерахъ въ Эрмитажѣ. По громадности своихъ размѣровъ, великолѣпію внутренняго устройства этотъ дворецъ не соответствовалъ своему названію дворца. Цѣлый рядъ залъ и галлерей велъ въ круглую залу театра-миніатюру античнаго театра въ Виченцѣ. Приемы были трехъ родовъ: большіе, малые, и средніе. На первые приглашалась вся знать и всѣ иностранные посланники; балы смѣнялись спектаклями, гдѣ подвизались на сценѣ знаменитости того времени: Сарти, Ситароза, Паціелло дережировали оркестремъ; Біотти, Пуніани, Дицъ, Лулли Михель показывали свой талантъ на различныхъ инструментахъ.

Габріэлли, Тоди, баритонъ Маргикези, теноръ, Мажорлетти—пѣли. Въ пантомимѣ блестяли: Пикъ, Росси, Сантини, Канучіани. Послѣ концерта слѣдовала итальянская опера, а позднѣе стали давать и русскія комедіи и драмы. Здѣсь подвизались: Волковъ, Дмитріевскій, Шумскій, Крутицкій, Черниковъ, Сандуновъ и Трепольская. Разыгрывались и французскія комедіи и оперы Седена, Филидора, Гретри—чьи произведенія находили себѣ изящныхъ исполнителей, какъ, на примѣръ, въ лицѣ знаменитаго Офрена. На балу каждая дама имѣла по два кавалера, которые съ ней ужинали; послѣ ужина танцовали еще одинъ полонезъ и затѣмъ разбѣжались раньше десяти часовъ. Средніе приемы отличались отъ большихъ только болѣе ограниченнымъ числомъ приглашенныхъ. Совсѣмъ другой характеръ но-

силы малые приемы; на нихъ присутствовали неизмѣнно члены императорской фамилии и люди самые близкіе Екатеринѣ; всѣхъ въ общемъ бывало человѣкъ двадцать. Приглашеніе посторонняго лица считалось знакомъ исключительной царской милости, что цѣнилось очень высоко. Въ оркестрѣ, когда давали спектакли, (что случалось весьма часто) виднѣлось три-четыре музыканта: Дицъ—скрипка, Дельфини—виолончель и Кардонъ—арфа. По окончаніи спектакля дѣлали, что только хотѣли. Въ залахъ, открытыхъ для приглашенныхъ даже и «намека не было на императрицу» — какъ говорилъ Гриммъ въ своихъ запискахъ, правда, не только не точныхъ, но даже иногда и малодостовѣрныхъ. На стѣнахъ вывѣшивались правила: запрещалось, между прочимъ, вставать передъ государыней, даже если бы она и подходила къ сидѣвшему, или вступала съ нимъ въ разговоръ, продолжая стоять возлѣ него; запрещалось имѣть сердитый видъ, обмѣниваться оскорбительными словами, говорить дурно о комъ бы то ни было, даже вспоминать о ссорахъ и ненависти, которыя могли имѣть мѣсто внѣ этого собранія и должны быть оставлены за дверью вмѣстѣ со шпагой и шляпой. Запрещалось лгать и говорить вздоръ. Штрафъ въ десять копеекъ, которыя опускались въ кружку для бѣдныхъ, наказывалъ провинившихся. Безбородко исполнялъ должность казначея. Среди обычныхъ посѣтителей былъ одинъ, который беспрестанно повторялъ нелѣпости, заставляя этимъ кассира подносить ему свою копилку. Однажды, когда этотъ несносный человѣкъ уѣхалъ ранѣе другихъ гостей, Безбородко сталъ просить императрицу, запретить ему входъ въ Эрмитажъ, такъ какъ иначе онъ разорится на штрафы. «Оставьте»,—отвѣчала Екатерина,—«проводя цѣлый день въ выслушиваніи вашихъ рапортовъ, я нуждаюсь въ отдыхѣ и даже иной разъ и рада послушать вранье». «Тогда, матушка пріѣзжайте къ намъ въ первый департаментъ Сената, тамъ на каждомъ шагу услышите желаемое».

Маленькія игры производили фуроръ на этихъ собраніяхъ. Екатерина, первая затѣйница ихъ, веселила своихъ гостей и допускала всякія воляности. Фанты были слѣдующіе: залпомъ выпить стаканъ воды, продекламировать, не зѣвая, отрывокъ изъ Телемахиды (Третьяковскаго) и т. д. Вечеръ заканчивался игрой въ карты. Часто, во время робера, императрицѣ напоминали о фантѣ, который она забыла выполнить. «А что же я должна сдѣлать?»—спрашиваетъ она покорно.—«Сѣсть на полъ, матушка!» Она тотчасъ же повиновалась.

Все это далеко до той орги, о которой думали ея современники. Съ нѣкоторой точки зрѣнія, Екатерина, правда, давала пищу ихъ воображенію, которое несло въ карьеръ по этому пути въ ущербъ ея славы. Она съ самаго ранняго періода своего царствованія имѣла и сохранила навсегда нѣкоторыя замашки и манеры, несвойственныя государынѣ. Въ 1763 г. баронъ Бретейль, передъ тѣмъ какъ покинуть свой постъ, получилъ отъ нея записку, стиль которой былъ нарочно принятъ такой, чтобы поразить дипломата, привыкшаго къ официальной формѣ изложенія, принятой при дворѣ.

«Господинъ баронъ Бретейль будетъ такъ добръ, подъ предлогомъ, отдать визитъ графу Орлову, отправиться въ хижину— о красотѣ которой онъ обѣщался вѣчно хранить тайну—въ воскресенье въ одиннадцать часовъ утра и, если пожелаетъ, останется тамъ и послѣ ужина».

Записка безъ даты и подписи была собственноручно написана императрицей. Хижина, о которой тамъ упоминалось—былъ загородный домъ, только что отстроенный подъ Москвой. Бретейль послалъ слѣдующій отвѣтъ.

«Баронъ Бретейль возобновляетъ свои клятвы въ ненарушимой тайнѣ о хижинѣ, гдѣ ему оказываютъ милость, приглашая въ одиннадцать часовъ. Онъ отправится туда, проникнутый благодарностью и уваженіемъ и воспользуется лестнымъ предложеніемъ остаться тамъ цѣлый день; но графъ Орловъ, конечно, пожелаетъ, чтобы не было предлога визита».

Можно предположить, что эти строки написаны подъ диктовку м-ме Бретейль; но если эта послѣдняя и видѣла въ приглашеніи нѣчто для себя подозрительное, то она глубоко ошибалась и ея мужъ попался въ просакъ, когда узналъ въ чемъ было дѣло.

Интимная жизнь. — Фаворитизмъ.

Составилась цѣлая легенда о любовныхъ перипетіяхъ Екатерины. Мы постараемся замѣнить ихъ нѣсколькими страницами исторіи. Лаво, конечно, не какъ историкъ, передавалъ намъ о первыхъ дебютахъ Екатерины на любовномъ поприщѣ въ эпоху, предшествовавшую ея пріѣзду въ Россію. Уже въ Штеттинѣ у нея былъ, по его рассказамъ, любовникъ, графъ Б., намѣревавшійся жениться на ней; но онъ подвелъ къ алтарю одну изъ ея подругъ; это только нелѣпая выдумка. Малые германскіе дворы, разумѣется, не были храмами добродѣтели, но изъ этого все же не слѣдуетъ заключать, что ихъ принцессы въ четырнадцать лѣтъ предавались разврату. Позднѣе Лаво говоритъ, что въ Москвѣ и въ С.-Петербургѣ Екатерина отдавалась чуть ли не первому встрѣчному въ домѣ графини Д..., гдѣ многочисленные любовники, владѣвшіе ею, не знали, съ кѣмъ имѣли дѣло.

Сабатье де-Кабръ, свидѣтель иначе освѣдомленный, серьезный и безпристрастный, пишетъ въ своихъ запискахъ въ 1772 году: «Не будучи безупречной, она далека отъ тѣхъ излишествъ, въ которыхъ ее обвиняютъ. Ничего не было доказано въ этомъ отношеніи, кромѣ трехъ ея привязанностей: къ Салтыкову, королю польскому и графу Орлову».

Прѣхавъ въ Россію, Екатерина встрѣчаетъ тамъ общество и дворъ, не скажемъ, болѣе развратные, чѣмъ другіе большіе европейскіе придворные круги, но, по крайней мѣрѣ, такіе же, какъ и тѣ; и на верху общества и на ступеняхъ трона—ту форму разврата, примѣры котораго можно было встрѣтить вездѣ, въ томъ числѣ и во французскомъ королевствѣ. Это былъ фаворитизмъ.

По смерти Петра I престолъ Россіи безпрестанно занимался женщинами; онѣ имѣли любовниковъ, какъ Людовикъ XV—любовницъ. И когда императорскій любовникъ назывался Бирономъ, онъ былъ такимъ же могущественнымъ лицомъ въ Россіи, какою была и другая царская любовница, называемая м-мъ Помпадуръ. Какъ Людовикъ XIV тайно женился на м-мъ Ментенонъ, такъ и Елизавета вступила въ морганитическій бракъ съ Разумовскимъ. Этотъ былъ только сыномъ хохла-крестьянина и начиналъ свою карьеру пѣвчимъ въ придворной капеллѣ; да и вдова Скаррона вела свое происхожденіе не отъ знатной линіи. Шубинъ, предшественникъ Разумовскаго, былъ простымъ гвардейскимъ солдатомъ; онъ былъ достоенъ дю-Барри. И еще раньше, когда при колыбели Людовика XIV, королевство временно подпало подъ власть прялки—присутствіе синьора Мазарини на ступеняхъ трона не должно казаться наивнымъ людямъ фактомъ болѣе страннымъ, чѣмъ присутствіе Потемкина при Екатеринѣ полтораста лѣтъ спустя. Но надо ли заходить такъ далеко въ воспоминанія, когда дѣло идетъ о фаворитизмѣ при Екатеринѣ? Строэнзе, Годуай, лордъ Актонъ—были ея современниками.

Фаворитизмъ въ Россіи былъ въ общихъ чертахъ такимъ же, какъ и вездѣ, но только, благодаря своему чрезмѣрному развитію въ царствованіе Екатерины, онъ привялъ своеобразный отпечатокъ. На этотъ разъ на престолъ вступила женщина, способная перешагнуть всѣ общепринятыя границы; она, какъ и Анна и Елизавета, имѣла фаворитовъ, но ея темпераментъ, характеръ, наклонность все преувеличивать и все ставить на карту—придали этому традиціонному порядку, или лучше сказать, безпорядку вещей, необычайные размѣры. Анна сдѣлала изъ конюха Бирона—герцога Курляндскаго; Екатерина изъ Понятовскаго— короля Польскаго. Елизавета удовольствовалась двумя официальными фаворитами—Разумовскимъ и Шуваловымъ—Екатерина насчитывала ихъ дюжинами. Это еще не все; ея умъ былъ не только чрезмѣрнымъ, переступавшимъ принятыя границы, но это былъ умъ властный, самодавлѣющій, презирающій

установленныя правила, но возводящій въ правила или въ законъ свои собственныя наклонности, волю, даже—капризь. При Аннѣ Иоанновнѣ и Елизаветѣ Петровнѣ фаворитизмъ былъ только прихотью—при Екатеринѣ же онъ становится нѣчто въ родѣ государственнаго учрежденія.

До 1772 г. Екатерина была государыней, предававшейся развлеченіямъ, какъ и всѣ ея предшественницы. О ея сердечныхъ увлеченіяхъ говорили такъ же, какъ говорили объ увлеченіяхъ Елизаветы, не больше. Даже напротивъ, въ письмѣ къ Фридриху графъ Сольмсъ хотя и писалъ про Григорія Орлова слѣдующее замѣчаніе: что «можно было бы найти и сейчасъ тѣхъ ремесленниковъ и лакеевъ, которые еще такъ недавно сидѣли съ нимъ за однимъ столомъ, но» прибавляетъ затѣмъ: «въ Россіи такъ привыкли къ фаворитизму и такъ мало удивляются его быстрому росту, что привѣтствуютъ выборъ молодого челоувѣка, кроткаго, вѣжливаго въ обращеніи, который не выказываетъ ни гордости, ни бахвальства, напротивъ, обходится со своими прежними знакомыми запросто, выдѣляетъ ихъ и избѣгаетъ вмѣшиваться въ дѣла правленія; развѣ только когда-нибудь замолвить слово за своего друга». Правда, Григорій Орловъ не долго удовлетворялся этою скромною, незначительною ролью или вѣрнѣе сама Екатерина не довольствовалась этимъ.

Сольмсъ пишетъ еще: «Благодаря усиливающейся страсти, императрица пожелала ввести его (Орлова) въ дѣла правленія; она ввела его въ комиссію, учрежденную для преобразованія государства. И тогда-то, если вѣрить русскому посланнику—вспыхнуло всеобщее неудовольствіе. Гетманъ Разумовскій, графъ Бутурлинъ, оба генераль-адъютанта, вдругъ нашли неудобнымъ, что челоувѣкъ, стоявшій такъ недавно несравненно ниже ихъ—въ такой короткій срокъ сталъ съ ними на равную ногу. Другіе вельможи, принцы и генералы оскорблялись тѣмъ, что были вынуждены ожидать въ пріемной господина Орлова минуту его пробужденія, чтобы присутствовать потомъ при его выходѣ. Графъ Шереметевъ, оберъ-камергеръ, одинъ изъ знатнѣйшихъ и богатыхъ русскихъ вельможъ, и другіе, обязанные по своей должности сопровождать верхомъ экипажъ императрицы—съ горечью смотрѣли, какъ фаворитъ сидѣлъ рядомъ съ государыней, тогда какъ они скакали верхомъ возлѣ дверецъ кареты. Но все это старая исторія, и тѣ изъ вельможъ, которые помнили царствованіе Анны и ненавистную «Бироновщину», должны были находить теперешній режимъ довольно сноснымъ въ сравненіи

съ прошлымъ. Тѣмъ болѣе, что Григорій Орловъ не проявлялъ никакихъ личныхъ поползновеній главенствовать въ той роли, которую насильно навязала ему Екатерина въ дѣлахъ управленія страной. Его честолюбивыя вспышки были случайны и скоропроходящи. Даже довольно часто, какъ мы уже это замѣтили, онъ повиновался требованіямъ государыни нехотя и со скучающимъ видомъ. Онъ старался ступешваться, избѣгалъ дѣлъ. Это былъ сладострастный, лѣнивый и незлобивый человѣкъ. На той головокружительной высотѣ и въ опьяняющей атмосферѣ, куда такъ неожиданно возвела его фортуна, онъ жилъ, какъ въ просонкахъ и въ одинъ прекрасный день его разумъ окончательно заблудился—и онъ погрузился въ бездонную пропасть безумія. Своею личностью онъ оправдалъ слабость Екатерины къ нему и даже окружилъ ее нѣкоторымъ ореоломъ. Этотъ человѣкъ рисковалъ жизнью для нея, далъ ей корону; и она его любила, или думала, что любить не одною, только чувственною любовью. Разставшись съ нимъ, она сильно страдала и въ часъ его смерти плакала искренними слезами отъ всего сердца.

Скандалъ начинается послѣ опалы этого перваго фаворита въ 1772 г. Съ Васильчиковымъ въ жизнь Екатерины вошла роскошно-грубая и безстыдная чувственность. Въ 1774 г. при Потемкинѣ начался дѣлежъ власти съ первыми встрѣчными любовниками—что послужило новой страницей въ исторіи ея царствованія. Далѣе тянется цѣлый рядъ непрочныхъ привязанностей: въ іюнѣ 1778 г. англичанинъ Гарри извѣщаетъ о возвышеніи Корсакова; въ августѣ онъ говоритъ о соискателяхъ, которые добиваются ея фавора, поддерживаемые съ одной стороны Потемкинымъ, съ другой—Панинымъ или Орловымъ. Въ сентябрѣ увлекаетъ ее, повидимому, Страховъ—шугъ низшей пробы; четыре мѣсяца позднѣе—маіоръ Семеновскаго полка, нѣкій Левашовъ, занимаетъ его мѣсто; одинъ молодой человѣкъ, протеже графини Брюсъ, Свейковскій закололъ себя шпагой съ отчаянія, что ему предпочли этого маіора. На минуту, казалось, Корсаковъ возвратился было на свое мѣсто; но онъ борется теперь со своимъ соперникомъ Стояновымъ, затѣмъ окончательно ступешвается передъ Ланскимъ, который впослѣдствіи замѣняется Мамоновымъ—тотъ борется въ свою очередь съ Милорадовичемъ и Миклашевскимъ и т. д. Это нахлынувшая волна не отступить назадъ. Въ 1795 г. въ 63 года Екатерина начинаетъ съ Платономъ Зубовымъ и, вѣроятно, также съ его братомъ, новую главу романа, прочитаннаго ею уже съ двадцатью другими предшественниками.

Быль ли въ ея безчисленныхъ паденіяхъ настоящій чувственный развратъ и не загрязнился ли въ его увлекающемъ бурномъ потоцѣ вмѣстѣ съ ея цѣломудріемъ и достоинствомъ также и ея умъ—свѣтлый умъ гениальной женщины? Думаемъ, что нѣтъ. Здѣсь было явленіе другого рода: старая и вѣчно новая проблема, волнующая и по сейчасъ страстныя требованія. Въ отношеніяхъ Екатерины къ ея фаворитамъ усматривается вопросъ отношеній двухъ половъ, который разсматривается двояко съ физической и моральной стороны и рѣшается, скажемъ, почти навѣрняка, яркимъ освѣщеніемъ историческихъ изслѣдованій. Это — исключительная женщина, исключительно одаренная интеллектуально, морально и даже физически, смѣло перешагнувшая всѣ рабскія преграды ея пола; она пользуется неограниченной свободой, независимостью, властью, самодержавной властью. Что же она сдѣлала? Нѣтъ то былъ не одинъ только властный призывъ страсти; не только своей чувственности всегда послушная, она переходила съ рукъ на руки Зубовымъ и Потемкинымъ; нѣтъ! ясно, что иная потребность, другой категорическій императивъ видѣнъ въ ея любовной одиссеѣ, перипетіи которой мы только что набросали въ общихъ чертахъ. И при этомъ какъ бы ни была велика ея энергія, какъ бы ни былъ твердъ ея умъ и какъ бы высоко ни было ея мнѣніе о себѣ и своихъ достоинствахъ — Екатерина все же находила, что все это было недостаточно, какъ само по себѣ, такъ и для выполненія возложенной на нее задачи. Она познала необходимость дать имъ опору въ мужскомъ разумѣ, мужской воли, если бы даже эти разумъ и воля стояли въ развитіи ниже, чѣмъ ея собственные. И она доказывала эту необходимость. Когда она пишетъ Потемкину, что безъ него она, какъ безъ рукъ—то это не пустая фраза. Когда въ 1788 г. фаворитъ былъ въ Крыму, письма, посылаемыя его довѣреннымъ человѣкомъ Гарновскимъ изъ Петербурга полны упрековъ и убѣдительныхъ требованій его безотлагательнаго возвращенія, т. к. его отсутствіе повлекло за собой безпорядки въ дѣлахъ правленія и отразилось на состояніи духа императрицы, «смущенной, подверженной постоянной боязни и колеблющейся безъ поддержки».

Въ этомъ отношеніи и отличалась историческая роль завоевателя Крыма и его соперниковъ отъ тѣхъ примѣровъ женскаго фаворитизма, которые намъ дала Западная Европа. Людовикъ XV испытывалъ только вліяніе своихъ любовницъ и по слабОВОлію допускалъ ихъ вмѣшательство въ правительственныя

дѣла; Екатерина же хотѣла этого вмѣшательства и убѣдительно просила его. Но это еще не все.

Ланскому и Зубову было двадцать два года, когда они явились принять мѣсто Потемкина.

Когда Николай Салтыковъ, сохранившій за собой право говорить съ императрицей откровенно, высказывалъ свое удивленіе насчетъ Зубова, говоря, что этотъ выборъ такъ мало соответствовалъ возрасту государыни—она дала ему отвѣтъ, могущій вызвать смѣхъ. но въ которомъ сказывалось неоспоримая черта «вѣчно-женственнаго:» «Ну что же! Я оказываю услуги государству, воспитывая даровитыхъ молодыхъ людей». И она вѣрила тому, что говорила. Въ томъ рвеніи, которому она предалась, посвящая этихъ необыкновенныхъ учениковъ въ управленіи важными государственными дѣлами; въ тѣхъ заботахъ, съ которыми она слѣдила за ихъ успѣхами,—была дѣйствительно нѣкоторая доля материнства.

Такъ сочетались въ ней неисправимая слабость женской природы съ болѣе возвышеннымъ призваніемъ для того, чтобы внушить этой гордой и властной самодержицѣ сознаніе въ необходимости присутствія и содѣйствія *мужчины*.

Разумѣется, Екатерина не была бы сама-собою если бы въ укладъ ея многосложной жизни не входилъ также и политическій расчетъ; и какъ бы странно не показался намъ этотъ тезисъ, но онъ подтверждается фактами. И какъ бы необычайно ни было назначеніе этой великой руководительницы людей—эти факты помогаютъ осмыслить это назначеніе въ извѣстномъ отношеніи.

Воспитанный, вышколенный, какъ бы отшлифованный, прошедшій постепенно (хотя, правда, довольно быстро) всю іерархію высшихъ административныхъ и военныхъ должностей, Потемкинъ сталъ, въ концѣ-концовъ, видной фигурой въ должности всемогущаго министра.

Когда по прихоти государыни, Зоричъ водворился на нѣсколько мѣсяцевъ въ особо для этого приготовленномъ апартаментѣ, сообщавшимся съ покоями императрицы потайной лѣстницей—онъ былъ только простымъ гусарскимъ маіоромъ. Впослѣдствіи же онъ сталъ играть важную роль въ исторіи развитія народнаго образованія. Мы ничто не прибавляемъ. Этотъ фаворитъ—первый создалъ планъ военной школы по образцу заграничныхъ учрежденій подобнаго рода. Въ Шкловѣ, своемъ великолѣпномъ имѣніи, находившимся по сосѣдству съ Могилевомъ и пожа-

лованнымъ ему императрицей послѣ того какъ его разлюбили, онъ организовалъ школу для дѣтей бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, послужившую основаніемъ первому кадетскому корпусу, переведенному впоследствии въ Москву, гдѣ сталъ считаться первой военной гимназіей этой столицы.

Безъ сомнѣнія чтобы достигать подобныхъ чудесъ, Екатерина требовалась совокупность особыхъ для этого и благоприятныхъ обстоятельствъ, которыя управляли бы нравственнымъ и матеріальнымъ развитіемъ великаго государства. И вся ея историческая жизнь понятна и возможна только при этихъ условіяхъ. Съ Зоричемъ, Потемкинымъ, Мамоновымъ и десятками другихъ дворъ Екатерины, правда, походилъ на дворъ Герольштейнъ, но такой Герольштейнъ, гдѣ комическій, грубый, нелѣпый элементъ соединялся съ серьезнымъ—и это смѣшеніе разнородныхъ элементовъ составило одну изъ необыкновенныхъ страницъ въ міровой лѣтописи. Россія—страна весьма самобытная, живущая, такъ сказать, внѣ общенія съ Европой, и Екатерина—тоже женщина весьма незаурядная. Требовалось соединеніе этихъ двухъ условій, чтобы заставить опереточныхъ героев играть главную роль въ человѣческой драмѣ на одной изъ величайшихъ сценъ вселенной. Но когда осуществилось это сочетаніе условій, то все же исторію Россіи, находившейся при такой декоративной, феерической обстановкѣ, было бы рискованно анализировать и критиковать по общимъ даннымъ, примѣняемымъ къ обыденнымъ событіямъ.

Еще съ одной точки зрѣнія фаворитизмъ, какимъ сдѣлала его Екатерина, не могъ быть исключительно господствомъ раздраженной чувственности, жаждущей все новыхъ наслажденій. Въ безуміи Гамлета была нѣкоторая доля метода, а въ жилахъ Екатерины текла отчасти и датская кровь. Мы уже сказали, что она образовала изъ фаворитизма учрежденіе.

II.

17 сентября 1778 г. мы читаемъ въ депешѣ Корберона, адресованной изъ Петербурга на имя графа Верженна:

«Въ дѣлахъ Россіи замѣчается нѣчто въ родѣ междуцарствія, которое происходитъ въ промежутокъ времени между смѣшеніемъ одного фаворита и водвореніемъ другого. Это событіе затмеваетъ всѣ остальные. Оно направляетъ въ сторону и сосредоточиваетъ всѣ интересы; и даже министры, на которыхъ от-

ражается это вліяніе, приостанавливають свои дѣла до той минуты, пока окончательно утвержденный выборъ фаворита не приведетъ ихъ умы въ нормальное состояніе и не придастъ машинѣ ея обычный ходъ.

Итакъ фаворитизмъ — это основное колесо правительственнаго механизма. Какъ только его неоставало — все останавливалось. Впрочемъ такія «междущарствія» бывали обыкновенно очень кратковременны. Только одно продлилось нѣсколько мѣсяцевъ между временемъ смерти Ланского въ 1784 г. и вступленіемъ Ермолова. Вообще это было дѣло однѣхъ сутокъ, и гораздо большее затрудненіе вызываетъ въ настоящее время малѣйшій министерскій кризисъ. Въ кандидатахъ не было недостатка: мѣсто было хорошее, и тому, кто домогался его, было имя — легионъ.

Въ гвардейскомъ полку, въ этомъ традиціонномъ «питомникѣ» временщиковъ, всегда было два — три красавца офицера, смотрящихъ съ болѣе или менѣе скрытымъ вожделѣніемъ и надеждой на императорскій дворецъ. Время отъ времени одинъ изъ нихъ появлялся при дворѣ, представленный какимъ-нибудь вельможей, который зондировалъ почву для любимца, чтобы помѣстить своего человѣка на постъ, служащій источникомъ богатства и почестей.

Племянникъ графа Чернышева, князь Кантемиръ, молодой безпутный, обремененный долгами, но красивый малый, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль бродилъ вокругъ императрицы. Два раза, притворяясь, что ошибся дверьми, онъ входилъ въ покои императрицы, но они были пусты; въ третій разъ онъ добрался до нея, упалъ къ ея ногамъ и умолялъ ее привязать его къ своей особѣ. Она позвонила. Его арестовали. Она велѣла посадить его въ кибитку, и препроводить къ дядѣ, которому посовѣтовала образумить своего племянника. Она была снисходительна къ такого рода безумствамъ. Потемкинъ былъ болѣе счастливъ: онъ достигъ своего положенія временщика приблизительно такою же смѣлою выходкой. Въ общемъ однако этотъ желанный постъ достигался цѣною интригъ. Съ 1776 г. Потемкинъ, сдѣлавшись почетнымъ фаворитомъ, начинаетъ выдвигать намѣченныхъ имъ замѣстителей, вышкоченныхъ и находившихся подъ его вліяніемъ, и представлялъ ихъ выбору государыни. Но какъ ему, такъ и избранникамъ стоило большого труда удержать за собою завоеванное мѣсто. Отсутствія, болѣзни, или минутной слабости было достаточно, чтобы скомпрометировать ихъ счастье. Само названіе «временщикъ», очень выразительное, указывало избран-

никамъ, на эфемерность ихъ счастья. Въ 1772 г. Григорій Орловъ уже въ Фокшанахъ (куда онъ отправился для мирныхъ переговоровъ съ Турціей) узнаеть о водвореніи Васильчикова на то мѣсто, которое онъ такъ неосторожно покинулъ. Онъ беретъ почтовыхъ и мчится во весь духъ по три тысячи километровъ въ часъ, какъ курьеръ, безъ сна и почти безъ пищи, чтобы пріѣхать скорѣе въ Петербургъ. Но все же онъ пріѣхалъ слишкомъ поздно. Въ 1784 г. Ланской, уже больной, во избѣжаніе царской немилости, которой онъ боялся, сталъ прибѣгать къ искусственнымъ возбуждающимъ средствамъ, погубившимъ навсегда его здоровье.

Иногда сразу влетѣвъ на вершину, сосѣднюю съ престоломъ, баловни судьбы начинали терять голову. Зоричъ считалъ для себя все позволительнымъ, даже бравировалъ передъ той, которая вывела его изъ ничтожества. Мамоновъ мечталъ, что ему позволятъ раздѣлять свою любовь съ фрейлиной, въ которую онъ влюбился. Тогда это дѣлалось скоро: на вечернемъ приемѣ начинали замѣчать, что императрица засматривается на какого-нибудь незначительнаго лейтенанта, наканунѣ представленнаго, но терявшася до сихъ поръ въ толпѣ придворныхъ. На другой день узнавали, что онъ назначенъ флигель-адъютантомъ Ея Величества. Всѣ уже понимали, что это значило. Днемъ молодого человека короткимъ извѣщеніемъ призывали во дворецъ; онъ представлялся лейбъ-медику государыни, англичанину Рожерзону; затѣмъ его поручали заботамъ графини Брюсъ, а позднѣе m-elle Протасовой, о чьихъ шекотливыхъ обязанностяхъ мы затрудняемся высказаться болѣе опредѣленно. Послѣ этихъ испытаній, его сопровождали въ особо назначенные покои, гдѣ пребываніе фаворитовъ было столь же кратковременно, какъ и прибываніе министровъ въ министерскихъ отеляхъ. Аппартаменты были уже свободны и готовы принять новопривышаго. Его ожидалъ здѣсь полный комфортъ и всевозможная роскошь, полное хозяйство и прислуга. Открывъ свой письменный столъ, онъ находилъ тамъ сто тысячъ руб. золотомъ, даръ императрицы на первое время, но это было предвѣщаніе счастья, которое начнетъ съ этого времени изливать на него свои щедроты. Вечеромъ передъ собравшимся дворомъ императрица появлялась, фамильярно опираясь на его руку и ровно въ десять часовъ по окончаніи игры, она удалялась въ свои покои; новый фаворитъ проникалъ туда одинъ послѣ нея.....

Теперь онъ не выходитъ изъ дворца иначе, какъ рядомъ со своей августѣйшей подругой. Съ этой минуты онъ, какъ птица

запертая въ клѣткѣ; клѣтка, правда, прекрасна, но строго охраняется. Императрица принимала всѣ предосторожности противъ всѣхъ случайностей, которыя она испытала раньше.

Поэтому мы должны отнести къ баснямъ рассказы, обнажавшіе передъ всѣми интимную жизнь и случайный фаворъ Екатерины, которая, по ихъ словамъ, предлагала свое ложе всякому встрѣчному. Конечно, мѣсто, гдѣ проводили время Потемкинъ, Ланской и многіе другіе не было неприступной святыней, но и не было доступно всякому. Туда не входили, какъ на мельницу.

Въ началѣ своего царствованія, Екатерина, правда, пострадала отъ своей неосторожности, которая ей стоила большихъ неприятностей. Въ 1762 году офицеръ по имени Хвостовъ, уполномоченный составить инвентарь гардероба покойной императрицы Елизаветы, былъ арестованъ подъ подозрѣніемъ въ расхищеніи на сумму 200,000 руб. Видѣли одну женщину, украшенную драгоценностями, принадлежавшими покойной государынѣ; ее признали за одну изъ безчисленныхъ любовницъ фаворита Григорія Орлова, который по всей вѣроятности дѣлился любовью красавицы съ Хвостовымъ; этотъ же послѣдній, по донесеніямъ Беранже, французскаго дипломата, былъ съ нѣкоторыхъ поръ въ связи съ новой царицей, если еще не раньше пользовался ея милостями.

Съ тѣхъ поръ Екатерина привела все въ порядокъ.

Официальный фаворитъ былъ такая особа, чьи малѣйшіе поступки должны подчиняться неизмѣннымъ правиламъ и бдительному надзору. Онъ никого не посѣщалъ и не принималъ ничьихъ приглашеній. Мамоновъ, въ бытность свою фаворитомъ получилъ только разъ разрѣшеніе поѣхать на обѣдъ къ графу Сегюру. Но и тогда Екатерина выказала немалое безпокойство. Выйдя изъ-за стола французскій посланникъ и его гости увидѣли подъ окномъ посольства карету императрицы; она шагомъ проѣзжала назадъ и впередъ, и въ этомъ прогуливаніи высказался весь страхъ Екатерины, на минуту оставленной своимъ возлюбленнымъ.

Годъ спустя этотъ же временщикъ рисковалъ потерять свое мѣсто изъ-за исполнѣ естественнаго и крайне невиннаго посупка, нарушившаго суровую дисциплину, которая его связывала. Въ день своего тезоименитства царица позволила, чтобы онъ подарилъ ей пару золотыхъ серегъ, которыя она сама раньше купила для него за 30000 руб. Великая княгиня видѣла эти серги и

восторгалась ими. Екатерина тотчасъ же подарила ихъ ей. Та надѣла сережки и на другой день призываетъ Мамонова, чтобы поблагодарить его, хотя и косвеннымъ образомъ способствовавшего этой неожиданной щедрости. Онъ хотѣлъ отправиться туда, считая своимъ долгомъ повиноваться высшему приказанію. Предупрежденная императрица страшно разгнѣвалась; она рѣзко упрекала своего друга удовольствіями, а великой княгинѣ послала выговоръ, чтобы впредь она не придумывала ничего подобнаго. Павелъ вздумалъ было поправить дѣло, пославъ фавориту табакерку осыпанную брилліантами; Екатерина позволила Мамонову итти поблагодарить великаго князя, но только съ провожатымъ, для чего она назначила довѣреннаго человѣка.

Павелъ отказался отъ визита Мамонова.

Прибавимъ, что со своей сторонѣ фавориты изо всѣхъ силъ старались не погрѣшить противъ невѣрности, хотя бы случайной, но могущей вызвать борьбу съ другимъ соискателемъ, способнымъ занять его мѣсто. Ихъ сила была громадна; но они употребляли ее на то, чтобы зорко слѣдить за Екатериной, какъ это дѣлала она сама.

Во всю свою бытность фаворитомъ, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, Потемкинъ, пережившій свои обязанности временщика и сохранившій за собой только одно названіе, своею высокоумною волею ставилъ передъ всевозможными прихотями Екатерины, бывшими ему не по вкусу, непреодолимые препятствія; иногда онъ способенъ былъ въ случаѣ надобности употребить даже насиліе надъ той, которая отдавшись ему, допустила его сдѣлаться своимъ настоящимъ властителемъ.

Наконецъ, надо принять въ расчетъ еще одно обстоятельство, которое тоже имѣло свой вѣсъ. Избранники Екатерины, всѣ безъ исключенія, были люди въ полномъ расцвѣтѣ лѣтъ и большею частью богатырскаго сложенія. Старѣясь Екатерина выбирала ихъ для себя все болѣе и болѣе молодыхъ. Два брата Зубовыхъ, одинъ имѣлъ двадцать два года, другой восемнадцать лѣтъ, когда благосклонный взоръ императрицы остановился на нихъ. Мы уже знаемъ возрастъ Ланскаго и причины его преждевременной смерти. Каково было число временщиковъ съ 1762 г. по 1796, т. е. со дня восшествія на престолъ Екатерины и до ея кончины? Опредѣлить это въ точности—довольно трудно. Извѣстно только, что десять изъ нихъ, которые занимали официальный постъ со всѣми преимуществами и обязанностями ихъ должности.

Григорій Орловъ съ 1762 года по 1772 г.; Васильчиковъ съ 1772 г. по 1774 г.; Потемкинъ съ 1774 г. по 1776 г.; Завадовскій съ 1776 г. по 1777 г.; Зоричъ съ 1777 г. по 1778 г.; Корсаковъ съ 1778 г. по 1780 г.; Ланской съ 1780 г. по 1784 г.; Ермоловъ съ 1784 г. по 1785 г.; Мамоновъ съ 1785 г. по 1789 г. и Зубовъ съ 1789 г. по 1796 г. Но въ эпоху фавора Корсакова произошелъ въ жизни Екатерины кризисъ, когда выдвинулось сразу нѣсколько вздыхателей, и одинъ изъ нихъ, Страховъ, пользовался особенною благосклонностію государыни; хотя онъ никогда не занималъ отведеннаго для фаворитовъ помѣщенія, но несомнѣнно однако, что временно замѣщалъ официальнаго фаворита; такихъ случаевъ было не мало. Осматривая Зимній дворецъ спустя нѣсколько лѣтъ по смерти Екатерины, одинъ путешественникъ былъ необычайно пораженъ декоративнымъ убранствомъ двухъ небольшихъ салоновъ, прилегающихъ къ спальнѣ императрицы. Стѣны одного изъ нихъ были сплошь покрыты сверху донизу очень цѣнными миниатюрами въ золотыхъ рамкахъ, изображающихъ сладострастныя сцены. Убранство другого салона было такое же, только всѣ миниатюры были портретами мужчинъ, знакомыхъ или любимыхъ Екатериной.

Изъ числа этихъ людей, нѣкоторые отплатили императрицѣ неблагодарностью за всѣ благодѣянія, которыми она ихъ всѣхъ безъ исключенія осыпала.

Она же сама никогда не поступала съ ними дурно; даже ни одинъ изъ тѣхъ, которые измѣняли ей или оставляли ее, не почувствовалъ на себѣ всю тяжесть ея гнѣва или мести, ибо она такъ же выносила и измѣны и бывала брошенной, какъ самая заурядная любовница.

Ни все ея могущество, ни вся сила ея обаянія, ни громадная цѣнность ея привязанности—ничто не могло гарантировать ея счастье отъ печальныхъ послѣдствій, которыя съ самаго сотворенія міра заставляютъ обливаться кровью сердце каждой женщины, начиная императрицей и кончая простой гризеткой. Въ 1780 г. она застала Корсакова въ объятіяхъ графини Брюсъ. Въ 1789 г. Мамоновъ самъ отказывается отъ императрицы для того, чтобы жениться на ея фрейлинѣ. Принявъ все это въ расчетъ, видно, что не всегда-то она оказывалась непостоянной.

Разсказывая объ отъѣздѣ Мамонова, который былъ сосланъ своей красоткой въ Москву и вступилъ съ нею въ бракъ, оказавшійся вскорѣ несчастливымъ, графъ Сегюръ писалъ въ своемъ донесеніи графу Монморену:

«Можно снисходительно смотрѣть сквозь пальцы на заблужденія великой женщины-человѣка, когда она при своихъ слабостяхъ выказываетъ столько самообладанія, милосердія и великодушія. Трудно найти соединеніе при самодержавной власти ревности и сдержанности; и подобный характеръ можетъ неумолимо осуждаться только человѣкомъ безсердечнымъ и государемъ апатичнымъ».

Быть можетъ сужденія графа Сегюра были слишкомъ снисходительны? А Сентъ-Бѣва, напротивъ—слишкомъ строги, когда онъ выражалъ именно эту мысль, что манера, присущая Екатеринѣ—обходиться такимъ образомъ со своими любовниками, послѣ того, какъ они перестали ей нравиться—такъ отличается отъ манеры Елизаветы Англійской и Христіны Шведской, что она осыпала ихъ подарками, вмѣсто того чтобы убивать ихъ, какъ дѣлали это онѣ, что даже «это было уже слишкомъ и явно выражало презрѣніе къ людямъ и народамъ». Но прежде всего, такая оцѣнка погрѣшала противъ самихъ фактовъ: ни Корсаковъ, ни Мамоновъ *не переставали нравиться Екатеринѣ*; въ минуту, когда она узнала объ ихъ измѣнѣ, она еще была привязана къ нимъ, особенно къ послѣднему, и при ихъ неблагодарномъ поступкѣ страдала не одна только ея гордость. Ея увлеченія часто, слишкомъ часто были увлеченіями женщины, срывающей цвѣты удовольствія повсюду, гдѣ она ихъ находила. Но англійскій дипломатъ, написавшій *she was stranger to love*, ничего не понималъ, думаемъ мы, въ женской психологіи.

III.

До своего рѣшенія оставить Григорія Орлова Екатерина перенесла отъ него то, что рѣдкая женщина способна перенести. Уже въ 1765 г. за семь лѣтъ до разрыва Беранже пишетъ изъ Петербурга герцогу Праслину:

«Этотъ русскій открыто нарушаетъ законы любви по отношенію къ императрицѣ; у него въ городѣ есть любовницы, которыя не только не навлекаютъ на себя негодованіе императрицы за свою угодливость Орлову, но повидимому, пользуются ея расположеніемъ. Сенаторъ Муравьевъ, накрывшій съ нимъ свою жену, едва не сдѣлалъ скандала, прося развода. Царица умиротворила его, подаривъ ему земли въ Ливоніи».

Но, наконецъ, чаша переполнилась. Екатерина воспользовалась отсутствіемъ фаворита, чтобы разорвать свои цѣпи. Въ ту

минуту, какъ Орловъ мчался на почтовыхъ, торопясь восстано-
вить свои нарушенныя права, приказъ императрицы остановилъ
его въ нѣсколькихъ стахъ верстъ отъ Петербурга и заставилъ
его удалиться въ его помѣстья. Но онъ еще не считалъ себя
побѣжденнымъ. Онъ то умолялъ, то грозилъ, прося, чтобы ему
дозволили повидаться на одну минуту съ государыней. Ей сто-
ило произнести только одно слово, чтобы навсегда избавиться
отъ этого назойливаго человѣка. Потемкинъ былъ уже тамъ и
охотно упряталъ бы подъ землю всѣхъ Орловыхъ, взятыхъ вмѣ-
стѣ. Это слово, о которомъ умоляли Екатерину, она не произ-
несла; напротивъ, она начала съ нимъ переговоры и, наконецъ,
поступила съ нимъ довольно снисходительно: за все прошлое,
заслуживающее конечно совершенно иное наказаніе, она пред-
лагаетъ своему опальному фавориту сдѣлку, которая—сама поэма
благодушія и кротости. Предлагалось забвеніе прошлаго; винов-
никъ призывался къ здравому смыслу; указывалось на необходи-
мость временной разлуки, чтобы избавиться отъ взаимно-тягост-
ныхъ объясненій—все это было написано мягкимъ тономъ, по-
чти смиреннымъ, умоляющимъ; просила, чтобы онъ взялъ от-
пускъ, поселился въ Москвѣ или въ своемъ помѣстьѣ или вообще
въ другомъ мѣстѣ, гдѣ онъ пожелаетъ. Его ежегодное содер-
жаніе въ 15000 р. будетъ итти ему попрежнему и онъ получитъ
еще сверхъ этого 10000 руб. для постройки дома. Пока онъ
можетъ жить въ любомъ изъ подмосковныхъ имѣній импера-
трицы, пользоваться, какъ и прежде, придворными экипажами,
оставить при себѣ прежнюю прислугу въ императорской ливреѣ.
Екатерина вспомнила, что она обѣщала ему 4000 душъ крестъ-
янь за Чесменскую побѣду, въ которой, впрочемъ, онъ не принималъ
никакого участія; она прибавляетъ къ нимъ еще 6000, которыя
онъ можетъ выбрать въ любомъ изъ казенныхъ имѣній. И, какъ
бы боясь, что не все для него сдѣлала, что она у него еще въ
долгу, она умножаетъ доказательства своего благорасположенія,
осыпаетъ его великолѣпными подарками: даритъ серебряный сер-
визъ, за тѣмъ еще другой, для ежедневнаго обихода; даритъ
домъ на Троицкой набережной, всю мебель, всѣ предметы, ко-
торыми украшались въ императорскомъ дворцѣ апартаменты
фаворита, и «счета которыхъ онъ и самъ не зналъ»... Взамѣнъ
всего этого Екатерина просила у него только одинъ годъ от-
сутствія. Черезъ годъ эксъ-фаворитъ лучше обсудитъ свое по-
ложеніе. Что же касается Екатерины, то она никогда не забудетъ
того, чѣмъ она обязана всему роду Орловыхъ, ни талан-

товъ, которыми онъ лично украшенъ и сколь они могутъ быть полезны отечеству. Она ищетъ только обоюднаго успокоенія, которое намѣрена сохранить вполнѣ.

Быть можетъ въ такого рода сдѣлкѣ сказывается опасеніе навлечь на себя вражду того семейства, которое она сама сдѣлала первенствующимъ въ своемъ государствѣ. Но не сказала ли въ этомъ отчасти и растроганная любовь? Одиннадцать лѣтъ спустя, узнавъ о смерти эксъ-фаворита, Екатерина писала: «потеря князя Орлова заставила меня слечь въ постель, и, благодаря сильной лихорадкѣ и ночному бреду, мнѣ должны были пустить кровь».

Это роковое извѣстіе она получила въ августѣ 1783 года, а два мѣсяца спустя, отправляясь въ Фридрихсгамъ навстрѣчу Шведскому королю, она условилась заранѣе, что король не будетъ говорить о катастрофѣ, воспоминаніе о которой до сихъ поръ еще разрываетъ ея сердце. Между тѣмъ она первая заговорила объ этомъ, дѣлая надъ собой усиліе, чтобы скрыть свое волненіе и смущеніе, которое охватывало ее при воспоминаніи этого уже далекаго прошлаго. Однако у ней было уже нѣсколько замѣстителей эксъ-любовника еще за долго до его смерти. Была ли то простая прихоть, какъ думалъ сперва Гриммъ, которая бросила ее въ 1778 г. въ объятія Корсакова.

«Прихоть? — отвѣчаетъ она своему повѣренному — знаете ли вы, что это выраженіе совершенно не подходитъ въ данномъ случаѣ, когда говорятъ о Пиррѣ, царѣ Эпирскомъ (это прозвище новаго фаворита), о этомъ предметѣ соблазна всѣхъ художниковъ и отчаянія всѣхъ скульпторовъ. Восхищеніе, милостивый государь, энтузіазмъ, а не прихоть возбуждаютъ подобныя образцовыя творенія природы! Произведенія рукъ человѣческихъ падаютъ и разбиваются, какъ идола передъ этимъ перломъ созданія Творца, образомъ и подобіемъ Великаго! Никогда Пирръ не дѣлалъ ни одного неблагогоднаго или неграціознаго жеста или движенія. Онъ ослѣпителенъ, какъ солнце и какъ оно разливаетъ свой блескъ вокругъ себя. Но все это въ общемъ не изнѣженность, а, напротивъ, мужество, и онъ таковъ, какимъ бы вы хотѣли, чтобы онъ былъ. Однимъ словомъ это—Пирръ, царь Эпирскій. Все въ немъ гармонично, нѣтъ ничего выдѣляющагося. Это — совокупность всего, что ни на есть драгоцѣннаго и прекраснаго въ природѣ; искусство—ничто въ сравненіи съ нимъ; манерность отъ него за тысячу верстъ!»

Предположимъ, что чувство Екатерины, говорившее подобнымъ языкомъ, было не глубоко и не разборчиво. Также и Кор-

саковъ былъ просто только красивымъ мужчиной; но вотъ на сцену появляется другой герой въ драмѣ страстей Екатерины, Потемкинъ, человѣкъ гениальный. Прочтемъ слѣдующее письмо фаворита, написанное послѣ непродолжительной размовки. Екатерина отвѣтила ему по пунктамъ; въ немъ было заключено нѣчто въ родѣ договора мира и вѣчной любви между помирившимися любовниками:

Рукой Потемкина:

Позволь, душенька, сказать тебѣ послѣднее, чѣмъ, я думаю, наша ссора и кончится. Не удивляйся, что я безпокоюсь относительно нашей любви. Кромѣ того, что ты осыпала меня благодѣянiями, ты помѣстила меня въ свое сердце. Я хочу быть тамъ одинъ, выше всѣхъ, кто мнѣ предшествовалъ, потому что ни одинъ изъ нихъ не любилъ тебя такъ, какъ я. И такъ какъ я созданiе твоихъ рукъ, то желаю быть обязаннымъ тебѣ и своимъ покоемъ; я желалъ бы, чтобы ты радовалась дѣлать мнѣ добро и чтобы ты всячески ухитрялась сдѣлать меня счастливымъ и въ этомъ бы находила успокоенiе отъ серьезныхъ трудовъ къ которымъ тебя обязываетъ твое высокое положенiе.

Аминь.

Рукой Екатерины:

Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Не безпокойся.

Рука руку моетъ.

Крѣпко и твердо.

Было такъ и будетъ.

Я вижу и вѣрю этому.

Всей душой рада.

Первая моя радость.

Это придетъ само-собою.

Подожди, пока успокоюсь въ мысляхъ; чтобы чувства восприняли бы свою свободу; они нѣжны и сами найдутъ наилучшую дорогу; конецъ ссорѣ.

Аминь.

Можно согласиться, это былъ обмѣнъ совѣтъ не банальныхъ признанiй и что существа, поставленные на высоту человѣческаго могущества, выражающiяся такъ о своей любви, не могутъ быть грубыми развратниками. Въ этой страницѣ высказался весь мечтательный, безпокойный и властный умъ Потемкина, а также и разсудительная и вмѣстѣ съ тѣмъ, экзальтированная натура

Екатерины. Обыкновенно Екатерина брала верхъ надъ фаворитомъ своею разсудительностью, тотъ же увлекалъ ее своею горячностью. Большая часть ихъ переписки опубликована. Это такая переписка между двумя лицами, соединенными судьбой и одинаковымъ положеніемъ—что ей не было еще подобной. Выраженія, которыя Екатерина употребляла въ своихъ письмахъ въ первые годы своего сердечнаго союза, по своей чрезвычайной фамильярности, не нашлись бы даже и у завязтой авантюристки той же эпохи.

Мы не говоримъ уже о тѣхъ выраженіяхъ, какъ: «обнимаю васъ тысячу разъ»; «мой другъ, простите, если я вамъ надоѣдаю!» «Сердце мое!» «Слышишь ли, душа моя»—какъ бы неожиданны и ни были такія нѣжности, вылившіяся изъ-подъ пера императрицы. Вотъ еще записка, которая оканчивается словами: «прощай, мой котикъ!» «Прощай, мой голубокъ!»—читаемъ мы въ другомъ письмѣ. Или еще: «прощай, папочка!»

Они часто ссорились. У Потемкина былъ тяжелый характеръ; онъ дулся и раздражался на каждомъ шагу. Тогда ему писали: «Если сегодня ты не будешь любезнѣе, чѣмъ вчера, то я... я... я... правда не буду обѣдать!» Въ другой запискѣ, гдѣ, повидимому, дѣло шло о намѣреніи вспыльчиваго любовника удалиться въ монастырь:

«Планъ, который составляется вами въ теченіе четырехъ или пяти мѣсяцевъ (NB: о которомъ даже освѣдомлены городъ и окрестности), вонзить кинжалъ въ грудь вашей подруги—человѣчка, который любитъ васъ больше всѣхъ; которая имѣетъ въ виду только ваше дѣйствительное и постоянное счастье. Подобный планъ дѣлаетъ ли честь уму и сердцу того, кто его составилъ и приведетъ въ исполненіе».

Фаворитъ, какъ и надо было думать, не отставалъ отъ Екатерины въ образномъ и нѣжномъ языкѣ. Каждый разъ—и это одна изъ любопытныхъ особенностей этой удивительной идилліи—при всемъ своемъ увлеченіи любовнымъ пыломъ онъ ни на минуту не забывалъ о разстояніи, отдѣлявшемъ его отъ императрицы. Его выраженія, болѣе трепетныя и болѣе страстныя, сохраняли всегда нѣкоторую торжественность и были далеки отъ тривіальной непринужденности слога Екатерины.

«Если Богъ услышитъ мою молитву, то продлитъ ваши дни... и ты милостивица!..» Вотъ его обыкновенный слогъ. «Ты» выходило у него изъ-подъ пера только въ формѣ воззванія къ той, чьихъ «рукъ» онъ считалъ себя «твореніемъ». У насъ сохрани-

лись еще и другіе образцы любовныхъ писемъ Потемкина, относившихся не къ императрицѣ; онъ выказалъ себя здѣсь настоящимъ виртуозомъ, соединившимъ вмѣстѣ и фантазію Востока, и мечтательность Сѣвера, и изящество угонченныхъ образовъ, которыми снабжалъ Западъ.

«О, моя жизнь! Душа, родная моя! Какъ выразить тебѣ словами мою любовь къ тебѣ! Пріѣзжай, сударка моя, поскорѣе. О, мой другъ! радость моя! безцѣнное сокровище, даръ безподобный, данный самимъ Богомъ! Матушка-голубушка! обрадуй меня лицецрѣніемъ твоей красоты! цѣлую со всею нѣжностью твои прелестныя ручки и ножки!» Это письмо было написано не къ Екатеринѣ. Эта тоже была для него матушкой, но въ то же время и всегда *государыней*, передъ которой повергались въ прахъ даже, когда говорили ей о своей любви; и онъ никогда не называлъ ее также голубушкой, сударкой. Призванный въ 1774 году на постъ фаворита, онъ черезъ два года уступилъ свое мѣсто Завадовскому. Любовникъ исчезъ, но остался другъ, и заключенное условіе тогда было еще въ силѣ. Оно нарушилось чуть ли не наканунѣ смерти великолѣпнаго князя Тавриды, когда Зубовъ, поселившись во дворцѣ, занялъ и сердце государыни, не оставивъ въ немъ мѣста тому, кто намѣревался тамъ вѣчно царствовать *одинъ*. Но до этого еще не замѣчалось перемѣны въ обращеніи Екатерины съ этимъ удивительнымъ авантюристомъ, которому она дозволила властвовать надъ дворомъ, командовать арміей и управлять своимъ государствомъ, лишивъ только своего ложа; отъ котораго она принимала новыхъ любовниковъ и расточала на котораго не только богатства и почести, но и искреннія доказательства своей постоянной къ нему любви.

«Прощайте, мой другъ, будьте здоровы; обнимаю васъ отъ всего сердца. Саша тебѣ кланяется».

Это было написано 29 іюня 1783 г., а Саша былъ Мамоновъ—новый временщикъ и «созданіе» Потемкина. «Сашенька тебѣ кланяется и любить тебя, какъ свою душу...»—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ отъ 5-го мая 1784 г.,—«онъ часто говоритъ о тебѣ».

Въ сентябрѣ 1777 г. Потемкинъ получилъ отъ государыни въ даръ 150000 руб.; въ 1779 г. онъ получилъ авансомъ 75000 р., его годовая пенсія равнялась 75000 руб.

Въ 1783 г. Екатерина велѣла выдать ему 100000 р., чтобы поторопить съ постройкой дворца, который по окончаніи, она купила у него за нѣсколько милліоновъ и вскорѣ подарила

опять ему же. Онъ былъ фельдмаршаломъ, первымъ министромъ, княземъ; имѣлъ всѣ чины, ордена, почести и власть. При присоединеніи Крыма, во время Турецкой войны онъ командуетъ самовластно, безконтрольно, по своему усмотрѣнію и слѣдую своей фантазіи, Екатерина же имѣла видъ маленькой дѣвочки, подчиненной воли высшаго генія. Онъ цѣлыми мѣсяцами оставлялъ ее безъ извѣстій, не удостоивая даже отвѣтомъ ея письма. Тогда она начала жаловаться, но скромно, почти смиренно:

«Во все это время я была между жизнью и смертію, не получая отъ тебя извѣстій. Ради Бога, ради меня самой, береги себя больше прежняго. Ничего меня такъ не пугаетъ, какъ возможность твоей болѣзни. Въ данный моментъ, милый другъ, вы не простой смертный, который живетъ, какъ хочетъ и дѣлаетъ, какъ ему нравится. Вы же принадлежите государству и мнѣ!»

Ласковыя названія, между прочимъ «папочка», все еще встрѣчались въ письмахъ прежней любовницы.

Императрицей для него она была въ тѣ минуты душевной слабости, въ которую завоеватель Крыма неоднократно впадалъ послѣ каждой неудачи.

Въ сентябрѣ 1787 г. послѣ атаки турокъ Кинбурна у него явилось желаніе сложить съ себя должность командующаго. Екатерина и слышать не хотѣла объ этомъ. «Закалите свой умъ и свою душу противъ всѣхъ случайностей и будьте увѣрены, что вы побѣдите терпѣніемъ. Но оставить постъ и спрятаться—это настоящее малодушіе съ вашей стороны». Черезъ нѣсколько недѣль буря истребила часть флота, соединеннаго Потемкинымъ въ Севастополѣ. На этотъ разъ онъ хочетъ не только покинуть армию, но и эвакуировать Крымъ.

«Что это значить?»—пишетъ Екатерина.—«Безъ сомнѣнія, у тебя явилась эта мысль сгоряча, когда ты думалъ, что весь флотъ погибъ. Но что же станетъ съ остальною частью флота послѣ эвакуаціи? И какъ начинать войну послѣ эвакуаціи, которая не угрожала? Лучше было бы атаковать Очаковъ или Бендеры, обративъ такимъ образомъ оборону въ наступленіе—что ты самъ призналъ болѣе подходящимъ для насъ. При томъ же не на однихъ насъ дулъ вѣтеръ, я думаю. Не робѣйте! мужайтесь! Я пишу тебѣ все это, какъ своему лучшему другу, моему воспитаннику, моему ученику, который выказывалъ иногда болѣе рѣшительности, нежели я сама. Но въ данную минуту у меня больше мужества, чѣмъ у тебя, т. к. ты боленъ, а я здорова. Я

вижу, что вы нетерпѣливы, какъ пятилѣтній ребенокъ, тогда какъ дѣла, на васъ возложенныя, требуютъ теперь неистощимаго терпѣнія».

Она прибавляетъ, что на нѣкоторое время онъ можетъ прїѣхать въ Петербургъ. Не боится ли онъ быть замѣненнымъ въ свое отсутствіе? «Ни время, ни далекое разстояніе—ничто на свѣтѣ не перемѣнитъ моего образа мыслей, ни моихъ чувствъ къ тебѣ».

Эта полная свобода дѣйствій, дозволяемая Екатериной чело-вѣку, на котораго она возложила все свое довѣріе, эта манера смотрѣть сквозь пальцы на тѣ прїемы, которыми онъ пользо-вался, чтобы достичь для нея славы—было не что иное, какъ примѣненіе той системы, о которой мы уже упоминали.

Иногда требовалась воля императрицы и ея личное вмѣша-тельство, могущее оказать на ходъ дѣла непосредственное вслѣдствіе этого и дѣйствительное вліяніе. Въ этихъ случаяхъ происходили столкновенія между двумя сотрудниками, и тогда ни дружба, ни любовь, не препятствовали авторитету Екатерины, одерживать верхъ. Тяжелый характеръ фаворита постоянно да-валъ себя чувствовать въ этихъ размоловкахъ. Онъ становился тогда грубымъ и угрюмымъ. «Я вамъ указываю на то,—писалъ онъ,—что въ вашихъ же интересахъ, а тамъ дѣлайте, какъ хо-тите!» «Какъ ты ни сердись»—возражаетъ Екатерина,—«все же тебѣ подобаешь сознаться, что я права!» Причины подобнаго раз-ногласія были иногда очень щекотливаго свойства. Однажды Потемкинъ назначилъ одного инспектора въ армію. Екатерина возстала противъ этого выбора, который по ея мнѣнію, былъ вызванъ не очень похвальнымъ побужденіемъ. Вотъ какъ она писала объ этомъ. Напечатанный курсивъ написанъ въ оригиналѣ по-французски:

«Позвольте мнѣ сказать вамъ, что рожа его жены не стоитъ той обузы, которую вы на себя берете въ лицѣ этого чело-вѣка. Вы въ этомъ ничего не выиграете. Правда *м-мъ очаровательна, но ухаживая за ней, ничего не добьетесь. Это уже испробовано. И гро-мадное семейство слѣдитъ за ея репутаціей. Другъ мой, я при-выкла говорить вамъ правду; вы мнѣ тоже говорили ее, какъ пред-ставлялся къ этому случай. Сдѣлайте мнѣ удовольствіе выбрать на эту должность лицо, болѣе подходящее для этого дѣла и знако-маго со службой, и чтобы вашъ выборъ и мое назначеніе утвѣнча-лись одобреніемъ общества и арміи. Я люблю доставлять вамъ удовольствіе и тѣмъ болѣе не люблю отказывать вамъ ни въ чемъ.*

Мнѣ хотѣлось бы, чтобы объ этомъ назначеніи говорили: „вотъ прекрасный выборъ“, а не: „жалкій выборъ чловѣка, не имѣющаго никакого понятія о томъ, что ему поручаютъ“. Заключайте миръ, потомъ пріѣзжайте сюда и развлекайтесь, сколько хотите!».

Екатерина забывала, что въ ожиданіи этого, она тоже развлекалась и что на этотъ разъ даже не посовѣтовалась со своимъ «другомъ» насчетъ выбора новаго развлечения, которому предавалась. На горизонтѣ показывался Зубовъ; онъ проявлялъ себя страшнымъ соперникомъ, завоевавшимъ не только милость императрицы но и ту дружбу, которая оставалась у ней для его предшественника. Задержанный на другомъ концѣ государства, Потемкинъ пришелъ въ ярость. Онъ извѣщалъ, что скоро пріѣдетъ въ Петербургъ, чтобы вырвать зубъ, который у него болѣлъ. Но этого ему не удалось. Онъ пріѣхалъ только для того, чтобы присутствовать при окончательномъ триумфѣ своего врага. Пораженный въ сердце Потемкинъ вернулся на югъ, скрывая досаду, и скоро смерть, явившаяся какъ разъ кстати, избавила его отъ послѣдняго позора опалы. Екатерина между тѣмъ старалась изо всѣхъ силъ внушить ему расположеніе къ своему новому избраннику, и письма, гдѣ ясно высказывалась эта забота—не менѣе любопытны той коллекціи, откуда мы воспользовались нѣкоторыми письмами. Комплементы, любезная внимательность, тонкая лесть, даже неожиданныя признанія въ любви—все дарилось въ этихъ письмахъ фавориту, принесенному въ жертву торжествующему любовнику—«ребенку», «цыганенку», какъ она любила называть своего новаго фаворита по привычкѣ, не исчезнувшей съ годами, давать ласкательныя прозвища.

«Дитя» находить что вы умнѣе, интереснѣе и любезнѣе всѣхъ тѣхъ, кто васъ окружаетъ. Но пусть это будетъ между нами въ секретѣ, т. к. онъ не знаетъ, что мнѣ извѣстно». Но Потемкинъ не поддавался лести. Онъ видѣлъ, что престижъ его исчезалъ; онъ чувствовалъ, что на этотъ разъ мѣсто занято навсегда и не только въ томъ уголкѣ дворца, что прилегалъ къ особымъ апартаментамъ Ея Величества, и который онъ съ такимъ легкимъ сердцемъ покинулъ, но въ другомъ святилищѣ, гдѣ прежнія клятвы позволяли ему надѣяться, навсегда сохранить себѣ пріютъ. Этого тоже у него теперь не было! Одинъ разъ ему пришлось серьезно опасаться. Среди его соперниковъ, еще до Зубова, былъ одинъ, котораго Екатерина, казалось, любила такъ, какъ никого и никогда. Этой необыкновенной женщиной, вѣроятно, суждено было исчерпать всю гамму чувствъ и ощу-

щеній относительно страсти во всемъ ея разнообразіи. Любовь, которую вызвалъ въ ней Ланской, не походила на то чувство, которое она питала къ Потемкину, и ни на одно изъ тѣхъ, которыми была полна ея жизнь, богатая разнообразными впечатлѣніями. Но Ланской не былъ честолюбивъ, а Екатеринѣ не суждено было надолго сохранить его при себѣ. 19 іюня 1784 г. этотъ красивый юноша, который въ теченіе четырехъ лѣтъ былъ ея радостью, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточились всѣ ея помыслы, мечты, желанія; котораго она лелѣяла и ласкала болѣе и нѣжнѣе всѣхъ своихъ прежнихъ фаворитовъ,—почувствовалъ вдругъ приступы неизвѣстной болѣзни. Немедленно былъ вызванъ изъ Петербурга въ Царское Село докторъ-нѣмецъ Вейкардъ; этотъ ученый былъ настоящій нѣмецкій педантъ, грубоватый, не привыкшій къ деликатному обращенію. Сидя на постели больного Екатерина съ безпокойствомъ спросила его: «Что у него такое?»

«Злокачественная лихорадка, Ваше Величество; онъ отъ нея умретъ».

Докторъ настаивалъ, чтобы императрица удалилась, говоря, что болѣзнь заразительна; то была, какъ догадываются, ангина. Екатерина ни минуты не колебалась въ выборѣ между настойчивымъ совѣтомъ о предосторожности и болѣе властнымъ требованіемъ своего сердца. Вскорѣ она почувствовала подозрительные симптомы горловой болѣзни. Но она всѣмъ пренебрегла. Черезъ десять дней Ланской скончался на ея рукахъ. Ему было двадцать шесть лѣтъ. Прочтемъ жалобы любовницы, убитой горемъ:

«Когда я начинала это письмо, я была счастлива и весела, и мои мысли летѣли такъ быстро, что я не знала, чѣмъ онѣ окончатся. Теперь не то! Я убита горемъ! у меня нѣтъ болѣе счастья! Я думала, что умру сама отъ невозвратной утраты, которую я только что перенесла недѣлю тому назадъ, когда умеръ мой лучшій другъ! Я надѣялась, что онъ будетъ опорой моей старости; онъ приноравливался къ этому, пользовался случаемъ, перенималъ всѣ мои вкусы. Это былъ юноша, котораго я воспитывала, который былъ благодаренъ, нѣженъ и благороденъ; онъ дѣлилъ со мной мои горести, когда онѣ у меня бывали, и радовался моимъ радостямъ! Однимъ словомъ, рыдая, я имѣю несчастіе сказать вамъ, что генерала Ланского не стало! И моя комната, раньше для меня такая пріятная, превратилась въ пустую пещеру, по которой я съ трудомъ двигалась, какъ тѣнь.

Наканунъ его смерти у меня заболѣло горло и явилась сильная лихорадка, однако со вчерашняго дня я уже покинула постель, но такъ слаба, и такъ грустно настроена, что не могу видѣть человѣческаго лица безъ того, чтобы не расплакаться. Я не могу ни спать, ни ѣсть; чтеніе мнѣ надоѣдаетъ, отъ писанія—изнемогаю. Я не знаю, что со мной будетъ, но знаю только одно, что во всю жизнь я не была такъ несчастна, какъ съ той поры, когда мой наилучшій и любимый другъ покинулъ меня. Я открыла свой ящикъ, нашла этотъ начатый листокъ, написала эти строчки—но болѣе не могу...»

Это было 2 іюля 1784 г. Только черезъ два мѣсяца Екатерина возобновила свою переписку съ Гриммомъ. «Признаюсь вамъ, что все это время была не въ состояніи вамъ писать, потому что я знала, что это заставитъ насъ обоихъ страдать. Черезъ недѣлю послѣ того, какъ я вамъ написала въ іюль свое послѣднее письмо, ко мнѣ пріѣхали Федоръ Орловъ и князь Потемкинъ. До той минуты я не выносила человѣческаго лица; эти же хорошо придумали: они начали ревѣть вмѣстѣ со мною—и тогда мнѣ стало легче. Но для этого требовалось не мало времени. Въ силу своей чувствительности я стала существомъ безчувственнымъ ко всему, исключая этого горя; оно усиливалось, поддерживалось воспоминаніями на каждомъ шагу и при каждомъ словѣ. Однако, не подумайте, что ради этого ужаснаго состоянія я пренебрегала малѣйшими дѣлами, которыя требовали моего вниманія. Въ эти ужасныя минуты отъ меня ждали приказаній и я ихъ давала правильно и разумно, что особенно поражало генерала Салтыкова. Болѣе двухъ мѣсяцевъ прошло безъ какого бы то ни было облегченія. Наконецъ наступили нѣкоторые промежутки; сначала болѣе спокойные часы, затѣмъ — дни. Осень приближалась; становилось сыро. Надо было топить каминъ въ Царскомъ Селѣ. Мои пришли въ ярость и такую сильную, что пятаго сентября я приказала подать карету — и явилась такъ внезапно, что никто и не подозрѣвалъ, въ городъ, гдѣ остановилась въ Эрмитажѣ. Вчера присутствовала въ первый разъ при обѣднѣ, вслѣдствіе чего тоже впервые видѣла всѣхъ и меня всѣ видѣли. Но, говоря по правдѣ, мнѣ это стоило большого усилія. Когда я возвратилась въ свою комнату, то почувствовала такой упадокъ силъ, что другая на моемъ мѣстѣ, непременно бы лишилась чувствъ. Я должна была бы перечитать ваши послѣднія три письма, но, право, не могу. Я стала существомъ весьма печальнымъ, говорящимъ только односложныя слова. Все

меня огорчаетъ, а я ни у кого не люблю вызывать состраданія къ себѣ».

Одинъ англійскій ораторъ, лордъ Камельфордъ сказалъ, что Екатерина возвышала тронъ своими пороками, какъ король Англійскій (Георгъ III) безчестилъ его своими добродѣтелями. Это выраженіе нѣсколько сильно, но, быть можетъ, согласятся, что пороки, способные проявляться въ такой трогательной формѣ, не заслуживаютъ полнаго осужденія и презрѣнія.

IV.

Такой фаворитизмъ, какимъ онъ былъ въ царствованіе Екатерины, имѣлъ большія неудобства. 1 декабря 1772 г. французскій посланникъ въ Петербургъ — Дюранъ рассказывалъ герцогу Дегильону, что по донесеніямъ, идущимъ изъ дворца, императрица исключительно занята дѣлами Орловыхъ, что около двухъ мѣсяцевъ она не принимается ни за что другое, ничего не читаетъ и почти не дотрогивается до бумагъ. Прошло еще два мѣсяца, а кризисъ все еще продолжался. «Эта женщина ничего не дѣлаетъ», говорилъ Дюрану одинъ придворный; «пока будетъ поддерживать партію Орловыхъ и заниматься ими — намъ ничего не остается дѣлать». Такіе «кризисы» бывали часто. Когда въ февралѣ 1780 г. англійскій посолъ Гарри представился Потемкину, чтобы освѣдомиться насчетъ одной очень важной бумаги, поданной нѣсколько дней тому назадъ императрицѣ, то ему отвѣтили, что онъ выбралъ неудачное время: Ланской былъ боленъ и опасенія о его смерти такъ тревожили государыню, что она была неспособна сосредоточить свое вниманіе на чемъ другомъ: всѣ ея мысли о честолюбіи и славѣ разлетѣлись въ прахъ; всѣ заботы относительно интересовъ и личнаго достоинства исчезли — все было поглещено этой единственной заботой. Князь Потемкинъ высказывалъ опасенія Гарри, что графъ Панинъ воспользуется этимъ случаемъ, чтобы осуществить свои намѣренія и придать иностранной политикѣ другое направленіе. Черезъ три года болѣзнь самого князя Потемкина навела на императрицу такой страхъ, что маркизь Веранъ, готовящійся уѣхать изъ Петербурга никакъ не могъ получить прощальную аудіенцію. Окружающіе Екатерины, видя ея искаженныя черты лица и красныя отъ слезъ глаза, совѣтовали ей не показываться въ обществѣ. Ауденція была отложена.

Если фаворитизмъ и не останавливалъ дѣлать, то случалось, что эти дѣла вручались людямъ, не способнымъ къ управленію, напр., Мамонову или Зубову. Этимъ еще не ограничивалось, что фавориты, благодаря своему быстрому повышенію, превращались ежедневно въ генераловъ, маршаловъ и министровъ, но такіе вельможи, созданные однимъ взмахомъ волшебной палочки, имѣли въ свою очередь своихъ собственныхъ „креатуръ“. У нихъ были также и враги, старавшіеся помѣшать ихъ могуществу или славѣ.

Такъ поступилъ Потемкинъ съ знаменитымъ Румянцевымъ, отнявъ у государства его лучшаго солдата. Иногда они выдвигали какого-нибудь честолюбца, чтобы погубить своего соперника. Въ 1787 г. Мамоновъ подозрительно взглянулъ на появленіе при дворѣ молодого князя Кочубея; онъ распорядился отправить его посломъ въ Константинополь. Вотъ удачно выбранное посольство! Но если фаворитъ исчезалъ, то послѣдствія его кратковременнаго могущества все же оставались.

Послѣ смерти Потемкина его секретарь Поповъ занялъ его постъ генераль-губернатора въ Екатеринославѣ.

Онъ самовластно распоряжался всѣмъ при помощи магической фразы: «такова была воля покойнаго князя. Онъ хранитель этой тайной воли; онъ—орудіе своего «создателя», какъ онъ называлъ покойнаго Потемкина.

Графъ же Растопчинъ, хорошій знатокъ людей, утверждалъ, что этотъ человѣкъ, хотя и управлялъ при жизни Потемкина въ теченіе десяти лѣтъ цѣлой Россіей, не имѣлъ ни малѣйшаго понятія въ дѣлахъ правленія. Впрочемъ у него были еще и другія занятія. Растопчинъ зналъ въ немъ единственное качество: его крѣпкое физическое сложеніе, позволявшее ему аккуратно всѣ дни и ночи проводить за картами; играя, онъ сдѣлался генераломъ, кавалеромъ трехъ орденовъ и занималъ почетныя должности, которыя приносили ему ежегодно по 5000 руб. Еще въ февралѣ Растопчинъ писалъ: «никогда не были такъ часты преступленія, какъ сейчасъ. Безнаказанность и нахальство достигаютъ крайнихъ предѣловъ. Три дня тому назадъ нѣкто Ковалинскій, бывший секретарь военной комиссіи, выгнанный императрицей за растрату и лихоимство, назначенъ рязанскимъ губернаторомъ, потому что у него есть братъ, такой же негодяй, какъ и онъ, знакомый съ Грибовскимъ, начальникомъ канцеляріи Платона Зубова. Одинъ Рибасъ воруетъ по 50,000 руб. ежегодно».

Кастера, вычисляя, пришелъ къ такому заключенію, что десять главныхъ персонажей этого учрежденія, вмѣстѣ съ какимъ-то Высоцкимъ, стоили громадной суммы.

Получили:

Пять братьевъ Орловыхъ . . .	17,000,000	руб.
Высоцкій	300,000	”
Васильчиковъ	1,110,000	”
Потемкинъ	50,000,000	”
Завадовскій	1,380,000	”
Зоричъ	1,420,000	”
Корсаковъ	920,000	”
Ланской	7,260,000	”
Ермоловъ	550,000	”
Мамоновъ	880,000	”
Братья Зубовы	3,500,000	”
Расходъ фаворитовъ	8,500,000	”
Итого	92,500,000	руб.

По курсу того времени это равнялось 400 милліонамъ франкамъ.

Такое приблизительно вычисленіе сдѣлалъ и англійскій посланникъ Гарри. По его словамъ съ 1762 по 1783 семья Орловыхъ получила 40 или 50 тыс. душъ крестьянъ, 17,000,000 руб. серебромъ, дворецъ, драгоцѣнности и сервизъ. Васильчиковъ въ 22 мѣсяца получилъ 100,000 руб., на 50000 р. драгоцѣнностей и меблированный дворецъ стоимостью въ 100,000 руб., посуду въ 50000 руб., пенсію въ 120,000 руб. и 7000 душъ крестьянъ. Завадовскій въ полтора года—6000 душъ крестьянъ въ Украинѣ; 2000—въ Польшѣ, 1800—въ Великороссіи, 80,000 руб. драгоцѣнными вещами, 150,000 руб. серебр., сервизъ въ 30000 и пенсію въ 10,000 руб. Зоричъ въ годъ—имѣніе въ Польшѣ стоимостью въ 500,000 р.; другое въ Ливоніи въ 100,000 р., 500,000 р. наличными, на 200,000 руб. драгоцѣнностей и камандорство въ Польшѣ съ 12000 р. дохода. Корсаковъ въ шестнадцать мѣсяцевъ получилъ: 150,000 р. и при отъѣздѣ: 4000 крестьянъ въ Польшѣ, 100,000 руб. для уплаты долговъ; 100,000 руб. на экипировку и 20,000 руб. ежемѣсячнаго пособія для путешествія за границей. Эти цифры не нуждаются въ коментаріяхъ. Въ іюлѣ 1778 г. кавалеръ Корберонъ писалъ изъ Петербурга графу Верженну: «новый фаворитъ Корсакъ (такова вѣроятно первоначаль-

ная фамилія фаворита) произведенъ въ камергеры. Онъ получилъ 150,000 руб.; его непродолжительное счастье будетъ для него блестяще, и тягостно для государства, которое страдаетъ отъ этого. Эта язва появляется такъ часто, что вызываетъ досаду и неудовольствіе въ обществѣ; результатъ оказался бы очень печальнымъ, если бы Екатерина II не была сильнѣе и дальновиднѣе всѣхъ, кто ее окружаетъ. Окружающіе глухо ворчатъ, а она продолжаетъ царствовать и ея могущество духа будетъ ей спасеніемъ. Недавно въ одномъ русскомъ домѣ подсчитали, что стоитъ фаворитизмъ въ настоящее царствованіе. Общая сумма равняется 48 милліонамъ рублей! Но дѣло касалось не однихъ только денегъ. Князь Щербатовъ въ выраженіяхъ, достойныхъ похвалы, поднялъ вопросъ о развращающемъ характерѣ подобнаго учрежденія, находившагося на вершинѣ общества и какъ бы выставлявшаго на показъ подобный развратъ. Фавориты Екатерины съ абсолютной точки зрѣнія были не что иное, какъ эквивалентъ любовницъ Людовика XV; но общія понятія не примѣнимы къ политикѣ и къ морали; и разница двухъ половъ всегда будетъ громадной относительно понятія въ одинаковыхъ поступкахъ. И если Марія Антуанета бывала поражена и страшно возмущена, когда жила при дворцѣ своего тестя, то чувства эти не были равносильны тѣмъ, что испытывала Марія Ѳеодоровна, вторая супруга Павла, когда ея жизнь въ Петербургѣ поставила ее лицомъ къ лицу съ официальнымъ императорскимъ развратомъ. Къ тому же любовницы Людовика XV не слыли за его сотрудницъ въ государственныхъ дѣлахъ».

Одинъ изъ товарищей по оружію Костюшки, нѣкто Нимцевичъ рассказываетъ въ своихъ запискахъ 1794 г. о посѣщеніи тѣхъ домовъ, которые были выстроены для императрицы по дорогѣ въ Крымъ во время ея путешествія въ 1787 г. «Спальни императрицы вездѣ были устроены по одинаковому плану; возлѣ ея кровати помѣщалось громадное зеркальное пано,двигающееся посредствомъ пружины; когда оно подымалось, то за нимъ показывалась другая кровать—Мамонова.... А Екатеринѣ было тогда 59 лѣтъ!

Поднимать развратъ на такую высоту—не значило ли культивировать его? Конечно всѣмъ этимъ эта странная женщина совершала громадный проступокъ противъ законовъ вѣчной женственности. Такъ же слѣдуетъ замѣтить и то, что въ ней никоимъ образомъ не было старанія бравировать своимъ цинизмомъ, не было и полнѣйшаго притупленія нравственнаго чувства, ни

извращенности ума. Если оставить въ сторонѣ фаворитизмъ со всей его сложностью, то Екатерина скорѣе была даже строга въ нравственномъ отношеніи и очень доступна стыдливости. Она цѣнила непорочность и даже неприступность. Однажды, по дорогѣ въ Кіевъ она попросила сидящаго съ ней въ каретѣ гр. Сегюра сказать ей какое-нибудь стихотвореніе; тотъ исполнилъ ея желаніе и началъ декламировать отрывокъ изъ стихотворенія довольно «вольнаго и веселаго характера» — какъ рассказывалъ потомъ гр. Сегюръ—но все же настолько приличное, что было принято довольно благосклонно герцогомъ Невернэ, принцемъ Бово и дамами, чья добродѣтель равнялась ихъ любезности. Екатерина, однако, тотчасъ нахмурила брови, прервала неосторожнаго декламатора совершенно неотносящимся къ дѣлу вопросомъ и перемѣнила тему разговора.

Въ 1788 г. адмиралъ Павелъ Жонсъ, призванный ею на службу изъ Англіи, былъ обвиненъ въ вольномъ обращеніи съ одной молодой дѣвицей, принадлежавшей къ придворному кругу, и тотчасъ же изгнанъ, хотя въ данный моментъ чувствовался сильный недостатокъ въ людяхъ, способныхъ къ командованію. За аналогичный поступокъ англійскій посланникъ Макартеи вынужденъ былъ покинуть свой постъ. Въ 1790 г. бесѣдуя со своимъ секретаремъ о французскихъ событіяхъ, Екатерина напала на французскихъ актрисъ, которыхъ она обвиняла въ развращеніи французскихъ нравовъ. «Эта страна погѣбла оттого,—сказала она,—что тамъ всѣ предаются разврату и порокамъ. Опера-Буффъ развратила всѣхъ. Я думаю, что французскія гувернантки вашихъ дочерей—всѣ б..... Берегите нравы!»

Она была увѣрена, что сама она не впала въ развратъ и не содѣйствовала развращенію нравовъ въ своемъ государствѣ, и находила весьма естественнымъ написать Потемкину, что его преемникъ—Мамоновъ, Сашенька, какъ она его называла, любитъ его и смотреть на него, какъ на отца родного. Она безъ стѣсненія спрашивала своего сына и невѣстку о королѣ Понятовскомъ, котораго тѣ видѣли, проѣздомъ черезъ Варшаву: «я думаю», писала она, «что его величество король польскій съ трудомъ могъ признать въ моихъ портретахъ, которые вы ему показали, мое лицо, которое онъ видѣлъ двадцать пять лѣтъ назадъ».

Описывая Екатерину, принцъ де-Линь говоритъ: «Никогда не осмѣлятся никто въ присутствіи императрицы сказать что-либо дурное про Петра I или про Людовика XVI или намекнуть насчетъ религіи или нравовъ. Иногда удавалось съ большимъ

трудомъ какъ бы нечаянно проронить какое-нибудь замѣчаніе по этому поводу, но сильно замаскированное на что Екатерина чуть замѣтно усмѣхалась. Она же сама не позволяла себѣ никогда никакой двусмысленности.

Указомъ повелѣвалось содержателямъ публичныхъ бань устраивать отдѣльныя помѣщенія какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Въ женское отдѣленіе мужчины допускались лишь по необходимости службы или врачи. Странное исключеніе было сдѣлано для художниковъ, пожелавшихъ изучать свое искусство на живыхъ моделяхъ.

Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины обвиненія стали болѣе откровенными: осуждали главнымъ образомъ ея вкусы и постыдныя привычки.

Говорили, что, кромѣ общества, собиравшагося на малыхъ пріемахъ, было организовано другое, болѣе ограниченное, состоящее изъ двухъ Зубовыхъ, Петра Салтыкова и нѣсколькихъ женщинъ, о фамиліи которыхъ мы предпочитаемъ умолчать; и когда рассказывали о подобныхъ собраніяхъ, то упоминали имя Лесбоса и къ другимъ знаменитымъ прозвищамъ Екатерины прибавляли имя Сѣверной Цибеллы.

Мы не думаемъ, чтобы Екатерина оправдывала это названіе, но и не можемъ сказать, что она ихъ и не заслужила. Развѣ вся эта грязь, поднятая вокругъ ея памяти, не есть уже настоящее искупленіе?

Внезапная смерть Екатерины, настигшая ее въ ея гардеробной, была, быть можетъ, также своего рода искупленіемъ. Уже давно, какъ извѣстно, излишества, которымъ предавалась императрица, считались за причины, подтачивающія ея могучее здорье. Въ 1774 г. Дюранъ, разспрашивавшій одного придворнаго о причинѣ нѣкоторыхъ симптомовъ, возбуждавшихъ безпокойство лейбъ-медиковъ Ея Величества, получилъ въ отвѣтъ, что «эти потери вызваны прекращеніемъ мѣсячныхъ очищеній или переутомленіемъ ослабѣвшаго органа».

Въ другомъ донесеніи, говоря о нѣкоторыхъ опасеніяхъ фаворита насчетъ состоянія здоровья императрицы, французскій дипломатъ писалъ: «...Ему не безызвѣстно то, что знали очень немногіе, а именно, что императрица, передъ тѣмъ, какъ принять холодную ванну, упала въ обморокъ, который продолжался болѣе получаса; что ея преданные слуги замѣчали у нея съ нѣкоторыхъ поръ странныя подергиванія лица и всего тѣла; что отъ злоупотребленія холодными ваннами и табакомъ она мину-

тами забывалась и имѣла идеи, противорѣчащія ея характеру. И я вывожу изъ всего этого, что она подвержена истеріи».

Въ 1774 г. эти предположенія были преждевременны, но черезъ двадцать лѣтъ Екатерина дошла до того, что оправдала ихъ.

Мы просимъ прощенія у нашихъ читателей и въ особенности у читательницъ, что приподняли покрывало, которое время и забвеніе накиннули на всѣ эти подробности.

Мы имѣли въ виду только одно—что и послужить намъ оправданіемъ—искренность, которую, за недостаткомъ другихъ качествъ, хотѣли вложить въ этотъ очеркъ; несмотря на нѣкоторыя затрудненія и опасенія, соблазнившія и заинтересовавшія насъ, какъ, надѣмся, заинтересуютъ и другихъ своимъ разнообразіемъ, сложностью и оригинальностью, быть можетъ, единственной въ своемъ родѣ,—строго историческихъ данныхъ, могущій поэтому посоперничать съ любымъ остроумнымъ произведеніемъ самой пылкой фантазіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Перевоспитаніе Екатерины.

Стр.

Екатерина и ея супругъ возвращаются къ школьному возрасту.— Инструкція Бестужева.— Обвинительный актъ.— Грѣхи Екатерины.— Близость къ Чернышевымъ.— Бесплодіе супружескаго великокняжескаго ложа.— Кто виноватъ?— Неудача Канцлера.— Строгости.— Новыя слуги Екатерины.— Шкуринъ.— Владиславовъ.— Одиночество.— Жизнь двора.— Дворцы.— Первые поэтическіе опыты Екатерины.— Что видно въ щель.— Супружеская жизнь.— Привычки Петра.— Собаки.— Пьянство.— Охота.— Верховая ѣзда.— Чтеніе.— Первые книги Екатерины.— Екатерина дѣлается матерью.— Кто отецъ?— Любовныя развлеченія.— Захаръ Чернышевъ.— Красавецъ Сергій.— Причины государственной важности.— Рожденіе Павла.— Различныя предположенія.— Чтеніе и одиночество еще больше.— Умственное и нравственное развитіе 5

Молодой дворъ.

Екатерина и политика.— Политика и любовь.— Вильямсъ и Понятовскій.— Матеріальное затрудненіе.— Роль Понятовскаго.— Желаніе дипломатовъ удалить его.— Понятовскій отозванъ.— Его приключеніе въ Ораніенбаумъ.— Что вытекаетъ изъ связи будущей императрицы съ будущимъ королемъ.— Жизнь молодого двора.— Екатерина эмансипируется.— Общее растлѣніе нравовъ.— Ночныя отлучки.— Роль фрейлинь.— Поведеніе Петра.— Екатерина идетъ по независимому пути, 40

П о б ѣ д а.

Въѣздъ императрицы.— Григорій Орловъ.— Начало фаворитизма.— Волненіе въ войскахъ.— Письмо къ Понятовскому.— Хладнокровіе Екатерины 60

Внѣшность, характеръ, темпераментъ.

Красота Екатерины.— Какіе глаза?— Портреты, нарисованные самою Екатериной, Вольтеромъ, графомъ Сегюромъ, Чемесовымъ.— Анекдотъ русскаго двора.— Императоръ Николай.— Легенды.— Характеръ.— Эпитафія.— Честолюбіе.— Смѣлость.— Фатализмъ.— Оптимизмъ и эвдемонизмъ.— Тщеславіе.— Императрица и женщина.— Сила воли и непо-

стоянство.—Упрямство.—Трудоспособность.—Веселость.—Нетерпѣніе и живость.—Щедрость.—Чувственность.—Не истерія и не нимфоманія.—
 Догадки 65

Идеи и принципы.

Умственные способности.—Воображеніе и здравый смысл.—
 Воздушные замки.—Миражъ.—Остроуміе и остроуы.—Нѣмецкое происхожденіе. Начитанность.—Маленькая ученая съ темпераментомъ . . . 100

Личная жизнь.

День Екатерины.—Ея утренній выходъ.—Завтракъ.—Утренняя работа. Часы отдыха.—Приемы.—Игры.—Легенда и исторія.—Развлеченіе и удовольствія.—Любовь къ дѣтямъ.—Домашнія животныя.—Выѣзды Екатерины.—Плантоманія.—Приемы въ Эрмитажѣ.—Обмѣнъ записокъ . 125

Интимная жизнь. Фаворитизмъ.

Легенда и исторія.—Характеръ фаворитизма въ Россіи.—Размѣры его при Екатеринѣ.—Первый фаворитъ.—Его источники.—Ненасытная чувственность или страстность натуры.—Доля разсудка.—**Воспитанники** Екатерины.—Безуміе и разумъ.—Фаворитизмъ или государственное учрежденіе.—Число избранниковъ.—Первый день любви.—Золотая клѣтка, которую зорко стерегутъ.—Фавориты и случайные любовники.—Потеря мѣста.—Григорій Орловъ.—Тяжелое разставаніе.—Станный договоръ.—Потемкинъ.—Ссора влюбленныхъ.—Любовникъ и другъ.—Появленіе Зубова.—Неудобство фаворитизма.—Что стоитъ фаворитизмъ.—Общій его итогъ.—Развращающее вліяніе.—Мораль Екатерины. Цѣломудріе и стыдливость.—Позорящія обвиненія.—Искупленіе . . 145